

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
ПЕРМСКИЙ ФИЛИАЛ**

Караваяева Юлия Станиславовна

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА В КРИМИНОЛОГИИ
Учебное пособие

**ПЕРМЬ
2021**

УДК 343.22

ББК 67.408

К 21

Рецензенты:

Пастухов П.С., доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «РАНХиГС при Президенте РФ» Пермский филиал

Шумихин В.Г., доцент кафедры уголовного права и прокурорского надзора Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет», кандидат юридических наук, доцент

К21 Караваяева Ю. С. Личность преступника в криминологии: учеб. пособие. – Пермь: Издательство «Миг», 2021. – 146 с.

В учебном пособии систематизируется учебная и научная литература, раскрывающая вопросы личности преступника в криминологии и уголовном праве России. Представлен обзор криминологических теорий, объясняющих причины и условия формирования личности преступника, ее связь с детерминантами преступности и механизмом преступного поведения, а также необходимость учета ее специфических характеристик в целях предупреждения преступности. Определение понятия личности преступника предваряется анализом подходов к термину «личность», сложившихся в социальных науках, рассмотрены вопросы структуры и типологии личности преступника, ее соотношения с субъектом преступления и некоторые вопросы уголовно-правового значения. Адресовано студентам, обучающимся по направлению подготовки «Юриспруденция», а также всем, кто интересуется современными проблемами криминологии и уголовного права.

Ответственность за точность приведенных данных, аутентичность цитат, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несет автор

ISBN 978-5-6043767-5-1

© Караваяева Ю. С., 2021

© Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», 2021

© Изд-во «Миг» (ИП Хусид Д. Г.), 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ.....	4
ГЛАВА 1. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА	6
1.1 Антропологическое (биологическое) направление в изучении личности преступника	8
1.2 Психологические теории личности преступника	23
1.3 Социологический подход к личности преступника	37
ГЛАВА 2. ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА И ТИПОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА	88
2.1 Концепт личности в социальных науках	88
2.2 Понятие и значение личности преступника в криминологии и уголовном праве России	100
2.3 Структура личности преступника	117
2.4 Типология личности преступника.....	129
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	139

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ

Используемое в целях квалификации совершенного деяния и привлечения к уголовной ответственности понятие субъекта преступления оказывается недостаточным для объяснения детерминантов совершенного деяния и отдельных видов преступности, механизма преступного поведения, а также для целей предупреждения преступности в целом. В этой связи в рамках криминологического изучения феномена преступного поведения используется понятие личности преступника, в основе которого лежит концепт личности, разработанный представителями широкого круга наук, включая философию, социологию, социальную психологию и т. д.

Личность преступника традиционно относится к предмету изучения криминологической науки, однако, это не означает отсутствие вопросов, обсуждаемых до сих пор. Об этом, к примеру, свидетельствует значительное число криминологических теорий личности преступника и преступного поведения, позволяющих взглянуть на указанные явления под разными углами. Кроме того, несмотря на утвердившийся в среде ученых-криминологов подход об объективных основаниях отграничения личности преступника от личности непереступника, дискуссия о целесообразности и обоснованности такого подхода продолжается. Также в науке активно обсуждаются вопросы моментов возникновения и прекращения существования личности преступника. В связи с некоторыми новеллами действующего уголовного закона актуализировано обсуждение теории опасного состояния личности.

Вместе с тем, связывать значение личности преступника исключительно с целями криминологической науки было бы неправильным, поскольку в нормах Уголовного кодекса России законодатель допускает его использование, регламентируя, в частности, институт индивидуализации уголовной ответственности. Кроме того, обращение к институту

специального субъекта преступления позволяет заключить об использовании некоторых личностных характеристик в качестве его специальных признаков, установление которых требуется в целях квалификации отдельных видов преступлений.

С учетом указанного становится очевидной необходимость дальнейшего исследования вопросов, связанных с личностью преступника, а его перспективы обусловлены, в том числе, динамикой социальных изменений. В частности, сложившийся в сознании российского общества стереотип преступника сегодня уступает место качественно отличному от него образу: вместо «несознательного, культурно отсталого члена общества» мы можем наблюдать «...вхождение в преступный мир высокообразованных и высокоинтеллектуальных людей»¹. Данное обстоятельство само по себе является достаточным основанием для «...возвращения к осмыслению социальной сущности преступности и социального облика лиц, совершающих преступления»².

Таким образом, изучение понятия личности преступника и вопросов, связанных с ним, является необходимым условием успешного усвоения курса по криминологии и важнейших вопросов уголовного права.

Пособие содержит ключевые понятия, устоявшиеся выражения, позволяющие представить изучаемый объект в целостном виде. В процессе разработки учебного пособия научный и учебный материал были подвергнуты обобщению, структурированию в целях наиболее полного рассмотрения тематики работы.

Учебное пособие может быть полезным как при подготовке к прослушиванию лекционного материала и практическим занятиям, так и для восстановления в памяти основных положений изложенного курса в процессе подготовки к аттестации по предмету «Криминология».

¹ Антонов-Романовский Г.В. Личностный аспект отклоняющегося поведения (философский подход) // Личность преступника и ее криминологическое изучение / под ред. проф. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2018. С. 43-48.

² Там же. С. 43-48.

ГЛАВА 1. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

Вопрос о сущности личности являлся предметом изучения представителей различных наук и остается таковым до сегодняшнего дня. Для криминологии польза данных научных изысканий связана с построением собственных концепций, объясняющих природу личности преступника, отличия ее от личности законопослушного гражданина и сопряженных с рассмотрением проблем детерминантов преступности и индивидуального преступного поведения, предупреждения и прогнозирования преступности. Криминологические исследования указанных вопросов, по определению имеющие характер междисциплинарных, основываются в известной мере на положениях, разработанных социологами, психологами, философами и представителями иных наук. Отсюда логично, что взгляды криминологов перекликаются, имеют некоторые общие моменты с этими теориями.

В силу непосредственной взаимосвязи понятий преступного поведения, личности преступника и детерминантов преступности, сложно выделить те криминологические теории, которые фокусируются исключительно на вопросах формирования и содержания личности преступника. Так или иначе, любая из теорий затрагивает каждый из обозначенных вопросов.

По большому счету, существующие криминологические теории о личности преступника, ее возникновении, формировании и содержании, можно разделить на две группы: теории, признающие социальную обусловленность указанной личности (социологический подход); теории, отдающие приоритет биологическим (врожденным) качествам человека при объяснении преступного поведения личности (антропологический или биологический подход, в рамках которого некоторыми исследователями самостоятельное значение придается психологическим теориям). При этом отдельные взгляды на природу преступного поведения и личности преступника были высказаны намного раньше их концептуального

оформления. Как отмечает Ю. Ю. Комлев, «появление первых девиантологических идей просматривается в древних китайских и индийских правовых трактатах, в законах царя Хаммураби, в законах XII таблиц раннего римского права, в англо-саксонском Common law, в Салической правде франков, в славянской Русской Правде, в хартии английских вольностей Magna carta и других историко-правовых документах древности»³. В то же время, логично предположить, что первые объяснения природы преступления имели религиозную основу и связывали совершение преступных деяний с проявлениями порочной человеческой природы, греховности. Дальнейшее развитие взгляды на преступность и личность преступника получили в рамках классической школы криминологии, в основе формирования которой лежали работы мыслителей эпохи Просвещения, а ключевое значение имел труд Ч. Беккариа «Преступление и наказание». Основные идеи данной школы сводились к тому, что преступление есть результат свободного рационального выбора человеком варианта преступного поведения. Иными словами, отрицалась метафизичность преступления, а личность преступника рассматривалась в свете теории свободы воли как личность, сознательно и рационально контролирующая свою жизнь, что вело к выводу о необходимости привлечения к ответственности за совершение неблагоприятных поступков, включая преступления, в связи с чем институт наказания приобретал особое значение. Вместе с тем, критика классического подхода вызвана, в том числе, тем фактом, что в фокусе исследований его представителей находились преступление и наказание как юридические категории, тогда как личность преступника осталась практически без внимания. Это обстоятельство, а также умозрительность выводов классицистов, не использующих методы эмпирического исследования, обусловили возрастание интереса научной общественности к теориям антропологического толка, возникновение

³ Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения: уч. пособие. – 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. дом АЛЕФ-ПРЕСС, 2014. С. 21.

которых приходится на первую половину XIX века. В отличие от классической школы, антропологический подход опирался в своих исследованиях на внушительную эмпирическую базу, сформированную, как правило, посредством использования методов антропо-биологического измерения преступников, наблюдения, эксперимента. Тем не менее, взгляды классицистов не утратили актуальности до сегодняшнего дня и явились методологической и идеологической основой возникновения новых теорий, которые принято именовать неоклассическими или постклассическими. О некоторых из них речь пойдет в следующих частях работы.

1.1 Антропологическое (биологическое) направление в изучении личности преступника

Исторически первая попытка объяснения природы личности преступника была предпринята в рамках антропологического или позитивистского направления зарубежными криминологами. Традиционно считается, что основоположником указанного направления является итальянский тюремный врач-психиатр Ч. Ломброзо, сформулировавший понятие прирожденного преступника, обладающего определенным набором внешних отличительных признаков (стигматов), соответствующих различного рода преступлениям, к совершению которых человек имеет природную предрасположенность. Вместе с тем, некоторыми авторами называются фамилии и иных ученых, внесших вклад в возникновение данного направления – в частности, «английский врач Дж. Причард (1786-1848) в своем «Трактате о помешательстве» (Treatise of Insanity) предложил теорию нравственного помешательства (moral insanity)»⁴, причем само нравственное помешательство понималось как «...группа различных

⁴ Прокументов Л.М. О происхождении антропологического направления в уголовном праве и криминологии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10. № 1. С. 20-27.

расстройств психики, которые характеризуются видимой нормальностью интеллекта и нарушением аффективной и волевой сфер»⁵. Биологический характер теории заключался в том, что в основе нравственного помешательства, по мнению Причарда, лежала наследственная предрасположенность. Свое дальнейшее развитие теория получила в работах Г. Модсли, который считал, что, нравственное чувство, являясь врожденным, приобретает сознательно, а впоследствии, приобретая значение бессознательной способности, передается подобно инстинкту. Совершение преступления Модсли связывал с нравственным помешательством, а в качестве мер, применяемых к преступникам, предлагал тюремное заключение или лечение в сумасшедшем доме, а также ограничение деторождения⁶.

Идеи природного преступного начала также развивались в трудах английских тюремных врачей Д. Никольсона и Б. Томсона. К примеру, производивший вскрытия преступников Б. Томсон отмечал патологические признаки, характерные как для их внешнего вида, так и для внутренних органов. Вместе с тем, по степени значимости воздействия на преступное поведение Томсон выделял психический фактор как преобладающий над биологическим: «Преступник - продукт вырождения, полуцивилизированный дикарь. Его наследственная природа непреодолима»⁷. Л. М. Прокументов отмечает, что именно работы Б. Томсона, опубликованные в крупных европейских журналах, предшествовали трудам Ч. Ломброзо⁸.

В дальнейшем разными учеными на основе проводимых исследований, сводившихся, в основном, к определению особенностей антропологических характеристик преступников, были сделаны выводы о значении размеров черепа для преступного поведения; о недостатках внешности и строения

⁵ Прокументов Л.М. Указ. соч. С. 20-27.

⁶ Там же. С. 20-27.

⁷ Там же. С. 20-27.

⁸ Там же. С. 20-27.

череп у преступников; о наличии антропологических черт преступника у представителей «низших рас».

Так, Ф. Гэлл сделал вывод о необходимости учета формы черепа человека в целях определения склонности его к преступному поведению, чем положил начало теории френологии⁹. В дальнейшем его исследования были использованы Ч. Ломброзо, который определенную форму черепа признавал одним из стигматов, выделяющих преступного человека.

Отличительной особенностью антропологического направления можно назвать приверженность его сторонников самым строгим мерам воздействия на людей, подпадающих под выделенные антропоморфические черты прирожденного преступника – некоторыми авторами обосновывался вывод о достаточности выявленных черт для применения указанных мер, даже и при отсутствии факта преступления. В частности, помимо тюремного заключения на неопределенные сроки (в том числе, и предварительного – то есть, до совершения преступления) предлагалось помещение в психиатрические лечебницы, а также ограничение деторождения или физическое уничтожение.

Важно отметить, что «доломбровская» биокриминология развивалась не только усилиями представителей английской медицины, но и американской, где в XIX веке издавался «Американский судебно-медицинский журнал», который «...в большом объеме публиковал статьи биокриминологического направления»¹⁰. Среди последователей идей данного направления в США на тот момент можно назвать Р. Л. Дагдэйла, доктора Грозера, Берда, Самсона, Мак-Доналда и некоторых других. Выводы данных ученых касались, например, пьянства, признаваемого признаком испорченности и «медленной и скрытой мозговой болезни»; психических аномалий как главных источников преступности; наследования преступных

⁹ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 35.

¹⁰ Прокументов Л.М. Указ. соч. С. 20-27.

свойств; необходимости исправления заключенных как низшего физико-психического типа посредством военной муштры и пыток.

В целом, как отмечает Л. М. Прокументов, «можно говорить о том, что «доказательства» порочности физико-психической организации преступников использовались для научного обоснования введения жесткого военного режима в тюрьмах и для превращения заключенных в забитых и послушных администрации лиц»¹¹. Далее автор указывает, что исследования американских криминологов способствовали введению неопределенных приговоров в тюрьмах (окончательный срок определялся администрацией учреждения с учетом изучения личностных особенностей заключенного), а также мер физического воздействия – кастрации и стерилизации для определенных категорий преступников.

Таким образом, именно представителей англосаксонской биокриминологии следует считать стоящими у основания антропологического направления. Однако, так или иначе, ярчайшим его представителем по праву считается Ч. Ломброзо, сформулировавший основные свои взгляды в книге «Преступный человек» (1806) и давший начало теории атавизма или теории прирожденного преступника. Основываясь на взглядах Ч. Дарвина об эволюционном происхождении человека, ученый объяснял природную склонность отдельных людей к совершению преступлений рудиментарным ее характером. Будучи атавистичной по своей природе, эта склонность свидетельствует о деградации человека, в связи с чем иначе, чем дикарем его назвать невозможно. Черты деградации проявляются внешне, а, следовательно, прирожденного преступника легко обнаружить, обратив внимание на его лицо, форму черепа, ушей и некоторые иные признаки. Описание портрета такого человека Ч. Ломброзо представил следующим образом: «... узкий лоб, широкие скулы, очень близко или очень удаленно посаженные глаза, большие уши, примитивное строение мозга, чрезмерная волосистость головы

¹¹ Прокументов Л.М. Указ. соч. С. 20-27.

и тела, асимметрия лица («мясистые мешочки на щеках», выступающий подбородок, большие губы), длинные руки, короткие ноги, плоские стопы, нестандартное число ребер, анемезия (притупленность болевых ощущений)»¹².

Признание человека прирожденным преступником, исходя из его внешних отличительных черт, требовало установления пяти из перечисленных признаков для мужчин, и трех – для женщин.

Помимо преступного человека как «особого антропологического типа», ученый выделял также «безумного преступника» и «криминолоида», причем первый характеризовался как «...идиот, эпилептик или психически ненормальный тип, интеллектуально непригодный к жизни в обществе», а второму приписывалась свойственность «...болезненных влечений или сильных эмоций, подавленность нравственных чувств, которые заставляют их, при соответствующих обстоятельствах, совершать преступления»¹³.

Популярность атавистической теории в XIX веке и признание вклада Ч. Ломброзо в криминологическую науку объясняется, в первую очередь, тем фактом, что эта теория стала первой попыткой изучения преступности и личности преступника посредством полноценного научного методологического аппарата: в отличие от классицистов, как было сказано выше, выводы сторонников антропологического подхода не носили умозрительный характер, а строились на внушительной эмпирической базе, собранной посредством применения методов научного исследования. Несмотря на то, что впоследствии атавистическая теория была признана лженаучной, а Ч. Ломброзо отошел от крайних позиций в своих взглядах и признал значение социокультурных, исторических факторов для преступного поведения, становления и развития личности преступника, в целом значение его научного вклада сложно отрицать. Действительно, впервые преступление и преступник были рассмотрены с позиций наследственных факторов,

¹² Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 36.

¹³ Там же. С. 36.

криминогенное влияние которых признается современными учеными (подчеркнем – указанные факторы выступают в качестве условий, а не причин преступного поведения, согласно доминирующей сегодня точке зрения).

Вместе с тем, в своих воззрениях Ч. Ломброзо известное значение придавал фактору расовой принадлежности преступника¹⁴, что определенным образом было воспринято представителями евгеники и социал-дарвинизма, положенных в основу идеологии и политики нацизма в Германии и фашизма в Италии.

Идеи Ломброзо получили развитие в трудах его последователей – Р. Гарофало и Э. Ферри, однако, доминирующее значение биологических факторов у этих исследователей дополнялось воздействием иных факторов. В частности, Э. Ферри связывал преступление с биологическими, физическими (климат, рельеф, погода и др.) и социальными факторами. Заслуги Ферри, в первую очередь, связываются с тем, что он «...одним из первых рассматривает преступное поведение фактически с системных позиций»¹⁵. Помимо этого, изучая воздействие обозначенных выше факторов, ученый корректирует значение наследственности, сводя его к возрастанию вероятности совершения преступления, но не до степени обреченности на это. Понимая природу преступного поведения как результата многофакторного влияния, Ферри разрабатывает теорию общественной терапии преступности.

Р. Гарофало работал над понятием естественного преступления – «деяния, противоречащего главным социальным чувствам людей (честности и состраданию), которое ни в одном цивилизованном обществе не может расцениваться иначе и которое карается уголовным наказанием»¹⁶, а при определении типа преступника предлагал ориентироваться преимущественно

¹⁴ Ломброзо Ч. Преступный человек. М.: Эксмо, Миргард, 2005. С.28.

¹⁵ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 40.

¹⁶ Иншаков С.М. Зарубежная криминология. М.: Изд. группа ИНФРА-М-НОРМА, 1997. С. 55.

на его психические черты. Однако, как правило, имя этого ученого ассоциируется с появлением термина «криминология» как наименования науки о преступности.

На основе подвергшихся критике идей о биологическом личностном преступном начале в первой половине XX века возникает группа теорий, пытавшихся объяснить природу преступного поведения и личности преступника с позиции особенностей конституции человека, то есть, его телосложения, функционирования организма и отдельных органов. Это направление получило название конституционализма, однако, рассматривается оно в рамках антропологического подхода. Одной из первых таких теорий стала теория Э. Кречмера, который усматривал связь между индивидуальностью человека, типом его телосложения и преступными склонностями. В частности, Кречмер выделил три «биопсихологических типа»: циклоиды – «индивиды, обладающие крупным, мягким типом тела, испытывающие недостаток в спонтанности и изоэтрности с ориентацией на ненасильственные, имущественные правонарушения; шизоиды – индивиды, которые следят за телом и развивают спортивную, мускулистую конституцию, имеют склонность совершать серьезные типы правонарушений; диспластики – индивиды со смешанным типом конституции, эмоциональной и неуправляемой психикой, ориентированные на сексуальные правонарушения»¹⁷.

Идеи Кречмера нашли свое дальнейшее развитие во взглядах У. Шелдона, который эмпирическим путем, сформировав опытную группу из представителей молодых людей в возрасте 15-21 года, вывел следующие четыре типа людей с учетом их телосложения: эндоморф, мезоморф, эктоморф и уравновешенный тип. Каждому типу соответствуют свои черты характера: «эндоморфы расслаблены и общительны в поведении. Эктоморфы необщительны, застенчивы, скрытны, склонны к уединению. Мезоморфы («соматотоники») активны, доминантны, агрессивны,

¹⁷ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 44.

решительны в силу «господства мускульной деятельности»¹⁸. Последние имеют большую вероятность совершить преступление, чем остальные три типа. Попытка верификации опытным путем была предпринята Шеллом и Элеонорой Глюк, в результате эксперимента подтвердившим вывод У. Шелдона о максимальной вероятности преступного поведения, свойственной лицам мезоморфного типа телосложения. Так или иначе, конституциональные теории личности преступника получили критические замечания в связи со «слабой эмпирической обоснованностью и ненадежностью полученных результатов»¹⁹.

На этом попытки обосновать совершение преступлений факторами природного (врожденного) порядка не прекратились. Наоборот, с развитием генетики открылись новые гносеологические перспективы для теорий, в качестве особенностей личности преступника называвших специфику генетического строения организма. Так, широко известен эксперимент с монозиготными и дизиготными близнецами, проведенный в 20-х годах прошлого столетия Й. Ланге и Ф. Штумпфлем: выборка состояла из 30 и 37 пар соответственно. «Исследования Ланге показали, что в 77% случаях у однойяцевых близнецов, если преступление совершал один, то и второй оказывался преступником, у разнойяцевых эта доля составляла 11%»²⁰. Что касается результатов второго ученого, то он установил, что «парное совершение преступлений однойяцевыми близнецами было отмечено в 61% случаев»²¹.

Слабым моментом предположения о генетической обусловленности преступного поведения выступает неучет авторами экспериментов влияния иных факторов, однако, если речь идет о близнецах, совершенно логично предположить, в частности, одинаковые условия воспитания, а значит, и схожие пути социализации – как минимум, до момента совершеннолетия.

¹⁸ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 44.

¹⁹ Там же. С. 45.

²⁰ Иншаков С.М. Указ. соч. С. 124.

²¹ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. 45.

Кроме того, существенное процентное расхождение результатов экспериментов связывается критиками с возрастанием количества участников во втором эксперименте, что напрямую отразилось на его итогах. Отсюда следовал вывод о крайней ненадежности проведенных опытов, подтвержденный в дальнейшем аналогичными экспериментами Г. Кранца, К.-О. Христиансена, проведенными на более многочисленной выборке.

Практически параллельно предпринимаются попытки связать преступное поведение с особенностями хромосомного набора. Как известно, генотип человека состоит из 46 хромосом в комбинациях XX у женщин и XY у мужчин. Вместе с тем, встречаются комбинации из 47 хромосом, когда указанный набор принимает вид либо XXY, либо XYY. В последнем случае ученые выявили повышенную агрессивность у мужчин («супермужчин»), а экспериментальные исследования, проведенные П.-А. Джейкобс в 1965 г. и группой шотландских ученых в 1966 г. в группах заключенных и законопослушных граждан, позволили установить, что в первой группе набор XYY встречается чаще, чем во второй. Вместе с тем, данная теория вызвала резкую критику в связи с низкой репрезентативностью выборки и вытекающей отсюда ненадежной эмпирической обоснованностью результатов²².

В дальнейшем учеными исследовались предположения о наличии корреляции между особенностями гормонального фона человека и преступным поведением (тестостерон – агрессивность; серотонин – агрессивность), а также между уровнем развития интеллекта (IQ) и преступным поведением, темпераментом и криминальным поведением, критика которых также была связана с ненадежностью эмпирической основы.

Целесообразно особое внимание в рамках обзора антропологических теорий личности преступника уделить их оценке отечественными авторами и специфике развития в рамках российской криминологии. Так, среди

²² Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 47.

дореволюционных авторов взгляды Ч. Ломброзо поддерживал ряд ученых, выдвинувших собственные гипотезы о тех природных свойствах человеческой личности, которые определяют факт совершения преступления. В частности, среди подобных свойств «...назывались возраст (Н. А. Неклюдов), анатомические особенности (П. Н. Тарновская), порочность психофизической организации (Д. А. Дриль), антропологические факторы в виде неблагоприятной наследственности (М. П. Чубинский) и др.»²³.

Если говорить о советской криминологии, то примечательным является неоднородность подходов ученых к понятию личности преступника. Так, к примеру, в период, последовавший за событиями 1917 года, работа вновь организованных криминологических центров (кабинетов, как было принято их именовать – всего было открыто 12²⁴) основывалась на воззрениях ученых дореволюционной России, которые, как отмечает А. В. Шеслер, «носили в основном антропологический характер и сформировались под влиянием трудов Чезаре Ломброзо, Энрико Ферри, Франца фон Листа и других западных ученых конца XIX в., исходивших из наличия прирожденного преступника, обладающего опознавательными внешними физическими признаками в виде аномалии черепа, или физиономии, либо из наличия у преступников признаков телесного и душевного вырождения, покоящегося на наследственной дегенерации»²⁵.

Признание среди детерминантов преступного поведения не только факторов социальных, но и биологического порядка обусловило, во-первых, появление криминальной психологии и судебной психологии как самостоятельных отраслей знания, а во-вторых, – привлечение к

²³ Шеслер А.В. Концептуальные подходы к изучению личности преступника в отечественной криминологии // Вестник Владимирского юридического института. 2016. № 3 (40). С. 133-135.

²⁴ Титова Т.С., Сафуанов Ф.С. Изучение личности преступника и преступности (исторический экскурс) // Российский психиатрический журнал. 2017. № 1. С. 53-60.

²⁵ Шеслер А.В. Личность преступника в криминологических теориях советского периода // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 2. С. 193-205.

исследованию вопросов, по сути, относящихся к предмету криминологии, специалистов медицинского профиля. Отмечается, что в этот период «в Баку работала лаборатория под руководством А. А. Перельмана, а в Тбилиси – Г. М. Шенгелая, в которых активно велся поиск особенностей преступного человека. Аналогичные лаборатории действовали в Одессе, Санкт-Петербурге, Москве»²⁶. Важно подчеркнуть, что речь идет об эмпирических исследованиях, как правило, лиц, находящихся в местах заключения, что само по себе для отечественной науки было прецедентным. Так, весной 1923 года вновь созданным Центром им. В.П. Сербского и Московским кабинетом по изучению личности преступника и преступности совместно было проведено масштабное анкетирование двух тысяч заключенных путем привлечения студентов гуманитарного и медицинского направлений, причем, анкета включала в себя три группы вопросов: социологического характера, психиатрического и антропологического²⁷.

В целом антропологическое направление в рамках советской науки до определенного момента поддерживалось руководством страны, поскольку позволяло связывать природу преступности с пережитками буржуазного строя и прогнозировать ее искоренение в относительно недолгой перспективе. Вместе с тем, анализ ситуации, сложившейся вокруг исследований личности преступника в данный период, приводит современных ученых к выводу о том, что «в первых советских криминологических исследованиях произошла ошибочная подмена личности преступника личностью, совершившей общественно опасные деяния в результате имеющихся у нее психических отклонений»²⁸, что не могло привести исследователей «...к явно выраженному ломброзианству»²⁹, поскольку «антропологическое изучение личности предполагает

²⁶ Романовский Г.Б. Правовые основы современной биокриминологии (к 95-летию со дня рождения И.С. Ноя) // Наука. Общество. Государство. 2018. Т. 6. № 4 (24). С. 82-87.

²⁷ Титова Т.С., Сафуанов Ф.С. Указ. соч. С. 53-60.

²⁸ Шеслер А.В. Указ. соч. С. 193-205.

²⁹ Там же. С. 193-205.

исследование морфологических, типологических особенностей преступника с обязательным изучением его конституции, гигиенического состояния, расовых особенностей, половых, возрастных признаков, плодовитости, мимики, а также с необходимостью производить функциональные измерения (сила рук, темперамент и т. п.), над чем долгие годы работал Ч. Ломброзо»³⁰. Кроме того, отечественные авторы учитывали влияние социальных факторов, поэтому их подход правильнее было бы называть биосоциальным. К примеру, к одной из наиболее заметных фигур, способствовавших дальнейшему распространению биосоциального подхода к изучению личности преступника и преступности, следует отнести психиатра Е. К. Краснушкина, по мнению которого, подобные исследования «...лучше всего доступны, конечно, врачу-психиатру и при том социально мыслящему, так как нельзя изучать психической личности вне связи с социальной средой и физиологическими особенностями»³¹. Так или иначе, но криминологические исследования природных черт преступника были прекращены в 1929 году в связи с выходом статьи С. Я. Булатова «Возрождение Ломброзо в советской криминологии»³².

Как известно, отечественная криминология в 1930-1960-е годы переживала кризис, вызванный координированным отказом от исследований соответствующих вопросов и акцентированием внимания ученых на проблемах уголовного и исправительно-трудового права. Как отмечает А. В. Шеслер, это произошло «...по причине несоответствия выводов о наличии особых биологических свойств в личности преступника социальной доктрине марксизма о социальной обусловленности всех общественных явлений»³³. Помимо криминологии, к разряду запрещенных наук были отнесены и некоторые другие – в частности, кибернетика, генетика.

³⁰ Шеслер А.В. Указ. соч. С. 193-205.

³¹ Титова Т.С., Сафуанов Ф.С. Указ. соч. С. 53-60.

³² Романовский Г.Б. Указ. соч. С. 82-87.

³³ Шеслер А.В. Указ. соч. С. 193-205.

Возрождение советской криминологии в 1960-х годах происходило в русле уголовно-правовых исследований, что актуализировало споры о ее самостоятельном характере как научной дисциплины. Примечательно, что данный этап ознаменовался именно работами по личности преступника³⁴.

Все теории советских криминологов, объяснявшие специфику личности преступника, можно разделить на следующие группы: социологические, психологические и биосоциальные. Так, в частности, социологического характера исследования личности преступника обращали внимание на его социально-демографические признаки (пол, возраст, социальные статус и роль), что стало основой для выделения типов преступников по указанным признакам и использовалось в рамках профилактической работы. В рамках психологического направления был сделан вывод о наличии дефектов правосознания, характерных для личности преступника, либо дефектов ценностно-нормативной сферы в принципе. Именно сторонниками психологического подхода была разработана теория психологического отчуждения личности, объяснявшая становление и формирование личности преступника. Так, постулировался факт утраты личностью эмоциональных связей «...в основных сферах социализации (в семье школе, трудовом коллективе и т. д.), результатом чего явилось состояние тревожности, беспокойства личности. В основе совершения любого преступления лежит механизм психологической защиты, доминирует стремление к самоутверждению, которое может быть различным»³⁵.

Говоря о биосоциальном направлении, объясняющем природу личности преступника и причины преступного поведения, следует отметить его меньшую распространенность по сравнению с социальными и психологическими теориями. Большинство исследователей все же придерживались следующей позиции: «именно потому, что преступление – это деяние социальное, а не биологически детерминированное (вред,

³⁴ Шеслер А.В. Указ. соч. С. 193-205.

³⁵ Там же. С. 193-205.

причиняемый душевнобольными, не считается преступлением), законодатель устанавливает ответственность и наказание, которые, будучи социальными категориями, могут детерминировать поведение в нужном для общества направлении. Если бы это было не так, право не могло бы регулировать поведение людей»³⁶.

Вместе с тем, единичные попытки дать объяснение дискуссионным вопросам с указанной позиции все же предпринимались. Как правило, среди сторонников такой точки зрения называется фамилия представителя саратовской криминологической школы И. С. Ноя. Однако, в своем диссертационном исследовании Н. С. Лейкина указывает и иные фамилии ученых-сторонников биосоциального направления: «Так, И. С. Ной, В. А. Шабалин и Ю. А. Демидов писали: «До последнего времени в советской юридической науке господствовал упрощенный, временами вульгарно-социологический подход к объяснению причин антиобщественной направленности поведения правонарушителей. Совершенно игнорировались «прирожденные свойства нервной системы» индивидов, которым академик И. П. Павлов наряду с воспитанием и обучением в самом широком смысле придавал определенное значение в формировании «образа поведения» личности»³⁷. Раскрывая позицию обозначенных авторов, Н.С. Лейкина продолжает: «авторы подчеркивают, что при исследовании причин преступности и характеристике преступника важно исследовать соотношение «прирожденных программ поведения» человека, «закодированных» в его сознании на уровне социальных инстинктов, с «программами поведения», вырабатываемыми им в процессе общественной практики»³⁸. Не соглашаясь с рассмотренной позицией, после ее обзора Н. С. Лейкина указывает, что природные свойства человека «безусловно, имеют важное значение для формирования образа поведения человека», но «они лишь влияют на

³⁶ Лейкина Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. С. 20.

³⁷ Цит. по: Лейкина Н.С. Указ. соч. С. 20.

³⁸ Лейкина Н.С. Указ. соч. С. 20.

динамику, уравновешенность нервных процессов и их проявление и не определяют систему отношений человека к обществу и другим людям»³⁹. Аналогичное мнение высказывает А. Б. Сахаров, отмечая значение социального начала как причины «конкретного социально значимого поступка»: «оно, во-первых, активно воздействует на индивидуальные особенности человека, во-вторых, определяет, в каком социально значимом направлении эти особенности проявятся. Биологические же особенности индивида выступают в качестве условий действия социальных причин»⁴⁰.

Сторонники биосоциального объяснения личности преступника и преступного поведения акцентировали внимание на психических отклонениях лиц, совершивших преступления. Однако верификация опытным путем в рамках соответствующих криминологических исследований позволила, как отмечает А. В. Шеслер, подтвердить ранее сделанный вывод: «... биологические свойства играют роль условия, а не причины преступного поведения»⁴¹.

На сегодняшний день можно говорить об определенном развороте криминологической науки к биологическим исследованиям в контексте задач криминологического исследования, однако, разворот этот осуществляется, в основном, усилиями представителей естественных и медицинских наук. Как отмечает Ю. М. Антонян, в стенах Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского ... в начале XXI века было проведено «...ЭЭГ – исследование нейрофизиологических механизмов предрасположенности к насилию у лиц с органическими психическими расстройствами»⁴², результаты которого позволили сделать вывод о

³⁹ Лейкина Н.С. Указ. соч. С. 20.

⁴⁰ Сахаров А.Б. Учение о личности преступника и его значение в профилактической деятельности органов внутренних дел. Лекция. М.: МВШМ МВД СССР, 1984. С. 25.

⁴¹ Шеслер А.В. Указ. соч. С. 193-205.

⁴² Антонян Ю.М. Криминология будущего: междисциплинарные научные связи // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4 (30). С. 67-75.

«...биологически обоснованной предрасположенности к агрессивному поведению»⁴³.

Современные ученые приходят к выводу, что «комплексный подход к анализу и объяснению человеческого поведения, в том числе преступного, должен учитывать биокриминологические знания. Если теоретики не будут учитывать связь между генетической составляющей и девиантным, особенно преступным, поведением, то подлинное понимание того, как природа человека взаимодействует с психологической и социальной средой в процессе социализации, вряд ли будет достигнуто»⁴⁴.

1.2 Психологические теории личности преступника

Активное развитие естественных наук в части изучения человека во второй половине XIX – начале XX вв. логичным образом отразилось на попытках отыскать ответ на вопрос о причинах преступного поведения, его механизмах и, что для нас важно, – об особенностях личности преступника. Внимание исследователей сосредоточилось на внутренней ее составляющей, что новым для антропологического направления, подвергнувшись к этому моменту достаточно резкой критике, не являлось. Более того, как отмечает Я. И. Гилинский, «становление психологического направления связывают с двумя именами: Р. Гарофало и Г. Тарда»⁴⁵, причем с первым из обозначенных ученых связывается клинический подход к изучению личности преступника, а со вторым – обращение к психологическим механизмам подражания и обучения, использование которых позволило Г. Тарду дать первое психологическое объяснение преступного поведения.

Несмотря на свое разнообразие и достаточно многочисленный характер, психологические теории, объясняя природу преступного поведения

⁴³ Антонян Ю.М. Указ. соч. С. 67-75.

⁴⁴ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 58.

⁴⁵ Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. С. 30.

и личности преступника, во главу угла ставят те или иные особенности психической сферы человека. Значение этих психических особенностей заключается в том, что, опосредуя воздействие факторов социального порядка, они обуславливают совершение преступлений. Отсюда общим для указанных теорий является, во-первых, то обстоятельство, что личность преступника здесь предстает как личность, обладающая определенными врожденными, природными особенностями – и это позволяет ряду авторов рассматривать психологические теории как разновидность антропологических (биологических). Вместе с тем, сторонники психологического подхода к личности преступника признают криминогенное значение социальных факторов, что принципиально отличает его от антропологического⁴⁶, является основанием для придания ему статуса самостоятельного и, одновременно, является вторым общим моментом для рассматриваемой группы теорий. В целом же, следует согласиться с Я. И. Гилинским в том, что «...на примере Р. Гарофало и Г. Тарда мы лишний раз убеждаемся в относительности любой схемы, любой классификации. Так, взгляды Р. Гарофало в равной степени относятся к антропологическому и психологическому направлениям, а работы Г. Тарда иллюстрируют и психологический, и социологический подходы к проблеме преступности, преступления и наказания»⁴⁷.

Логично предположить, что психологический подход в криминологии в существенной степени основывается на теориях личности, разработанных представителями психологии, социальной психологии, психиатрии. Так, первые попытки связать особенности личности преступника с его психикой были предприняты в начале XX века и основывались, с одной стороны, на теории условных рефлексов И. П. Павлова, а с другой – на понятии

⁴⁶ Прим.: хотя не стоит забывать, что некоторые представители антропологического направления также признавали значение социальных факторов – об этом было сказано выше.

⁴⁷ Гилинский Я.И. Указ. соч. С. 31.

психопатологии и введенном в оборот Рихардом фон Краффт-Эбингом термине «психопат».

Психопатология рассматривалась как особая форма безумия – «моральная идиотия», состояние больного ума, имеющее определенные «конституционные или физиологические основания»⁴⁸.

Американский психиатр Х. Клекли описал психопата как личность, которая «интересуется только удовлетворением своих сиюминутных потребностей, причиняя боль и страдания другим, поскольку не способна оценить реакцию окружающих людей (межличностная невосприимчивость), не страдает угрызениями совести и отличается крайним эгоцентризмом», что и составляет ее «моральный идиотизм»⁴⁹. Находясь в состоянии нервного расстройства, психопат «становится агрессивным и не в состоянии контролировать свои побуждения и поступки»⁵⁰.

Критические замечания в адрес сторонников теории психопатологии были вызваны явно неоднозначным пониманием самого термина в науке. Как отмечает Ю. Ю. Комлев, в немецкой традиции психопатия исключает антисоциальное поведение, в английской, наоборот, – антисоциальный контекст имеет ключевое значение, поскольку он выводится из «психической неполноценности» личности. В американской психиатрии значение термина «психопатия» расширяется до понятия «социопатия»⁵¹. Кроме того, остались неясными причины психопатологии – среди называвшихся указывались как факторы физиологического характера (наследственность, сбои нервной системы, психотравмы и др.), так и социального (отсутствие эмоциональных связей с родителями на ранних этапах развития, недостаток внимания и др.)

В основе других попыток психологического объяснения преступного поведения лежит психодинамическая теория З. Фрейда, обратившая внимание на значение иррационального начала в психике человека для его

⁴⁸ Цит. по: Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 61.

⁴⁹ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 62.

⁵⁰ Там же. С. 62.

⁵¹ Там же. С. 62.

поведения. Строго говоря, идеи о неосознаваемых влияниях на поведение человека учеными высказывались и ранее, однако, З. Фрейду удалось не только разработать указанную идею до уровня теории, но и придать ей прикладное значение в рамках своей практики. Данное иррациональное начало ученый обозначил как бессознательное, наряду с которым в структуру психики личности входят также сознание и предсознательное. При этом сознанием, понимаемым как актуальные ощущения и переживания, по мнению З. Фрейда, охватываются отдельные фрагменты окружающего бытия, а значит, целостная картина априори отсутствует. Предсознательное понимается как опыт человека, не осознаваемый на текущий момент, но посредством памяти актуализируемый при необходимости. В свою очередь бессознательное – это «хранилище примитивных инстинктивных побуждений плюс эмоции и воспоминания, которые настолько угрожают сознанию, что были подавлены или вытеснены в область бессознательного»⁵². Для обозначения каждого из этих структурных элементов, в целом образующих психическую структуру личности, З. Фрейд использовал следующие наименования: Id («Оно») – бессознательное, средоточие биологического в природе человека, вытесненного социализированным сознанием. Ego («Я») – «...получает свою структуру и функцию от Ид, эволюционирует из него и заимствует часть энергии Ид для своих нужд, чтобы отвечать требованиям социальной реальности»⁵³. Superego («Сверх Я») появляется и формируется в процессе социализации и представляет собой совокупность всех общественных норм и образцов поведения, усвоенных (интернализированных) индивидом. Исходя из выявленного соотношения влияний каждого из указанных элементов, З. Фрейд пришел к выводу о зависимости поведения от сексуального и агрессивного инстинктов человека, вытесненных из сферы сознания, а

⁵² Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности: основные положения, исследования и применение. Учеб. пособие / Пер. с англ. СПб.: Питер-Пресс, 1997. С. 78.

⁵³ Там же. С. 80.

значит, не поддающихся контролю. Иными словами, речь идет о детерминации человеческих поступков природным началом. С учетом указанного, положения о свободе воли, возможности выбора и самоопределения человеком рассматриваемой теорией исключаются.

Важно, что непосредственно проблемой личности преступника и преступного поведения ученый не занимался, однако, выявленные им механизмы нашли применение для объяснения этих явлений. В частности, «важным для понимания конформного и отклоняющегося поведения является положение фрейдизма о механизмах бессознательной защиты, таких, как: подавление (вытеснение), отрицание, проекция, моделирование реакции, регресс, сублимация. По Фрейду, человек асоциален по своей природе: неуправляемое, импульсивное животное. Отсюда наличие социальных ограничений необходимо для контроля над агрессивным, отклоняющимся поведением, начиная с детского возраста»⁵⁴.

По Фрейду, нарушения эмоциональной связи с родителями или одним из них в раннем возрасте обуславливает ненормальное взаимодействие трех компонентов личности в последующем – бессознательного (Id), предсознательного (Ego) и сознательного (Super-Ego), что может вызывать различного рода девиации (алкоголизм, наркомания) вплоть до совершения преступления. В последнем случае, по оценке немецкого криминолога Г. И. Шнайдера, «преступление – это результат неудачи «Эго» в его попытках удержать под контролем агрессивность, ненависть и фрустрацию»⁵⁵. Справедливо отметить, что в последующих работах позиция Фрейда о генезисе девиантного поведения претерпела некоторые изменения: ученый «...обосновывает психопатологию как состояние, возникшее по причине снижения эффективности работы защитных механизмов, т.е. человек продолжает ощущать тревогу. Тогда возникает саморазрушительное (в

⁵⁴ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 65.

⁵⁵ Цит. по: Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 67.

широком смысле) поведение, которое помогает скрыть это ощущение тревоги»⁵⁶.

Характерным для фрейдистского подхода является признание значительной роли агрессивности и либидо – сексуального влечения (энергии) как природных начал, вытесненных в область бессознательного, проявления которых под влиянием социальных требований преобразуются в общественно приемлемые формы (спорт, брак). Механизмы подавления (вытеснения) этих природных начал и преобразования ученый обозначил как репрессия и сублимация соответственно. Вместе с тем, это положение теории Фрейда вызвало критические замечания, поскольку тезис об инстинктивном характере агрессии разделяется далеко не всеми учеными на том основании, что отсутствует учет социокультурных факторов. В целом, фрейдизм может быть использован для объяснения особенностей личности преступника, совершившего насильственные и сексуальные преступления, однако, его положения совершенно неприменимы при рассмотрении преступлений «белых воротничков» и иных, с насилием не связанных. Помимо указанного, критическое отношение к этой теории в науке обусловлено сложностью оценки ее эмпирической обоснованности⁵⁷. Несмотря на обозначенные критические замечания, позиция Фрейда в части инстинктивного характера агрессии нашла своих последователей, среди которых следует назвать К. Лоренца, предложившего теорию агрессии. В качестве ее основы выступил тезис Фрейда о врожденном характере агрессии, однако, в отличие от него, Лоренц придавал ей значение не саморазрушительного начала, а адаптационного механизма, позволяющего человеку приспособиться к меняющимся условиям окружающей среды. По мнению ученого, механизмов торможения агрессивной энергии, скапливающейся в нервной системе, у человека нет, поэтому «...человек ищет или сам создает ситуации

⁵⁶ Романюк Т.В. Анализ основных концептуальных подходов к изучению девиантного поведения детей и подростков // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2016. № 29. С. 51-60.

⁵⁷ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 68.

противоборства, в которых он может дать выход этой «застрявшей» энергии. Это и политическая борьба, и войны, и терроризм, и сексуальные преступления»⁵⁸. Однако, как и теория Фрейда, теория агрессии Лоренца вызвала критику своим отсутствием внимания к социокультурным факторам и необходимостью дальнейшего эмпирического обоснования.

Отдельные положения фрейдистской теории были положены в основу теории кризиса идентичности Э. Эриксона – основателя эго-психологии как самостоятельного направления в психологической науке. Ученый, соглашаясь с трехзвенной структурой личности по З. Фрейду, предлагает иное понимание значения Ego («Я»), согласно которому данная подструктура есть «...автономная структура личности, основным направлением развития которой является социальная адаптация; параллельно идет развитие Ид и инстинктов»⁵⁹. По мысли ученого, «...индивидуум в течение жизни проходит через ряд психосоциальных кризисов и его личность предстает как функция результатов кризиса»⁶⁰. Иными словами, Э. Эриксон не связывает становление и развитие личности с детским периодом, как это делал З. Фрейд, а оставляет возможность для личностных изменений с учетом социальных условий. Вместе с тем, тот факт, что значение Id («Оно») как подструктуры личности ученым не отвергается, свидетельствует о признании им влияния биологического начала на ее развитие.

Кроме того, не оспаривая стадии психосексуального развития личности по Фрейду, ученый предположил, что в своем становлении личность проходит и определенные этапы психологического развития, количество которых составляет 8 и которые имеют место на протяжении всей жизни человека. Э. Эриксон вводит понятие «Я-идентичности», а само понятие идентичности определяет как «...важнейшую характеристику, описывающую становление личности, посредством преодоления психосоциальных

⁵⁸ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 69.

⁵⁹ Хьелл Л., Зиглер Д. Указ. соч. С. 151.

⁶⁰ Там же. С. 162.

кризисов»⁶¹. При этом кризис идентичности связывается ученым именно с утратой «Я-идентичности», а само понятие имеет непосредственное отношение к феномену отклоняющегося поведения и личности нарушителя. При объяснении природы кризиса идентичности ученый обращается к факторам социального и культурного порядка, связывая его возникновение с путаницей ролей и неспособностью подростка в возрасте 12-16 лет идентифицировать себя с какой-либо ролью вследствие неблагоприятной обстановки, в которой протекали первичные этапы становления и развития его личности. В свою очередь, в условиях данного кризиса подросток легко может быть вовлечен в группы отрицательной направленности, что в дальнейшем вполне может вылиться в акты преступного поведения⁶².

Как указывалось выше, в рамках социальной психологии теория Э. Эриксона относится к психосоциальным теориям, однако, в ряде критических замечаний отмечается неуниверсальный характер выделенных ученым этапов становления и развития личности для различных культур, а также высокая доля субъективизма при интерпретации ключевых положений.

Среди последователей Фрейда, повергших критике его акцент на биопсихологической стороне личности при отсутствии учета внешнего на нее воздействия, следует назвать Э. Фромма, которому принадлежит теория деструктивности. Суть данной теории сводится к идеям о влиянии культуры на становление и развитие личности, а сама личность понимается как «продукт динамического взаимодействия между врожденными потребностями и давлением социальных норм и предписаний»⁶³. Кроме того, Э. Фромм выделил пять основных типов социальных характеров как «форм установления отношений с другими», которые могут быть разделены на две группы: непродуктивные (рецептивный, эксплуатирующий, накапливающий и рыночный типы) и продуктивные (тип идеального психического

⁶¹ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 70.

⁶² Там же. С. 70.

⁶³ Хьелл Л., Зиглер Д. Указ. соч. С. 171.

здоровья)⁶⁴. Характеристика каждого из перечисленных типов основывается на том или ином взаимовлиянии социокультурных факторов на человеческие потребности в ходе социализации личности.

Обратимся к моментам, позволяющим выяснить взгляд ученого на преступное поведение и личность преступника, хотя, по большому счету, предметом специального рассмотрения указанные понятия не становились.

В частности, возвращаясь к краеугольному камню (точнее, одному из краеугольных камней) фрейдовской теории – понятию и механизму агрессии, следует отметить, что Фромм выделял два ее вида – доброкачественную и злокачественную. При этом, являясь природным началом человека, доброкачественная агрессия служит целям адаптации и выживания организма, тогда как злокачественная есть «...социальный продукт и результат взаимодействия социальных условий и экзистенциальных потребностей человека»⁶⁵. Ее природа заключается в том, что это «деструктивность и жестокость, которые свойственны только человеку... они не имеют филогенетической программы, не служат биологическому приспособлению и не имеют никакой цели»⁶⁶. К проявлениям злокачественной агрессии Фромм относил садизм и некрофилию. В частности, по мысли ученого, «некрофилам свойственно ратовать за негативные санкции, силовые решения конфликтов, за репрессивные меры социального контроля над девиантностью»⁶⁷, а к социальным причинам указанных явлений относились «...классовое господство, расовая, религиозная и сексуальная дискриминация»⁶⁸, что привело его, в конечном итоге, к выводу о деструктивной направленности капиталистического общества. К причинам указанного вида агрессии ученый также относил

⁶⁴ Хьелл Л., Зиглер Д. Указ. соч. С. 174.

⁶⁵ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 72.

⁶⁶ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 22.

⁶⁷ Гишинский Я.И. Указ. соч. С. 33.

⁶⁸ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 72.

особенности характера человека, именуемые страстями в противовес утверждению Фрейда об инстинктах.

То обстоятельство, что Фромм при обосновании своей концепции попытался учесть влияние как внутренних, так и внешних факторов, не спасло теорию деструктивности от критических замечаний, в частности, по поводу возможности отделения доброкачественной агрессии от злокачественной.

Психологическое объяснение агрессивного поведения дается в рамках теории фрустрации-агрессии Д. Долларда, основной идеей которой выступает тезис о порождении агрессии состоянием фрустрации, которая в дальнейшем проявляется вовне посредством механизмов «замещения». Суть последнего заключается в том, что источник фрустрации и объект агрессивного воздействия не совпадают: как правило, агрессия вымещается на объекте, не являющемся источником фрустрации. Последнее при этом понимается как «блокирование целенаправленного поведения»: «фрустрацией может быть отрицание своего желания (любовной страсти), вынужденное прекращение уже начатой целенаправленной деятельности, глубокое расхождение между уровнем запросов личности и уровнем ее реальных достижений»⁶⁹. Вместе с тем, агрессия как результат фрустрации может проявляться не только в порицаемых обществом формах, но и в вариантах социально одобряемого поведения – Доллард в качестве примеров называет контактные виды спорта, карьеру военного или полицейского. Важным является положение о том, что «агрессия в зрелом возрасте может быть следствием фрустраций, пережитых человеком в детстве»⁷⁰.

По большому счету, концепция Д. Долларда учитывает ситуацию, провоцирующую агрессивное состояние человека, то есть, признает значение внешних факторов, воздействующих определенным образом на поведение индивида. Вместе с тем – и это особенно важно в контексте рассмотрения

⁶⁹ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 73.

⁷⁰ Романюк Т.В. Указ. соч. С. 51-60.

личности преступника, он совершенно не учитывает особенности характера индивида. Кроме того, тезис Долларда об однозначной связи между фрустрацией и агрессией опровергается исследованиями психологов, согласно результатам которых «...фрустрация может усилить агрессию, а может и не привести к этому результату»⁷¹. Кроме того, «целый ряд проведенных исследований доказывают невозможность воспитания и развития детей без каких-либо фрустрационных ситуаций»⁷².

Прежде чем перейти к рассмотрению бихевиористского направления или, как его иногда называют, поведенческой психологии, сформировавшегося в рамках психологического подхода, вспомним, что, как было указано выше, в начале прошлого столетия наряду с понятием психопатологий в фокусе исследователей находился термин «условные рефлексы» и исследования отечественного физиолога И. П. Павлова с участием животных. Не будет ошибкой усмотреть связь между экспериментами указанного ученого и тезисами представителей бихевиористского направления, положившими в основу поведения человека принцип «стимул-реакция». Важное значение для развития данной школы имели работы Б. Скиннера, в которых последовательно обосновывается тезис о том, что «...воздействие окружающей среды определяет наше поведение»⁷³. Ученый по результатам своего широко известного эксперимента с крысами в клетке, оснащенной педалью для подачи пищи, сформулировал теорию оперантного обусловливания. Основная ее идея сводилась к активному, направленному на исследование окружающего мира поведению животного, в том числе, человека, учитывающего характер последствий этого поведения для дальнейшего ему следования или отказу от него. Иными словами, если результат поведения оценивался животным как приятный для него

⁷¹ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 74.

⁷² Романюк Т.В. Указ. соч. С. 51-60.

⁷³ Чемякина А.В. Проблема личности в русле некоторых психологических теорий // Вестник Ярославского государственного университета им. Г.П. Демидова. Серия «Гуманитарные науки». 2013. № 2 (24). С. 86-91.

(выгодный), то образец поведения (оперант, по терминологии Скиннера) встречается чаще. Ученый делит возможные последствия на две группы – подкрепление и наказание, имея в виду, соответственно, последствия благоприятные и неблагоприятные для индивида. При этом отличие оперантного обусловливания от респондентного заключается в том, что в последнем случае поведение животного выступало реакцией на внешнее воздействие, не предшествовало ему.

Присущее бихевиористскому направлению объяснение поведения принципом «стимул-реакция» в теории Б. Скиннера также имеет место: «стимулы со стороны среды становятся поведенческими сигналами, которые служат для закрепления условных рефлексов у животных и человека. Реакции становятся условными рефлексами в соответствии с прошлым опытом индивида, где поведенческие последствия определили формы респонденции как желательные или нежелательные»⁷⁴. Применительно к преступному поведению последствия имеют желательный характер, если приобретенные выгоды превышают потенциальные или реальные риски: «...преступное поведение формируется, когда человек «получает осязаемое позитивное подкрепление за участие в преступлении, особенно в отсутствие альтернативы»⁷⁵. С учетом указанного преступление ученым рассматривалось как «... продукт прошлой истории создания условий или ответа на подкрепление стимулов делинквентности»⁷⁶. Отметим, что в рамках теории Скиннера наказание признается не только одним из последствий поведения, но и средством перевоспитания преступника.

Критика теории сводится к тому, что роль познания в поведении человека игнорируется, а также неразъясненным остается вопрос о появлении новых форм поведения, включая девиантное⁷⁷.

⁷⁴ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 75.

⁷⁵ Цит. по: Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 76.

⁷⁶ Романюк Т.В. Указ. соч. С. 51-60.

⁷⁷ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 76.

Принцип «стимул-реакция», отличающий теории бихевиористского направления, используется для объяснения агрессивных форм человеческого поведения А. Бандурой в рамках теории социального научения. Вместе с тем, принципиальное отличие данной теории, именуемой еще социально-когнитивной, заключается в опосредовании воздействия окружающей среды мыслительными (когнитивными) процессами личности. Иными словами, «...поведение, личностные аспекты и социальные воздействия – это взаимозависимые детерминанты, то есть на поведение влияет окружение, но люди также играют активную роль в создании социальной окружающей среды и других обстоятельств, которые возникают в их каждодневных транзакциях»⁷⁸.

В результате проведенных экспериментов ученый выделил два способа (механизма) формирования социально значимого поведения – научение через наблюдение и научение в действии или через приобретение опыта, которые «задают» форму проявления вовне той или иной поведенческой реакции на стимул, будучи опосредованы когнитивными процессами. Бандура считал, что «...все люди способны на агрессию, но они не рождаются с заранее заданным набором моделей агрессивного поведения. Этому они должны научиться. Агрессивное поведение, как результат социального научения, является приобретенным»⁷⁹. Таким образом, агрессивное поведение выступает в качестве социального навыка, а роль «стимула», вызывающего его применение, ученый отдавал провоцирующим факторам (например, нападение, предательство и т. д.), поощрению, а также возможной выгоде от агрессивного поведения. Вместе с тем, из того факта, что обращение к указанному навыку происходит на сознательном уровне, ученый делает вывод о наличии у человека механизмов саморегуляции, включающих его установки, а также этические, религиозные, культурные нормы, которые им признаются. В рамках своей теории Бандура подчеркивал высокую

⁷⁸ Чемякина А.В. Указ. соч. С. 86-91.

⁷⁹ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 77.

эффективность усвоения детьми тех форм агрессивного поведения, которые наблюдались ими в семье.

Особое значение теория социального научения приобретает в связи с распространением в последние годы сцен насилия и агрессии в кинематографе, а также в средствах массовой информации в целом: по мнению ученого, «...телевидение и кинематограф весьма эффективно обучают агрессивному поведению»⁸⁰. Этот вывод был подтвержден впоследствии в ходе ряда экспериментов, тем не менее, теория получила критические замечания в связи с отсутствием исчерпывающей объяснительной базы. В частности, как отмечает Ю. Ю. Комлев, «Бандура использует, но не интерпретирует понятие такой эмоции, как гнев. При этом условия, при которых он возникает, по мнению критиков, остаются предметом дискуссий»⁸¹. Кроме того, отсутствуют объяснения по поводу криминального поведения одного из детей, воспитывавшихся в одной и той же семье, при условии правопослушного поведения второго.

Заслуживает внимания биопсихологическая теория Г. Айзенка, в основе которой лежит идея о «...преступном поведении как результате взаимодействия фундаментальных характеристик личности человека, связанных с особенностями его центральной нервной системы»⁸². Связывая отличительные черты личности преступника с особенностями его центральной нервной системы, ученый вводит три следующих параметра, именуя их суперчертами личности: невротизм (N) и психотизм (P), и экстраверсия-интроверсия (E) – термины, предложенные ранее К.-Г. Юнгом. Степень выраженности каждой характеристики, по Айзенку, предопределяется генетическими факторами: к примеру, «N отражает большую реактивность лимбической и автономной систем, следствием чего являются более сильные эмоциональные реакции на стресс; P связывается с

⁸⁰ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 78.

⁸¹ Там же. С. 78.

⁸² Там же. С. 78.

циркулирующей андрогенов. В основе Е лежит уровень возбудимости коры головного мозга»⁸³. Различное сочетание указанных суперчерт способно объяснить «...большую часть поведенческих проявлений человека»⁸⁴. С учетом изучения заключенных Айзенк пришел к выводу о том, что «...экстраверты более склонны к совершению преступлений, чем интроверты, а экстравертированность – интровертированность закладывается на генетическом уровне»⁸⁵. Несмотря на то, что преобладающую роль в обусловливании преступного поведения ученый отдавал именно генетическим факторам, криминогенное значение внешних факторов – социализации и социального контроля, им также признавалось: как отмечает Ю. Ю. Комлев, он «...считал людей гедонистами, социализация которых позволяет сформировать «Супер-Эго» или ограничения в виде совести. За нарушение норм полагается родительское наказание, отсюда совесть формируется как условный рефлекс»⁸⁶.

Таким образом, несмотря на интерес, который представляют исследования личности преступника в русле психологического подхода, очевидно, что исключительно внутренними, субъективными факторами объяснить преступное поведение отдельных представителей социума невозможно. Отсюда неудивительно, что учеными признается криминогенное значение социальных факторов, однако, их преобладающее воздействие подчеркивается в теориях социологического направления.

1.3 Социологический подход к личности преступника

Группу теорий, образующих социологическое направление в объяснении природы преступного поведения и личности преступника

⁸³ Блэкборн Р. Психология криминального поведения. СПб.: Питер, 2004. С.146. Цит. по: Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 80.

⁸⁴ Чемякина А.В. Указ. соч. С. 86-91.

⁸⁵ Мухамбетова А.Ж., Ахтаева Н.С. Теоретические подходы к проблемам девиантного поведения // Человеческий фактор: социальный психолог. 2013. № 2 (26). С. 41-50.

⁸⁶ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 80.

совершенно справедливо можно обозначить как наиболее многочисленную и динамично развивающуюся. В основе последней характеристики лежит специфика методологического подхода, присущего для вновь появляющихся теорий – его комплексность, позволяющая уйти от опыта учета единичных криминогенных факторов к созданию полифакторных теорий, что особенно характерно для так называемых постмодернистских криминологических теорий. Кроме того, к примеру, первые социологические теории сформировались под влиянием позитивистской философии, постепенный отход от которой привел к появлению группы теорий, сформулированных с учетом взглядов интеракционистов в социологии, а «в результате интереса ученых к конфликтно-радикальной парадигме, основы которой закладывали К. Маркс и Г. Зиммель, в социологии девиантного поведения начала второй половины XX века складывается конфликтологическая перспектива анализа девиантности и преступности»⁸⁷. На сегодняшний день отмечается наличие сформированной основы для появления теорий «постмодернистской перспективы анализа девиантности»⁸⁸.

Вместе с тем, общим признаком, позволяющим объединить эти теории в рамках одного направления, является признание определяющего значения внешнего воздействия на личность, обуславливающего совершение преступления. Так, если сторонники биологических и психологических теорий сосредотачивали свой взгляд на индивиде и его личностных особенностях (принцип антропоцентризма), то приверженцы социологического подхода рассматривали индивида, прежде всего, в контексте его социальных связей (принцип социоцентризма), и подобное смещение исследовательского фокуса оказалось перспективным в плане своего гносеологического потенциала. Однако, несмотря на подобное смещение акцентов в предмете исследования, сторонники различных

⁸⁷ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 84.

⁸⁸ Там же. С. 84.

социологических теорий так или иначе учитывали выводы, сделанные в рамках биологического и психологического направлений⁸⁹.

Представляется целесообразным начать обзор социологических теорий личности преступника с учетом момента их возникновения. Так, к ранним социологическим теориям, возникшим в период с середины XIX века до начала XX века, относится статистическая теория А. Кетле.

Как следует из наименования теории, ее автор – А. Кетле, впервые использовал статистический метод при изучении феномена преступности. Сам по себе указанный метод применялся задолго до исследований этого ученого – в частности, известно, что еще в Древнем Риме велась регулярная перепись населения. Появление так называемой «моральной статистики», т.е., учета совершенных преступлений и лиц, их совершивших, также предшествовало работе А. Кетле: «первые статистические данные об уровне преступности появились во французской газете «Compte generale» в 1825 году, а затем в лондонском периодическом издании «Gazette» в 1828»⁹⁰. Однако в 1835 году ученый впервые на основе имеющихся статистических данных проанализировал состояние преступности в Бельгии, Франции и Голландии и сделал вывод о зависимости этого показателя от ряда факторов, в числе которых оказались климат, гендерная принадлежность преступников и их возраст. Другим важным выводом ученого стал тезис о неизменности уровня преступности в конкретном обществе и ее структуры, чему предшествовала кропотливая работа с анализом статистических данных за предыдущие периоды. Значение этого положения связано с тем, что, во-первых, Кетле удалось убедительно продемонстрировать особенности природы преступности как объективно существующего явления, подчиняющегося объективным закономерностям, что абсолютно не совпадало с традиционным подходом к преступности как простой совокупности единичных деяний. Во-вторых, данный вывод ставил под

⁸⁹ Гишинский Я. И. Указ. соч. С. 33.

⁹⁰ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 86.

сомнение положения классической школы уголовного права, согласно которым преступление есть акт проявления свободной воли. Так или иначе, но последующие исследования преступности, проведенные в других странах, подтвердили выводы Кетле об объективном, социально обусловленном характере преступности.

К заслугам бельгийского ученого также принято относить обращение его к полифакторному анализу преступного поведения, в рамках которого он выделяет следующие криминогенные факторы: «среда, в которой он (преступник – Ю.К.) живет, семейные отношения, религия, в которой он воспитан, обязанности семейного положения»⁹¹. Далее он дополняет данный перечень экономическими детерминантами, предвосхищая взгляды К. Маркса, и связывает возрастание числа совершенных преступлений с падением благосостояния членов общества. К слову, напомним, что незадолго до исследований А. Кетле другой криминолог – Г. Тард, отрицал корреляцию между двумя этими величинами.

С учетом выведенных зависимостей отношение Кетле к репрессивным мерам противодействия преступности было отрицательным, а перспективы минимизации преступности им связывались с капитальным улучшением социально-экономических условий в обществе.

Таким образом, в работах А. Кетле статистический метод получил свою первую апробацию, что позволило сформировать более глубокий объяснительный подход к исследованию преступности – именно последнее выигрышно отличает его теорию от антропологического подхода, оставлявшего не отвеченными достаточное количество вопросов. Тем не менее, отрицать влияние антропологических теорий на Кетле сложно, что и вызывает критические замечания в адрес сформулированных им положений – к примеру, ученый настаивал на зависимость физических качеств человека от его умственных и нравственных качеств. Кроме того, как

⁹¹ Кетле А. Социальная система и законы, ею управляющие. СПб., 1866. С.100. Цит. по: Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 88.

отмечается, А. Кетле «...пытается вывести на основе теории вероятностей формулу, определяющую склонность человека к отклоняющемуся поведению»⁹², что является очевидным упрощением задачи. Тем не менее, именно в исследованиях Кетле были сформулированы основные положения, «...которые в той или иной степени разделяют и развивают все представители социологического направления»⁹³.

Абсолютное значение социальным факторам придавал К. Маркс, хотя преступность и ее причины, личность преступника предметом его специального изучения не становились. Исследуя особенности западного капиталистического общества, находящегося в стадии становления, Маркс обращает внимание на негативные социальные явления, перманентно сопровождающие этот процесс, и их связь с особенностями социальных взаимодействий в рамках капитализма. В частности, причинно-следственные связи были установлены между феноменами дифференциации общества по критерию материального достатка, капиталистической эксплуатацией и обнищанием населения, ростом преступности. Вопреки устойчивой ассоциации с рассмотрением негативных социальных явлений исключительно с позиций экономических факторов, возникающей при упоминании теории К. Маркса, ученому также принадлежит вывод о порождении жестокими наказаниями совершения жестоких преступлений⁹⁴.

В русле марксизма находятся взгляды Ф. Энгельса, который рассматривал каждое отдельное преступление в качестве акта борьбы рабочего класса со сложившейся системой капиталистической эксплуатации, что позволяет рассматривать марксистский подход к определению природы преступности в контексте конфликтно-радикальной парадигмы⁹⁵. Ученый сделал вывод: «...преступность управляется конкуренцией; общество порождает спрос на преступность, который удовлетворяется

⁹² Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 88.

⁹³ Гишинский Я. И. Указ. соч. С. 34.

⁹⁴ Там же. С. 35.

⁹⁵ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 89.

соответствующим предложением...»⁹⁶. Таким образом, причинами преступности в целом, согласно марксизму, является специфика экономических условий капиталистического общества.

Идеи марксизма легли в основу теории экономического эгоизма В. Бонгера, который рассматривал институт частной собственности и возникающие по поводу него взаимоотношения между членами капиталистического общества порождающими стяжательство, скупость, жадность людей, а в конечном итоге, формирующими эгоистическое мироощущение членов такого общества. Будучи заинтересованными лишь в преумножении собственного имущества, люди забывают о морально-нравственных ориентирах и руководствуются в своей деятельности экономическим интересом. Учитывая, что уголовный закон отражает, в первую очередь, интересы буржуазии как отдельного социального класса, «...эгоистические действия пролетариата определяются как криминальные»⁹⁷. По мнению Бонгера, в основе любых негативных социальных явлений, будь то проституция, алкоголизм, наркомания и иные, находится капиталистический способ производства, при котором рабочий класс занимает положение эксплуатируемого. Важным является вывод ученого о том, что преступность и капиталистический социально-экономический строй неразрывно взаимосвязаны, поэтому искоренение преступности в условиях капитализма невозможно: капитализм сам по себе порождает преступность.

Вместе с тем, в своих воззрениях К. Маркс и Ф. Энгельс, как представляется, допускали излишнюю абсолютизацию факторов экономического характера, что существенно упрощает сложную природу преступного поведения. Очевидно, что отрицать их криминогенное значение было бы неправильным, однако, как показывают современные исследования,

⁹⁶ Энгельс Ф. наброски к критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 570. Цит. по: Гилинский Я.И. Указ. соч. С. 35.

⁹⁷ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 90.

не всегда можно проследить корреляцию между снижением уровня благосостояния населения и ростом преступности. Более того, для отдельных видов преступлений эта зависимость не выполняется вообще. Кроме того, критика марксизма в рассматриваемой части обусловлена чрезмерной идеологизацией подхода, что объясняет определение преступности как исторически преходящего явления. Так или иначе, взгляды Маркса и Энгельса не утратили актуальности и получили дальнейшее развитие в работах неомарксистов и сторонников критической криминологии.

В ряду ранних социологических теорий особое значение приобретает теория Г. Тарда, сформулированная на основе статистического анализа преступности во Франции и учитывающая влияние антропологических факторов, что можно назвать первым опытом комбинирования социологического, антропологического и психологического подходов. Тарду принадлежит вывод о существовании профессионального преступного типа, предполагающий рассмотрение преступной деятельности как ремесла, своего рода профессии, занятие которой требует обучения. Таким образом, Тард делает заключение о важнейшей роли механизмов подражания и научения в объяснении природы преступного поведения, в частности, и общества, в целом. Однако, соглашаясь с необходимостью признания значения природных склонностей и предрасположенностей человека к тому или иному варианту поведения, ученый, тем не менее, подчеркивал доминирование криминогенных факторов социального характера, на что обращается внимание критиками его теории. Кроме того, указывается на умозрительность некоторых выводов теории Тарда, вследствие чего применение их на практике становится затруднительным. Вместе с тем, важным представляется тот факт, что теория профессионального преступного типа, как отмечается, «...на несколько десятилетий предвосхищает некоторые идеи психологов-бихевиористов и, в частности, Б.

Скиннера, А. Бандуры и других сторонников теории социального научения»⁹⁸.

Среди критиков взглядов Г. Тарда следует назвать имя выдающегося социолога Э. Дюркгейма, теория аномии которого активно используется современными криминологами при объяснении природы девиантного поведения, включая преступное. Рассматривая общество как целостный, единый организм, существующий по собственным законам и занимающий на индивидуальное положение относительно каждого своего члена, Дюркгейм создает теорию социальных фактов, понимая под данным термином «...всякий образ действия, резко определенный или нет, но способный оказывать на индивида внешнее давление... и имеющий в то же время свое собственное существование, независимое от его индивидуальных проявлений»⁹⁹. Продуктом воздействия социальных фактов является человек и его поведение – отклоняющееся или законопослушное.

Положенный в основу исследований Дюркгейма принцип социологизма позволил ему дать объяснение феноменов самоубийства и преступного поведения с позиций аномии как такого «состояния общества, при котором отсутствует четкая непротиворечивая регуляция поведения индивидов и образуется нормативный вакуум, когда старые нормы и ценности уже не соответствуют реальным отношениям, а новые еще не утвердились»¹⁰⁰. Аномия, по мысли ученого, возникает в результате социальных изменений: вне зависимости от их положительной или отрицательной направленности, общество не успевает приспособиться, его сплоченность ставится под угрозу и происходит рост обособленности его частей, что, в свою очередь, вызывает аномийное состояние и влечет рост негативных социальных явлений, в том числе – преступности.

⁹⁸ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 92.

⁹⁹ Дюркгейм Э. Метод социологии. Киев; Харьков, 1899. С.19. Цит. по: Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 93.

¹⁰⁰ Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / пер. с франц. М.: Мысль, 1994. С.16.

В отличие от иных ученых, признающих криминогенное значение социальных факторов, Э. Дюркгейм не просто отдавал этим факторам приоритет, а подчеркивал их исключительное значение, отрицая при этом факторы антропологического и психологического порядков. Иными словами, социальные явления он объяснял посредством социальных обстоятельств, однако, учитывал многофакторность влияния и нелинейность причинно-следственных связей между явлениями. При этом важным является вывод Дюркгейма о преступности как о норме общественной жизни: «преступность функциональна, необходима; она прочно связана с основными условиями любой социальной жизни и именно в силу этого полезна, поскольку те условия, частью которых она является, сами неотделимы от нормальной эволюции морали и права»¹⁰¹. Патологический характер преступность приобретает в моменты, когда ее уровень становится недопустимо высоким.

Как видим, в своих воззрениях Дюркгейм рассматривал преступника как среднестатистического члена общества, совершившего деяние, на уровне общественного сознания признанного преступным и возможного лишь вследствие несовершенства общественного устройства и функционирования в момент совершения. Подобное социоцентрическое объяснение с использованием статистического метода не встретило одобрения, в частности, в СССР, где под сильнейшим политико-идеологическим влиянием утверждалась идея абсолютного искоренения преступности ввиду дальнейшего строительства социализма и коммунистического строя. Несмотря на это, ценность теорий Дюркгейма сложно отрицать: и на сегодняшний день феномен аномии учитывается в исследованиях проблем современного общества, а сама идея используется в иных криминологических теориях. Более того, некоторыми учеными в качестве иллюстрации теории Дюркгейма предлагается социально-экономическая и политическая ситуация, сложившаяся в России в конце 80-х – 90-х годах

¹⁰¹ Дюркгейм Э. Норма и патология // Рубеж: Альманах социальных исследований. 1992. №2. С.82. Цит. по: Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 97.

прошлого века, когда «бурные социально-экономические и политические изменения сопровождались противоречиями между советскими ценностями и менталитетом, с одной стороны, и новыми экономическими и политическими отношениями, с другой... многие сферы общественной и государственной жизни оказались без должного нормативного регулирования. Соответственно, с конца 80-х гг. наблюдается резкий рост преступности, самоубийств, наркотизма»¹⁰².

Обращение к социальным факторам при объяснении природы преступного поведения и особенностей личности преступника продолжилось в рамках группы социоструктурных теорий, к которым относятся теории представителей «Чикагской школы» (городской экологии, социальной дезорганизации); социологические теории научения (теория дифференциальной ассоциации Э. Сатерленда, теория дифференциальной идентификации Д. Глейзера, теория социального научения Р. Айкерса); теория конфликта культур и субкультурные теории девиантного и делинквентного поведения (Т. Селлин, У. Миллер, Г. Сайкс и др.); классические и современные аномические теории (Р. Мертон, А. Коэн, Р. Клоуорд, Т. Парсонс и др.); теории жизненного пути (Ш. Глюк, Э. Глюк, Дж. Лауб и др.); теории социального контроля (Э. Росс, У. Самнер, Т. Парсонс и др.); теории социального сдерживания (А. Рейсс, Ф. Най, Т. Хирши и др.)¹⁰³.

Представляется целесообразным дать краткий обзор основных идей, сформулированных представителями тех или иных теорий в части объяснения личности преступника и природы преступного поведения.

Так, в частности, в 20-годах XX века усилиями ряда американских ученых на базе Чикагского университета складывается так называемая Чикагская социологическая школа, представителями которой формулируется теория городской экологии: на примере изучения жизни горожан в Чикаго Р. Парк, У. Томас, Ф. Знанецкий, Э. Берджесс и К. Шоу обосновали

¹⁰² Гишинский Я.И. Указ. соч. С. 37.

¹⁰³ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 98-100.

возможность проведения аналогии между городом и естественными экологическими сообществами растений и животных. Иными словами, город рассматривался как живой социальный организм, в контексте чего получили освещение городские социальные проблемы, в том числе – различные формы девиаций. Примечательным был факт использования в качестве методов исследований не только статистического и демографического методов, но и биографического, предполагающего изучение жизненного пути лиц с отклоняющимся поведением и позволившего сделать вывод о том, что «...участие индивида в преступлении и его жизненный опыт существенно зависят от места жительства»¹⁰⁴.

Отмечая корреляцию между фактом иммиграции и ростом преступности, У. Томас и Ф. Знанецкий называют главной причиной преступного поведения социальную дезорганизацию, под которой понимается «уменьшение влияния существующих социальных правил поведения на индивидуальных членов группы»¹⁰⁵. Этой позиции придерживался еще один представитель Чикагской школы – Э. Берджесс, сформулировавший понятие концентрических зон в результате изучения жизни города на примере Чикаго – город на момент исследований «...стал «криминальной столицей» США, в нем орудовали гангстерские банды (одна из наиболее известных – Аль Капоне)»¹⁰⁶. Ученый выделяет пять городских «зон» и отмечает закономерности в распределении преступной активности между ними: «в центре находился деловой район (сити), за ним следовала «промежуточная зона», или «зона перехода», населенная бедняками, иммигрантами, этническими меньшинствами, затем жилые рабочие кварталы промышленной зоны. В четвертой зоне располагались престижные дома материально обеспеченных горожан из среднего класса, пятую зону

¹⁰⁴ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 101.

¹⁰⁵ Контексты современности: хрестоматия / пер. с англ. Казань: АБАК, 1998. С.51. Цит. по: Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 101.

¹⁰⁶ Гишинский Я.И. Указ. соч. С. 39.

образовали пригороды, населенные представителями высшего слоя»¹⁰⁷. Выявленная закономерность заключалась в сосредоточении максимальных показателей преступности в «промежуточной зоне», что связывалось ученым, в первую очередь, с неблагоприятными социально-бытовыми условиями проживания в ней. Изучение криминогенной роли социальной дезорганизации было продолжено в работах К. Шоу и Г. Маккея, которые, опираясь на понятие концентрических зон подтвердили распределение преступной активности в молодежной и подростковой среде с учетом выведенной Э. Берджессом закономерности, однако, дополнили его выводом о значении общины: снижение эффективности неформального социального контроля, осуществляемого общиной, влечет рост преступности, а значит, является основной причиной преступности. Вместе с тем, именно ослабление этого контроля и есть свидетельство социальной дезорганизации, что вполне соответствует общей идее социологов Чикагской школы. Важным представляется тот факт, что, исходя из проведенных исследований, ученые отрицают корреляцию между неблагоприятной экономической обстановкой и ростом преступности, что принципиально отличает Чикагскую школу от ранних социологических теорий А. Кетле и К. Маркса. В то же время, идея Г. Тарда о профессиональном преступном типе получила свое дальнейшее развитие в трудах К. Шоу, изучавшего преступные карьеры и основные фазы становления личности профессионального преступника.

Критические замечания в адрес указанных исследователей были вызваны тем значением, которое придавалось социальным факторам – по сути, ученые отказывались от учета индивидуальных личностных особенностей в пользу внешнего влияния. Кроме того, оспаривался тезис о концентрации преступности в «промежуточной зоне» как наименее благополучной в социально-экономическом отношении, поскольку в благополучных городских районах так же регистрировались сообщения о различного характера преступлениях. Проведенные аналогичные

¹⁰⁷ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 103.

исследования в других городах не подтвердили результаты Э. Берджесса о распределении преступности по городским «зонам». И, наконец, оппонентами указывалось на слабый объяснительный потенциал теорий городской экологии и социальной дезорганизации в части «беловоротничковой» преступности.

Несмотря на критику, сформулированные представителями Чикагской школы идеи получили поддержку научной общественности, в результате чего исследования процессов социальной дезорганизации и их влияния на преступное поведение продолжились. Кроме того, некоторые идеи получили развитие в рамках иных социологических теорий, как это произошло, например, с предположением К. Шоу и Г. Маккея о преемственности преступного опыта в гетто (исследованные учеными городские «промежуточные зоны», характеризующиеся сходным этническим составом населения и низким качеством социально-бытовых условий). Указанную идею подхватил Э. Сатерленд, сформулировавший на ее основе теорию дифференциальной ассоциации. Излагая свои взгляды на природу преступного поведения, Э. Сатерленд заменяет понятие социальной дезорганизации термином «дифференциальная социальная организация», понимая под ним дифференциацию общества на социальные группы, в рамках которых происходит научение определенному социальному опыту посредством усвоения традиций, сложившихся в группе, включая криминальные. При этом на процесс научения влияют частота и продолжительность контактов членов группы – именно это положение принципиально отличает подход Сатерленда от взглядов Г. Тарда: по большому счету, оба ученых обращают внимание на механизмы подражания, лежащие в основе межличностных взаимодействий. Однако, «...если Г. Тард признавал важность физиологических предпосылок преступности, и Э.

Сатерленд объяснял преступность исключительно на основе факторов социальной жизни»¹⁰⁸.

Вводя понятие дифференциальной ассоциации (связи), ученый обосновывает влияние на социально значимое поведение того отношения к закону, которое транслируется в данной группе и, как правило, усваивается в детском возрасте. Причем, как отмечает ученый, для процесса научения может иметь значение лишь высказываемое одобрение девиантного поведения членами группы при отсутствии фактически совершаемых правонарушений: в какой-то момент субъект начинает ассоциировать себя с представлениями (отношением) членов группы. Кроме того, рассматривая природу преступного поведения, Сатерленд не ограничивает его только потребностями и ценностями личности, поскольку эти же составляющие лежат и в основе правопослушного поведения. Ученый обращает внимание на высокую эффективность механизмов личного неформального общения относительно формальных институтов воспитания и образования, функционирующих в обществе: отсутствие установленного психологического контакта с подростком, характерное для указанных институтов, приобретает решающее значение для усвоения им норм и ценностей. «Подлинным воспитателем такого подростка оказываются участники неформального общения в группе правонарушителей. В большинстве случаев правонарушители и не думают никого воспитывать, однако их авторитет оказывается решающим фактором подражания»¹⁰⁹.

Таким образом, «преступное поведение является приобретенным – это результат обучения в процессе символического взаимодействия с другими людьми, главным образом в первичных или тесно связанных между собой иных социальных группах (уличные компании, соседское сообщество)», а

¹⁰⁸ Иншаков С.М. Указ. соч. С. 161.

¹⁰⁹ Там же. С. 162-163.

«индивид становится делинквентным из-за превалирования в социальной среде определений, благоприятных для нарушения уголовного закона»¹¹⁰.

Ценность теории Сатерленда, прежде всего, заключается в обращении автора как к социальным, так и к психологическим механизмам, объясняющим преступное поведение. Однако, имея важное научное значение и будучи признанной научным сообществом середины прошлого века, она активно критиковалась в связи со следующим: во-первых, влияние социальных факторов Сатерленд рассматривал на микроуровне, т.е., на уровне социальных групп и межличностного взаимодействия, тогда как неучтенными при таком подходе остаются факторы макроуровня – в частности, влияние средств массовой информации и, особенно, телевидения. Здесь следует отметить, что на момент создания теории дифференциальной ассоциации медиа-технологии не получили такого распространения, как сейчас. Во-вторых, критике подверглось излишнее внимание Сатерленда к личности преступника при том, что сам процесс научения преступному поведению описан довольно поверхностно¹¹¹.

Важное значение данной теории вытекает из того, что совершенствованием и авторской интерпретацией ее положений в последующем занимались многие ученые. В частности, занимаясь развитием идеи дифференциальной ассоциации, ученик Сатерленда – Д. Крэсси использует «криминальный образец поведения» для объяснения механизма научения преступного поведения: «когда люди становятся преступниками, это происходит потому, что они соприкасаются с преступным образом поведения, а также потому, что они оказываются изолированными от воздействия антипреступного образа поведения... Они становятся преступниками в силу переизбытка у них подобного рода «связей» по сравнению с теми «связями», которые у них имеются с антипреступным

¹¹⁰ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 109.

¹¹¹ Там же. С. 110.

образом поведения»¹¹². Другой ученый – Д. Глейзер, пытаясь объяснить усвоение тех или иных образцов поведения (отношения), предлагает заменить понятие дифференциальной ассоциации термином «дифференциальная идентификация», под которым понимает отождествление лицом себя с «...реальными или воображаемыми людьми, с чьей точки зрения его преступное поведение кажется допустимым»¹¹³. Иными словами, Глейзер указывает, в отличие от Сатерленда, на сознательный характер принятия лицом тех или иных вариантов поведения в качестве образцов.

Особое значение для развития теории Сатерленда имели работы Р. Айкерса, обратившего внимание на неразвитость положений о механизме подражания, понятие которого используется Сатерлендом в отсутствие объяснения его действия. Айкерс, формулируя свою теорию социального научения на основе положений теории дифференциальной ассоциации Сатерленда и принципов бихевиористических теорий Б. Скиннера, А. Бандуры, вводит понятия усиления дифференциальной ассоциации, имитации, которые позволяют объяснить преступное поведение не прямыми дифференциальными связями, а опосредованными соответствующими механизмами. Так, конструкция дифференциального усиления предполагает, что поведение индивида выстраивается в зависимости от меры поощрения или наказания. Так, в качестве положительного усиления выступает вероятность приобретения выгод в результате совершения преступления, а в качестве негативного – вероятность избежать ответственности. Значение ассоциаций и интенсивность усиления определяют совершение преступлений.

В рамках теории социального научения находит свое развитие и мысль Сатерленда о дифференциальной социальной организации: Айкерс

¹¹² Крэсси Д. Развитие теории. Теория дифференцированной связи // Социология преступности. С. 91-92. Цит. по: Гишинский Я.И. Указ. соч. С. 39.

¹¹³ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 111.

указывает, что различные социальные институты (семья, школа, СМИ и др.) обуславливают социальное научение индивида тем или иным образцам поведения, при этом «различия на общесоциальном или групповом уровнях участия в криминальном поведении существуют в том объеме и качестве, в каком культурные традиции, нормы и система социального контроля обеспечивают социализацию, условия научения и непосредственные ситуации, ведущие к конформизму или девиантности»¹¹⁴. Иными словами, механизмы дифференциальной ассоциации, дифференциального усиления, подражания и имитации действуют в контексте указанных социальных институтов и тех социальных статусов, которые занимает индивид. В дальнейшем на основе интеграции отдельных теорий преступного поведения и личности преступника (теории аномии, конфликта культур, социальной дезорганизации) Айкерс расширяет круг условий, влияющих на механизм научения преступному поведению, закладывая тем самым фундамент для создания интегрального криминологического знания.

Вместе с тем, положения теории не выполняются в случаях, когда акт преступного поведения предшествует взаимодействию с преступной группой, на что указывается критиками теории. Однако, это обстоятельство не умаляет ее значения, связанного, прежде всего, с тем, что Айкерсу удалось дать подробное объяснение механизму научения, причем, актуальное для различных видов преступного поведения – насильственного, корыстного, сексуального или коррупционного. Это позволило использовать выводы ученого для разработки и реализации программ профилактики различных видов преступности.

Другим направлением социологической школы стала группа теорий, объясняющих преступное поведение посредством его связи с культурой, что можно связать с трансформацией современных обществ в направлении поликультуральности и полиэтничности. Так, Т. Селлином обосновывается предположение о конфликте культур, лежащим в основе нарушений закона.

¹¹⁴ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 114.

Ученый выделяет первичный и вторичный уровни такого конфликта, при этом первичный имеет место в случае противоречия между нормами поведения, ценностями и традициями малой этнической группы относительно большой (титульной) группы. Картины подобных противоречий Селлину удалось наблюдать на примере американского общества начала и середины прошлого века в связи с существенным миграционным притоком населения в страну. Что касается вторичного конфликта, то он возникает при столкновении субкультур, существующих в рамках доминирующей культуры, с положениями последней – в качестве примера ученый приводит проституцию и гэмблинг (лудоманию), процветавших на момент создания им своей теории в низших классах американского общества.

Идея взаимосвязи преступности и культуры получила развитие в теории субкультуры как совокупности норм поведения, ценностей и традиций, носителями которых выступают представители преступных (девиантных) групп, а их усвоение (принятие) происходит посредством механизмов, описанных в категориях теории дифференциальной ассоциации Сатерлендом и его учениками. Эта идея легла в основу теории нейтрализации и дрейфа Г. Сайкса и Д. Матза, которые с учетом изучения преступлений несовершеннолетних сделали вывод о влиянии на правонарушителей как норм субкультуры, разделяемых ими, так и норм доминирующей культуры, которые, однако, жесткими не являются (даже если имеют формализованный характер!), что само по себе предоставляет возможность выбора (дрейфа) в зависимости от ситуации. Кроме того, указанные нормы поддаются той или иной интерпретации также с учетом внешних обстоятельств, из чего вытекают возможности субъективной нейтрализации посредством рационального объяснения своего преступного поведения, позволяющего избежать морального и (или) правового осуждения. В качестве приемов («техник») нейтрализации ученые выделили отрицание ответственности,

отрицание вреда, отрицание наличия жертвы, осуждение осуждающих и обращение к ценностям или важным обстоятельствам¹¹⁵.

На основе изучения молодежных «групп уличных перекрестков» социолог У. Миллер сформулировал идею субкультуры низших классов: обратив внимание на тот факт, что те или иные образцы поведения, ценности и традиции, лежащие в основе образа жизни жителей трущоб, остаются неизменными на протяжении довольно длительного времени, ученый пришел к выводу об их криминогенном влиянии на поведение молодежи, следствием чего выступает совершение преступлений, что соответствует ценностям («значениям») культуры низшего класса. В частности, Миллер выделил следующие личностные черты, обладание которыми, согласно указанным ценностям, обеспечивает успех подростку: проблемность, крутизна, изворотливость, фатализм, автономия, переживание острых ощущений¹¹⁶.

Разница субкультур различных этносов, сосуществующих в одном обществе, и их столкновение с доминирующей культурой была отмечена в исследованиях М. Вольфганга и Ф. Ферракути, которые, выявив существенный перепад показателей совершенных убийств представителями «небелого» (афроамериканского) и «белого» населения в США, пришли к выводу о существовании субкультуры насилия. По мысли ученых, «насильственное поведение является формой адаптации к определенным проблемам и жизненным обстоятельствам, которая осваивается в процессе научения в контексте субкультурной среды, подчеркивающей преимущества насилия над другими формами поведенческого приспособления»¹¹⁷. Вместе с тем, последующие исследования показали, что убийства, совершаемые афроамериканцами, прежде всего, вызваны неблагоприятными социально-экономическими условиями их проживания, а не особенностью субкультуры.

¹¹⁵ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 120.

¹¹⁶ Там же. С. 121.

¹¹⁷ Shmalleger F. Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. New Jersey, 1999. P.283. Цит. по: Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 122.

Несмотря на критические замечания в адрес теорий культуры и субкультур в их связи с преступным поведением, их значение заключается в предвосхищении современных аномических теорий, в частности – теории аномии и напряжения Р. Мертона. Используя введенный Дюркгеймом термин «аномия», ученый дает авторское толкование, понимая под ним «рассогласование, разрыв между социокультурными целями личности (группы), одобряемыми в обществе (материальный успех, престиж), и возможностями их достижения законными, институализированными средствами»¹¹⁸. Подобное толкование основано на том, что Мертон выделяет две части в культуре общества – цели и средства их достижения. Беря за предмет исследования американское общество, ученый называет целью реализацию «американской мечты», т.е., приобретение богатства и успеха, занятие престижного социального положения. Образовательные и профессиональные социальные институты выступают средствами ее достижения, однако, как отмечает Мертон, доступны они не каждому. Таким образом, аномия целей и средств достижения порождает фрустрированное состояние членов общества – социальное напряжение, разрешение которого при отсутствии законных возможностей осуществляется незаконными, в том числе, криминальными: «аномия делает многих людей либо беспомощными, подавленными, либо подталкивает их к использованию незаконных средств достижения материальных целей»¹¹⁹. Важно, что в отличие от понимания аномии как временного состояния общества в переходные, кризисные периоды, как это утверждалось в концепции Э. Дюркгейма, для Мертона аномия является «...постоянным фактором напряжения в социальной системе»¹²⁰. Кроме того, если у Дюркгейма аномия выступала как «одна из аномальных форм разделения труда», т.е., подчеркивалась ее социально-экономическая детерминация, то у Мертона «главным этиологическим

¹¹⁸ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 126.

¹¹⁹ Там же. С. 126.

¹²⁰ Афанасьев В. Эволюция концепции аномии в социологии девиантного поведения // Рубеж: Альманах социальных исследований. 1992. № 2. С.69-81.

фактором напряжения выступает социопсихологический акцент на достижении культурных целей (на успех) при социально-дифференцированном доступе к легальным средствам»¹²¹.

Ученым выделено пять типов ролевого поведения в зависимости от их приемлемости для общества и правопорядка, посредством которых личность преодолевает фрустрированное аномийное состояние: конформизм, инноваторство, ритуализм, ретризм, ребелизм (бунтарство). Из перечисленных типов лишь конформизм является абсолютно социально приемлемым, поскольку в данном случае индивид принимает и цели, и доступные ему институализированные средства достижения с учетом неравенства возможностей капиталистического общества, и в пределах фактически ограниченных ресурсов продолжает бороться за успех. Что касается остальных перечисленных типов поведения, то они либо при определенных условиях приобретают социально неприемлемый характер и признаются девиантными или преступными, либо считаются априори неприемлемыми в силу своей природы, как это имеет место, например, для инноваторства, когда речь идет о том, что вместо социально одобряемых и принятых в обществе средств достижения целей индивид обращается к отрицаемым обществом формам, в том числе, криминальным. По Мертону, этот тип поведения демонстрируется, как правило, представителями низшего класса, когда преступление становится средством достижения богатства, однако, демонстрируется также в беловоротничковой преступности. Ритуализм определяется ученым как принятие индивидом существующих средств достижения целей при безразличном, незаинтересованном отношении его к последним в силу их реальной недостижимости (бюрократы). Ретризм представляется как уход индивида от социально одобряемых целей и средств достижения, как личный отказ от навязываемых обществом паттернов – Мертон именуется его пораженчеством и в качестве носителей называет различного вида девиантов (отшельников, алкоголиков,

¹²¹ Афанасьев В. Указ. соч. С. 69-81.

наркоманов, бродяг и т. д.) В данном случае, разделяя социально одобряемые цели, индивид осознает недоступность существующих средств их достижения при том, что обращение к противоправным средствам для него субъективно невозможно по причине эффективной социализации. И, наконец, суть ребелизма (бунтарства) как переходной реакции заключается в стремлении индивида заменить одни ценности, цели и средства достижения, принятые в обществе, другими (революционеры, мятежники). При этом ученым подчеркивается спонтанный характер выбора того или иного типа поведения индивидом: ни один тип «не избирается индивидом сознательно, а также не является утилитарным»¹²².

Несмотря на то, что теория Мертона получила статус классической и подверглась дальнейшему развитию в трудах А. Коэна, Р. Клоурда и Л. Олина, ее критика свелась к указанию на неспособность идеи аномии и напряжения объяснить некоторые виды преступности (групповую преступность несовершеннолетних, субкультурную преступность), а также на ее сосредоточение на имущественной преступности. Кроме того, оспариванию подвергся тезис Мертона о единой для американского общества цели достижения успеха, что, возможно, было учтено в рамках теории фрустрации социального статуса А. Коэна. Принимая, в основном, выводы Р. Мертона, Коэн в качестве единой для американского общества цели видит не достижение материального благополучия (богатство), а занятие престижного социального статуса, что оказывается доступным, как минимум, представителям среднего класса, но абсолютно недостижимым для низшего класса. Подобная ситуация есть фрустрация социального статуса: «основная причина напряжения состоит в неспособности реализовать свои возможности и получить желанный в американском обществе статус представителя среднего класса»¹²³. Это, в свою очередь, вызывает депривацию личности, для преодоления которой представителями низшего класса формируется

¹²² Афанасьев В. Указ. соч. С. 69-81.

¹²³ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 130.

девиантная субкультура, ценности и нормы которой по определению противоречат доминирующей культуре. Важно, что подход Коэна подразумевает признание носителями субкультуры социальных криминальных мини групп – банд, группировок и т. д. «В этих микрогруппах могут формироваться свои миникультуры (взгляды, привычки, умения, стереотипы поведения, нормы общения, права и обязанности, меры наказания нарушителей норм, выработанных такой микрогруппой) – этот феномен получил название субкультуры»¹²⁴.

Именно в рамках указанной субкультуры и происходит статусный рост представителей низшего класса при условии соответствия «критериям»: «репутация агрессивной крутизны», «делинквентность в школе, пренебрежение учебой, неуспеваемость»¹²⁵. Иными словами, не имея возможности добиться престижного социального положения посредством одобряемого поведения в рамках общепринятой культуры, выходцы из низших слоев добиваются его в рамках делинквентной субкультуры, при этом и сам статус, и средства его достижения с позиции общества признаются криминальными.

К достоинствам теории Коэна следует отнести состоявшийся факт трансформации идей Мертона путем обращения к понятию субкультуры и изменения их масштаба: узкое понимание единой для общества цели как достижения богатства было расширено за счет понимания ее как занятия социального статуса, а значит, Коэн вышел за пределы исключительно утилитарного понимания преступления как имеющего корыстную направленность. Однако, вместе с тем, в своих исследованиях ученый фокусируется на поведении представителей низшего класса, причем, как правило, молодежи и несовершеннолетних, что сужает гносеологический потенциал теории и выступает основанием для критики. Кроме того, представляется несколько ограниченным фатализм Коэна, связывающий

¹²⁴ Иншаков С.М. Указ. соч. С. 153.

¹²⁵ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 130.

невозможность занятия высокого социального положения в связи с принадлежностью к низшим социальным слоям, поскольку «к препятствиям в достижении целей относятся не только принадлежность к определенной социальной страте, но и личностные особенности (интеллектуальные, волевые, эмоциональные)»¹²⁶. На этот момент обратили внимание авторы еще одной аномийной теории – Р. Клоурд и Л. Олин, сформулировавшие идею дифференциальных возможностей. Ее суть сводилась к тому, что далеко не все представители низших слоев желают занять престижное положение в обществе, и далеко не все совершают преступления с целью повысить свой статус или обогатиться. В этой связи ученые выделили четыре типа молодежи, характерные для низших классов: «первый тип юношей стремится получить статус и добиться финансового благополучия. Представители второго типа хотят войти в средний класс, но не озабочены улучшением своего экономического положения. Молодежь третьего типа добивается богатства без вхождения в средний класс. Четвертый тип молодых людей не ориентируются на мейнстрим культуры среднего класса, демонстрируя ретретизм в форме потребления алкоголя и наркотиков»¹²⁷. Акты нарушения закона, как правило, предпринимают представители третьего типа.

Помимо указанного, ученые также дифференцируют средства достижения успеха на легитимные – вполне доступные для среднего класса и недоступные для молодежи низшего класса, и нелегитимные, которые в случае их доступности для представителей низших слоев, используются ими, причем, не на индивидуальном уровне, а на групповом. Клоурд и Олин, наряду с объяснением группового криминального или девиантного поведения, также обращаются к понятию субкультур, развиваемых в криминальных (девиантных) группах и различающихся степенью доступности нелегитимных средств достижения успеха.

¹²⁶ Гишинский Я.И. Указ. соч. С. 42.

¹²⁷ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 132.

Положения теории дифференциальных возможностей имели практическое применение, поскольку были учтены при разработке и реализации программ предупреждения молодежной и подростковой преступности в 60-х годах прошлого века в США. Взгляды ученых произвели сильное впечатление на Р. Кеннеди, «по инициативе которого был принят закон о предупреждении преступлений несовершеннолетних»¹²⁸. Вместе с тем, результаты реализации указанных программ и закона в литературе обозначаются, как «достаточно скромные»¹²⁹.

Вывод о потенциале аномических теорий в объяснении девиантного, в том числе, преступного поведения и особенностей личности преступника следует из того обстоятельства, что высказанные ранее Р. Мертоном и другими учеными идеи подвергались неоднократной модернизации усилиями других авторов. В частности, Т. Парсонс расширяет теорию напряжения Мертона за счет введения понятия социальных ожиданий (экспектаций), что позволяет ему рассматривать причины возникновения напряжения не только в связи с рассогласованием целей и средств их достижения, но и как «несоответствие ожиданий действующего в отношении самого себя ожиданиям других относительно него или неспособность действующего выработать определенные институционально ожидаемые привязанности»¹³⁰. Возникновение девиантных мотиваций связывается ученым с «невыполнением ожиданий»¹³¹. С учетом указанного, он увеличивает количество адаптивных типов поведения, направленных на преодоление этого напряжения, предложенных Мертоном, с четырех до восьми.

Теорию Парсонса принято именовать общей теорией отклоняющегося поведения, и значение ее заключается, в первую очередь, в том, что ученый

¹²⁸ Иншаков С.М. Указ. соч. С. 152.

¹²⁹ Там же. С. 152.

¹³⁰ Феофанов К.А. Социальная аномия: обзор подходов в американской социологии // Социологические исследования. 1992. № 5. С.89-91.

¹³¹ Там же. С.89-91.

смещает социоцентрический акцент в направлении учета индивидуальных механизмов, опосредующих воздействие внешних факторов. Отметим, что в дальнейшем мы обратимся к рассмотрению идей этого ученого в части социального контроля, однако здесь важно подчеркнуть, что обозначенная особенность характерна и для последующих модификаций аномической теории – к примеру, Т. Хирши в 1969 году вводит понятие «социальные обручи», понимая под ним принятые и действующие в конкретном обществе ценности, взгляды и нормы поведения, удерживающие индивидов от совершения противоправных актов: «чем больше люди верят в ценности, принятые обществом (например, в правильность законов), чем активнее они стремятся к успешной учебе, участию в социально одобряемой деятельности и чем глубже их привязанность к родителям, школе, сверстникам, тем меньше вероятность, что они совершат девиантные поступки»¹³². По большому счету, речь идет о социальных связях, ослабление которых ведет к совершению преступлений¹³³. Р. Макайвер и Д. Рисмен вводят понятие психологической аномии как причины девиантного поведения посредством смещения исследовательского фокуса – это «разрушение чувства принадлежности индивида к обществу»¹³⁴, в связи с чем основой мировоззрения индивида становится философия отрицания: нет более тех нравственных норм и запретов, которых бы придерживался индивид в своих поступках. Возникновение психологической аномии связывается учеными с тремя отличительными характеристиками современного общества – «конфликтом культур, капиталистической конкуренцией и стремительностью социальных изменений»¹³⁵. В развитие ранее высказанных идей Р. Агню модифицирует теорию напряжения, придавая девиантному поведению значение способа адаптации к стрессу, возникающему в результате этого

¹³² Смелзер Н. Социология: пер. с англ. М.: Феникс, 1994. С. 208. Цит. по: Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 135.

¹³³ Гишинский Я.И. Указ. соч. С. 44.

¹³⁴ Феофанов К.А. Указ. соч. С.89-91.

¹³⁵ Там же. С. 89-91.

напряжения. При этом ученый выделяет несколько типов напряжения как результата негативных взаимодействий с другими людьми, когда они: «1) мешают или угрожают помешать индивиду достичь позитивно оцениваемых целей; 2) устраняют или угрожают устранить позитивно оцениваемые стимулы индивида (например – утрата близкого человека); 3) предоставляют или угрожают предоставить индивиду вредные или негативно оцениваемые стимулы (случаи виктимизации, стрессовые события)»¹³⁶. Возникающие реакции в виде депрессии, страха, гнева, фрустрации могут быть разрешены посредством совершения преступлений или иных девиантных поступков – выбор формы поведения зависит и от личностных качеств индивида, и от степени его социализации.

Вместе с тем, важно отметить, что не все ученые поддерживают идею о детерминации девиантного поведения, включая криминальное, состоянием аномии. В частности, К. Бей обосновывает необходимость определенной степени аномии в обществе, указывая на недопустимость чрезмерного регулирования социальной жизни нормами морали и права – в ином случае индивид становится не способным к самостоятельным суждениям и, следовательно, действиям.

Таким образом, концепции аномии с учетом авторских трактовок, как отмечает В. Афанасьев, являются «взаимодополняемыми»: «аномия, как в форме безнормности, так и в форме рассогласования целей и средств, выступает в качестве одной из существенных предпосылок, опосредующих генезис девиантного поведения, в силу чего последнее не может быть полностью объяснено без использования категории аномии»¹³⁷. Как отмечается в науке, «многообразие и противоречивость подходов свидетельствуют о том, что сегодня не существует единственного «внеисторического» значения термина «аномия». Многозначность обусловлена, главным образом, многоуровневостью социального феномена

¹³⁶ Гишинский Я.И. Указ. соч. С. 42.

¹³⁷ Афанасьев В. Указ. соч. С.69-81.

аномии: 1) макро-, микро-, а также – чаще в косвенной форме, как промежуточное значение – мезоуровни; 2) когнитивный, аффективный («субъективный» аспект) и конативный («объективный» аспект) уровни и т. п.»¹³⁸. Современными исследователями обращается внимание на тот факт, что «во всех своих проявлениях аномия все чаще оценивается как неизбежное следствие усложнения социальной структуры, всей совокупности отношений и взаимодействий в ходе самодвижения социума к неким новым состояниям в условиях небывалых прежде коммуникационных возможностей, утилитарного подхода к моральным и правовым ценностям, сложившегося в XX в.»¹³⁹. Вместе с тем, представляется возможным сделать вывод о том, что усилиями сторонников теории аномии создаются предпосылки для формулирования интегративной теории преступного поведения и личности преступника на основе теорий социологического и психологического направлений, а также биологического, что, однако, произойдет несколько позднее. Этому предшествуют, в частности, попытки исследования преступного поведения с позиции преобладающего влияния социальных факторов в ущерб значению личностных особенностей преступника, что характерно для теории девиантной карьеры и жизненного пути, сформулированной в 30-е годы прошлого века Ш. Глюк и Э. Глюк.

Само понятие девиантной карьеры использовалось в связи с девиантной социализацией индивида, в процессе которой он приобретает ценности и навыки преступного мира, и которая подразделяется на «интенсивный» и «прерывистый» типы в зависимости от того, на каком этапе своего развития индивид приобщается к криминальной (девиантной) субкультуре. Так, у индивида, с юного возраста пребывающего в условиях девиантной социализации, как правило, складывается «интенсивный» тип девиантной карьеры, характеризующийся повышенной опасностью –

¹³⁸ Феофанов К.А. Указ. соч. С.89-91.

¹³⁹ Кривошеев В.В. Особенности аномии в современном российском обществе // Социологические исследования. 2004. № 3 (239). С. 93-96.

преступления более тщательно планируются, чаще совершаются, криминальные навыки совершенствуются. «Прерывистый» тип карьеры отличается меньшим профессионализмом преступного поведения и частотой совершения деяний, что связывается учеными с более поздним погружением индивида в условия девиантной социализации.

Очевидно, что лежащий в основе теории девиантной карьеры и жизненного пути биографический метод предполагает изучение отдельных этапов жизни личности преступника, однако, при этом, детерминирующее значение при объяснении преступного поведения придается факторам внешней среды, что является специфической чертой указанной теории.

По результатам проведенных позднее Дж. Лаубом и Р. Сэмпсоном исследований, аналогичных работе супругов Глюк, был сформулирован концепт социального капитала как возможностей, блокирующих девиантную карьеру, сложившуюся в раннем возрасте – речь идет о получении хорошей работы, удачной женитьбе и об изменении микросреды¹⁴⁰.

В 60-е годы теория вышла на новый виток развития усилиями М. Вольфганга, который провел исследование в форме «когортного анализа популяции, члены которой имеют общие характеристики», что «позволяет проследить ее развитие, начиная с младенческого возраста до наступления совершеннолетия»¹⁴¹. Согласно результатам работы, «относительно небольшая доля молодых преступников, сделавших делинквентные карьеры, были ответственны за непропорционально большую часть преступлений, по которым состоялись аресты (18% участников когорты составили 52% всех задержанных преступников до 18 лет)»¹⁴².

На основе проведенных предшественниками исследований в 1988 году Л. Коэн и Р. Мэхалек создали теорию эволюционной экологии, по сути, представлявшую собой синтез модернизированной теории жизненного пути

¹⁴⁰ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 140.

¹⁴¹ Там же. С. 141.

¹⁴² Там же. С. 141.

и теории социальной экологии, сформулированных ранее. Основной идеей при этом объявлялось наличие ряда вариантов жизненного пути индивида, выбор между которыми он осуществляет с учетом специфики ранней социализации. Иными словами, окружение ребенка и обстановка становления и развития его личности напрямую, по мысли ученых, влияет на выбор жизненного пути, что особенно важно учитывать при разработке превентивных программ в отношении несовершеннолетних преступников.

Значительный по объему сегмент в теориях социологического направления занимают теории социального контроля, ставящие преступную активность членов общества и становление личности преступника в зависимость от возможностей и эффективности формального и неформального социального контроля, осуществляемого в рамках взаимодействия индивида с различными социальными институтами. Первое упоминание термина «социальный контроль» принадлежит Г. Тарду, придававшему ему значение «...неотъемлемого элемента нормального существования общества», «одного из факторов «социализации» личности»¹⁴³. Ученый связывал действие механизма социального контроля с «...подчинением индивида группе», что «достигается за счет функционирования его как духовно-психологической системы», целью которой является «ограничение роста потребностей, удовлетворение которых невозможно в данный момент из-за недостаточного развития существующих социальных институтов»¹⁴⁴.

На механизмы социального контроля и сам факт их существования впервые обратил внимание Э. Росс, задаваясь вопросом о самой возможности порядка в обществе. В своей классической работе «Социальный контроль: исследование основ порядка» (1901) ученый рассматривает общество как

¹⁴³ Грошева И.А. Концептуальные основы институционализации социального контроля // Академический вестник. 2011. № 3 (17). С. 51-58.

¹⁴⁴ Кузнецова Е.М. Эволюция представлений о социальном управлении и контроле // Омские социально-гуманитарные чтения – 2008: Материалы I регион. научн.-практ. конф. (Омск, 28-29 апреля 2008 года). Омск: изд. ОмГТУ, 2008. С. 24-29.

целостный организм, в целях жизнедеятельности которого необходимо осуществление контроля. В его структуре Росс выделяет три составляющие: основания контроля, средства и систему контроля. Целью контроля ученый видит установление порядка, при этом, основываясь на теории общественного договора Т. Гоббса и Дж. Локка, «естественный порядок» связывает с действием «способов установления социального порядка внутри индивида». В данном случае, основаниями контроля выступают «естественные моральные мотивы» – имеются в виду «симпатия, коммуникабельность, чувство справедливости и негодования»¹⁴⁵. Отмечая ненадежность указанных способов (оснований), Росс утверждает о потребности «искусственного социального контроля», к агентам (средствам) которого отнес общественное мнение, закон, веру и внушение, осуществляемое в формах обучения и обычаев. К участникам отношений социального контроля ученый относит «субъекта – меньшинство (элита), агента – общество (т.к. контроль называемый социальным, опирается на авторитет всего общества), и объекта – индивида»¹⁴⁶. Обозначенные агенты образуют систему или механизм социального контроля – «преднамеренное влияние общества на поведение индивида: социальный контроль ограничивает абсолютную свободу индивида и создает систему норм регулирования естественного порядка»¹⁴⁷.

Таким образом, по мысли Росса, «...общество целенаправленно воздействует на индивидов, обеспечивая при этом социальный порядок. Социальный порядок определяется типом личности, наиболее распространенным в обществе (т.е. модальным), и выступает продуктом исторического формирования и развития. «Лишь преступник или герой остается вне влияния того, что думают о нем другие»¹⁴⁸. При этом в рамках теории выделяются два вида социальных регуляторов поведения: личностно-

¹⁴⁵ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 144.

¹⁴⁶ Кузнецова Е.М. Указ. соч. С. 24-29.

¹⁴⁷ Там же. С. 24-29.

¹⁴⁸ Грошева И.А. Указ. соч. С. 51-58.

неофициальный (этический) и безличностно-официальный, а также два вида механизмов социального контроля – внутренний и внешний. Особую роль в осуществлении социального контроля ученый отдавал семье.

Ряд критических замечаний в адрес идей Э. Росса был вызван тем, что механизм социального контроля рассматривался в его индивидуально направленном воздействии, тогда как групповому эффекту практически внимания не уделялось. Однако, этот пробел восполнен в теории профилактического социального контроля Т. Парсонса, сформулированной в 50-х годах прошлого века. Социальному контролю ученый придает значение фактора, предупреждающего формирование девиантных социальных групп, а в конечном итоге, приближающего общество к состоянию баланса и интеграции, абсолютное достижение которого, тем не менее, априори невозможно. По Парсонсу, механизм социального контроля включает в себя «институционализацию (обеспечение определенности ролевых ожиданий); межличностные санкции и жесты; ритуальные действия (снятие напряженности символическим путем, укрепление господствующих культурных образцов); структуры, обеспечивающие сохранение ценностей и разграничение «нормального» и «девиантного»; структуры повторной интеграции (приведение к норме тенденций к «отклонению»); институционализацию системы, способной применять насилие, принуждение»¹⁴⁹. Под методами социального контроля ученый понимает изоляцию, обособление и реабилитацию, что позволяет говорить о том, что, по большому счету, в основу механизма социального контроля Парсонс положил институт наказания (санкции).

Таким образом, в теориях социального контроля личность рассматривается как объект направленного неформального и формального институционализированного воздействия, от эффективности которого напрямую зависит девиантная, в том числе, криминальная активность как

¹⁴⁹ Парсонс Т. О социальной системе. М., 2002. С. 360-451. Цит. по: Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 146.

отдельных членов общества, так и социальных групп. Отсюда значение личности связывается с необходимостью восприятия транслируемых норм, ценностей и паттернов поведения, при этом, по большому счету, конечной целью механизма социального контроля является формирование личностной и групповой установки к конформному поведению. Иными словами, авторы теорий не настаивают на глубокой интериоризации предлагаемых, а зачастую и навязываемых социальных норм и ценностей личностью – достаточно усвоить их на уровне, обеспечивающем возможность адаптироваться к требованиям и ожиданиям общества. Криминальное поведение в подобном контексте признается отражением низкой эффективности механизма социального контроля, что смещает акцент с личности преступника на внешние факторы, детерминирующие девиации.

Вместе с тем, подобный «перекос» отсутствует в группе теорий, объединенных под названием теории сдерживания. Так, Ф. Най в рамках теории внешнего и внутреннего контроля развивает высказанную на семь лет раньше идею А. Рейса о «персональных» и «социальных» средствах контроля. Ученый, в частности, рассматривает внутренний социальный контроль как «результат социализации, в процессе которой у индивида формируется совесть, адекватное понятие о нормах поведения, о хорошем и плохом, одобряемом и осуждаемом», тогда как внешний социальный контроль осуществляется в трех формах – «косвенный (непрямой) контроль, контроль посредством законного удовлетворения потребностей и непосредственный (прямой) контроль»¹⁵⁰. Указанные формы не исключают друг друга, а взаимодополняют: косвенный контроль осуществляется посредством эмоциональных связей между индивидом и референтной группой, с которой он себя отождествляет; вторая форма контроля направлена на формирование конформного поведения посредством предоставления легальных средств удовлетворения индивидуальных потребностей различного характера, и, наконец, последняя форма

¹⁵⁰ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 148.

подразумевает применение к индивиду санкций и поощрений от имени общества в связи с тем или иным поведением.

Значительную превентивную роль отдавал «внутреннему» сдерживанию – силам, препятствующим проявлению личностных деструктивных качеств, У. Реклесс в теории сдерживания делинквентности. Под «внутренним» сдерживанием ученый понимает характеристики позитивной Я-концепции индивида, которые помогают противостоять личности внешнему делинквентному влиянию и характеристикам априори присутствующей негативной Я-концепции: «стойкость, самоконтроль, положительная самооценка, развитые «эго» и «суперэго», целеустремленность, правосознание и рационализм – ориентация на цель и приверженность нормативному поведению»¹⁵¹. К «внешнему» сдерживанию Реклесс относит «эффективный надзор, дисциплину и возможность одобрения, «разумный набор социальных ожиданий, институциональное подкрепление целей и норм»¹⁵². Оценивая эффективность данных механизмов, ученый делает вывод о том, что избежать проявлений делинквентности возможно лишь при условии преобладания внутреннего и внешнего сдерживания над побуждениями к девиациям.

Идея сочетания внутренних и внешних механизмов сдерживания получила свое дальнейшее развитие в теории социальных связей Т. Хирши, которая считается одной из самых разработанных теорий социального сдерживания и социального контроля. Понимая сущность социального контроля в русле рассмотренных выше формулировок, ученый признает препятствующим девиациям и криминальному поведению фактором социальные связи индивида, различая четыре основных их вида: привязанность, приверженность, вовлеченность и убежденность. Каждый из перечисленных видов связей характеризует особенности взаимодействия индивида с социальными институтами и референтными группами в рамках

¹⁵¹ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 149.

¹⁵² Там же. С. 149.

социализации – имеются в виду институты семьи (причем, в первую очередь!), группы сверстников, образовательных учреждений, религии, профессии и т. д. Суть теории Хирши удачно сформулирована Н. Смелзером: «чем больше молодые люди верят в ценности, принятые обществом, чем активнее стремятся к успешной учебе, участию в социально одобряемой деятельности и чем глубже их привязанность к родителям, школе, сверстникам, тем меньше вероятность, что они совершат девиантные поступки»¹⁵³.

Еще более сильный акцент на личностных возможностях предупреждения и противостояния девиантному влиянию внешней среды прослеживается в теории самоконтроля М. Готфредсона и Т. Хирши, сформулированной в 1990 году. Именно высокий самоконтроль личности выступает залогом правопослушного поведения личности, тогда как низкий самоконтроль как результат негативной социализации – прежде всего, в семье, ведет в девиантному поведению, с которым связывается получение индивидом сиюминутных удовольствий. Несмотря на привлекательность теории и синтез высказанных ранее идей, ее слабым местом выступает недостаточная эмпирическая обоснованность.

Завершая обзор социологических теорий социоструктурного направления, отметим еще раз, что отличительной их чертой является рассмотрение социума как системы, в основе функционирования которой лежат взаимодействия между членами общества, социальными институтами, формальными и неформальными нормами поведения и ценностями. Особенности взаимодействий определяются факторами внешними и внутренними, а регулярно возникающие «сбои» таких взаимодействий приводят к девиациям. При этом особое значение получают внешние факторы.

¹⁵³ Смелзер Н. Социология: пер. с англ. М.: Феникс, 1994. С.208. Цит. по: Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 152.

Помимо социоструктурных теорий в рамках социологического подхода выделяется группа теорий интеракционистского направления или процессуальные теории преступного поведения и личности преступника. В основе данного направления лежат исследования представителей символического интеракционизма в социологии, возникшего в начале XX века. Ключевая идея сводилась к тому, что социальные взаимодействия осуществляются в контексте индивидуальной интерпретации намерений и действий их участниками и придания ими определенных символических значений социальным явлениям и ситуациям. Интерпретацию данного тезиса применительно к объяснению девиантного поведения, включая криминальное, предложили авторы ряда теорий, именуемых теориями стигматизации (клеймения). Их общий посыл заключался в том, что девиации и преступность есть социальные продукты, чье негативное значение признается обществом, порождаемые определенным отношением общества к лицам, их совершающим. Особое отношение и есть то самое социальное «клеймо», («ярлык», «лейбл»), которое, будучи присвоено девианту, обуславливает продолжение им (девиантной) криминальной деятельности. Так, Ф. Танненбаум в 1938 году предположил, что одни и те же социально значимые действия получают различную интерпретацию с противоположных сторон – со стороны деятеля и со стороны социума: если для субъекта совершенные им действия могут иметь значение романтического поступка, акта игры, то общество придает им значение противоправного акта, а самого деятеля именует правонарушителем или преступником. Именно в этот момент, как указывает ученый, создаются преступление и преступник, поскольку под влиянием выраженной негативной социальной оценки субъект, осознавая ее, встает на путь преступной деятельности. Иными словами, имевшая место первичная «драматизация зла» обществом обуславливает преступное поведение субъекта в дальнейшем: «человек становится таким, каким его определяют

окружающие»¹⁵⁴. Отсюда предупреждение преступности – это недопущение чрезмерной «драматизации зла» как выраженной публично негативной оценки обществом совершенного деяния.

Резонансное значение для мировой криминологии имели результаты исследований, к которым пришел Э. Сатерленд, обратившись к феномену беловоротничковой преступности, под которой понимались преступления элиты – чиновников и бизнесменов. Ученый делает вывод: «несмотря на то, что степень общественной опасности преступлений представителей низших слоев общества ниже, вся мощь карательной машины обрушивается именно на них»¹⁵⁵. Продолжая мысль, ученый отмечает, что «три четверти лиц, содержащихся в тюрьмах штатов, не являются преступниками в полном смысле этого слова, однако соответствующее криминальное клеймо, поставленное на них судебной системой, инициирует процесс их отчуждения от общества»¹⁵⁶. С учетом указанного, Сатерленд предлагает расширить применение штрафных санкций, что позволит снизить давление государственной репрессии и избежать стигматизации существенной части населения.

Э. Лемерт в 1951 году формулирует понятия первичного и вторичного отклонения, в результате общественной реакции на которые преступник приобретает «девиантную самооценку» и усваивает роль, ценности девиантного статуса. Как объясняет ученый, в основе первичной девиации могут лежать как проблемы (нужды, потребности) человека, необходимость решения которых побудила совершить преступление, так и ожидания субкультурных референтных групп. В принципе, первичная девиация может даже иметь случайный характер, но независимо от этого общество реагирует негативно, порицая совершенное или используя институт наказания – подобная реакция толкает индивида на совершение вторичной девиации,

¹⁵⁴ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 157.

¹⁵⁵ Иншаков С.М. Указ. соч. С. 156.

¹⁵⁶ Там же. С. 157.

которая есть проявление формируемой девиантной самооценки и стремление приспособиться к девиантному статусу. Последующие противоправные поступки индивида ученый связывает с его обидой, злостью на общество, враждебностью и дальнейшим усвоением криминальных статусно-ролевых характеристик – так называемое усиление девиантной реакции, которое в конечном итоге ведет к полному принятию криминального статуса. Лемерт сделал важное наблюдение: «правонарушители оцениваются судами более резко, если они удовлетворяют стереотипному образу представителя низшего класса, предрасположенного к нарушению закона»¹⁵⁷.

Г. Беккер сформулировал теорию нормативной стигматизации, которая позднее была поддержана и дополнена Э. Шуром. Основной идеей ученых выступало положение о том, что стигматизация выступает результатом деятельности социальных групп и институтов, имеющих определенное влияние: сначала на уровне социальных оценок навязывается негативизм относительно тех или иных актов поведения, далее – за счет использования механизмов влияния указанные оценки получают нормативное закрепление, а соответствующие поступки официально признаются криминальными. Указанные процессы, имея субъективное значение для правонарушителя, переживаются, осмысливаются им и, в конечном итоге, также приводят к усвоению девиантных ролей и статусов, а их активная реализация – к совершению серии новых преступлений¹⁵⁸. Отсюда «девиант – это тот, кого стигматизировали таким образом, а отклоняющееся поведение – это поведение, которое влиятельные люди определили как девиантное»¹⁵⁹.

Интересным представляется утверждение Беккера о зависимости социальной – в том числе, официальной, оценки поступка и субъекта от социально-демографических характеристик девианта. Иными словами,

¹⁵⁷ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 159.

¹⁵⁸ Иншаков С.М. Указ. соч. С. 158.

¹⁵⁹ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 159.

ученый указывает на неоднородность реакции общества, зависящей, в частности, от социального слоя, к которому принадлежит девиант.

Э. Шур разделяет позицию Беккера в части процессного характера стигматизации, начало которой связывается со случайным, неосторожным или умышленным совершением первичного отклонения, далее приводящей к «ролевому поглощению» как усвоению преступного «самоимиджа».

О «селективной» работе с правонарушителями говорится в социоструктурной теории стигматизации Ф. Зака, на взгляды которого повлияла теория К. Маркса – особенно, в части «классовой юстиции». Ученый утверждает, что стигматизация направлена, прежде всего, на представителей низших слоев общества, а значит, существует корреляция между принадлежностью к той или иной социальной страте и регистрируемой преступностью.

В рамках теории реинтегративного стыда Дж. Брайтуайт вводит понятие «стигматизированный стыд» как результат клеймения обществом не совершенного преступления, а преступника, что вызывает у последнего негативную реакцию и, как следствие, обуславливает совершение новых противоправных деяний. Ученый утверждает о необходимости смещения акцента на деяние, осуждение обществом которого и есть «реинтегративный стыд»: «внушение стыда, если оно не переходит в клеймение, служит наилучшим средством социального контроля»¹⁶⁰. Указанная процедура предполагает восстановление моральной связи между преступником и обществом, не изоляцию его, а формирование социально-бытовых условий, позволяющих почувствовать «...угрызения совести» человеком, «которого пристыдили или осудили»¹⁶¹.

Таким образом, подходы к объяснению природы преступного поведения, оперировавшие понятием стигматизации, фокусировались на

¹⁶⁰ Гишинский Я.И. Указ. соч. С. 52.

¹⁶¹ Akers R. *Criminological theories: Introduction and Evaluation*. 2nd ed. Los Angeles: Roxbury publishing company, 1997. P.108: Цит. по: Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 162.

внешних факторах, детерминирующих его, в ущерб учету особенностей личности преступника и их криминогенного значения, что ослабляет позиции сторонников данных теорий. Однако, эта ситуация была исправлена в работах, появившихся в 90-х годах прошлого века, когда было обращено внимание на субъективный эффект стигматизации как выраженной во вне негативной социальной реакции (оценки) деяния и деятеля. В частности, эмпирическим путем было установлено, что клеймение влияет на самосознание малолетних девиантов и выходцев из низших слоев, однако, реальное противоправное поведение влияет еще сильнее, чем неформальная или официальная реакция общества на деяние. Вместе с тем, было бы неправильным отрицать косвенное криминогенное значение стигматизации, поскольку ее механизмы, во-первых, затрудняют взаимодействие стигматизированных и нестигматизированных членов общества друг с другом, а во-вторых, обуславливают приобщение индивида к тем или иным девиантным субкультурам, в рамках которых имеет место научение преступному поведению.

Несмотря на многочисленные критические замечания в адрес теорий стигматизации, связанные со слабой эмпирической обоснованностью, вниманием к повторным девиациям и отсутствием объяснения причин первичных, не признавать важное криминологическое и методологическое значение указанных теорий было бы ошибочным.

Иное значение личность преступника получает в феноменологических теориях криминологии, появившихся во второй половине XX века. Феноменологический подход, изначально разработанный в философии Ш. Гуссерля, получает собственную интерпретацию в социологии девиантности и криминологических концепциях, рассматривающих преступное поведение как социальный конструкт, в котором находят отражение знания индивида и его предыдущий усвоенный опыт, а, следовательно, придается детерминирующее значение внутреннему миру личности – ее субъективным оценкам, ценностям, представлениям, убеждениям. Особое внимание

феноменологами уделяется обыденным представлениям (интерсубъективным значениям), господствующим в конкретном обществе.

Сторонники указанного направления не используют понятие стигмы, но также рассматривают преступность и социальный контроль в качестве продуктов социального развития, акцентируя внимание не только на их природе как социальных конструктов, но и подчеркивая их релятивный и конвенциональный характер. В своем труде «Конститутивная криминология» (1996) С. Генри и Д. Милованович в развитие идей феноменологии преступности отрицают существование преступления «в смысле объективной социальной реальности»: «Одни агенты дискурса разыгрывают преступные образцы, другие участники взаимодействия стремятся соответствовать стандартам социального контроля над делинквентностью, третьи пытаются исследовать или судить о преступности»¹⁶². Из приведенного тезиса вытекает вывод о том, что социальный и культурный контекст напрямую влияют на преступность и индивидуальное преступное поведение – их структуру, причины, а также на возможности и методы социального контроля над ней.

Слабая эмпирическая база, сложность верификации гипотез феноменологов, разрушение сложившихся в рамках позитивистской криминологии представлений о предмете исследований и отсутствие предлагаемых взамен методик и практических решений вызывают обильную критику феноменологического подхода, что не отменяет конструктивность позитивистско-феноменологической дискуссии в криминологии. Более того, конститутивная криминология предвосхищает своими положениями идеи постмодернистских криминологических теорий о преступлении как социальном конструкте, о необходимости исследования феноменов преступности и социального контроля в контексте культуры и социального устройства¹⁶³.

¹⁶² Akers R. *Criminological theories: Introduction and Evaluation*. 2nd ed. Los Angeles: Roxbury publishing company, 1997. P.176-177: Цит. по: Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 170.

¹⁶³ Гилинский Я. И. Указ. соч. С. 51.

Помимо феноменологического подхода, рассматриваемый период отмечен актуализацией конфликтологических криминологических теорий, что можно объяснить усиливающейся дифференциацией общества по различным критериям и ростом социальных конфликтов. Закон утрачивает свое однозначное значение некоего консенсуса, договора, который на основе признания большинством выполняет функции регулирования общественных отношений и их охраны. Исследователи обращаются к противоположной точке зрения, согласно которой закон есть воплощенная формально воля определенных слоев общества, имеющих доступ к власти. Эта идея, сформулированная сторонниками марксизма, позволяет отнести вновь возникшие теории к неомарксизму, однако, она характерна и для конфликтологического направления в целом в рамках социологического подхода к объяснению преступности и личности преступника.

Так, Д. Волд связывает совершение преступлений с существованием перманентно противоборствующих социальных групп, получающих в те или иные моменты доступ к властным, в том числе, законодательным ресурсам. Совершение преступлений в указанном контексте есть проявление конфликта между данными группами в борьбе за более высокое положение в социальной иерархии. Поскольку ученый отрицал саму возможность совершения преступлений импульсивных, не спланированных заранее и не имеющих очевидного мотива, сформулированная им теория группового конфликта предлагала объяснение природы политической и беловоротничковой преступности, что, в частности, выступило предметом ее критики.

На конфликт между социальными группами обращает внимание О. Терк, высказывая предположение о том, что он лежит в основе криминализации представителями той социальной группы, которая имеет доступ к властным и административным ресурсам, лиц из числа противоборствующих групп – как правило, это неблагополучные в социально-бытовом плане люди. Обращаясь к понятию политической власти,

ученый утверждает, что «преступность есть отражение борьбы за власть, в ходе которой влиятельным социальным группам удается закрепить определенные ценности в нормах права»¹⁶⁴. Однако, подобное понимание преступности не является универсальным и направлено на выявление детерминант и механизма политических преступлений, в связи с чем теория криминализации О. Терка подверглась активной критике. Вместе с тем, как предполагает Я. И. Гишинский, «возможно, именно он является родоначальником криминологии политической преступности, которая в России начинает формироваться в последнее время»¹⁶⁵.

Идея противостояния социальных классов обосновывалась неомарксистами посредством использования терминологического аппарата, характерного для взглядов К. Маркса и его последователей. В частности, в теории У. Чемблисса (70-е годы XX века), получившей название политэкономии преступности, последняя рассматривается как результат классового противостояния. Однако, ученый в данном контексте не ставит вопрос о причинах совершения преступлений, а, по сути, пытается обосновать тезис о возможностях правящего класса официально определить статус представителя из числа эксплуатируемых слоев населения как преступника. Господствующий класс, имея доступ к закону, отражает в нем ценности и интересы, характерные для данного класса, а возможность отправлять правосудие обуславливает его селективность, поскольку из числа фактически совершивших преступление к ответственности привлекаются лишь представители угнетаемых классов.

Тезисы марксизма относительно классовой природы преступности получили, пожалуй, наиболее радикальную интерпретацию в неомарксистской теории закона и преступности Р. Куинни. Следуя взглядам К. Маркса, ученый утверждает, что при достижении цели укрепления капиталистического устройства общества и его удержании, правящий класс

¹⁶⁴ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 176.

¹⁶⁵ Гишинский Я. И. Указ. соч. С. 46.

использует закон, отражая в нем собственные интересы и направляя его репрессивные возможности против пролетариата. Отсюда правосудие и пенитенциарная система своей истинной целью имеют осуществление контроля над пролетариатом: «лишение свободы установлено не сколько в качестве основного наказания для осужденных преступников, сколько в качестве средства «перекачивания» в места лишения свободы излишней (не занятой на рынке) рабочей силы», представляющей, в свою очередь, «потенциальную угрозу классу капиталистов»¹⁶⁶. Важно отметить, что вывод о сосредоточении абсолютной власти в руках правящего класса принципиально отличает подход Куинни от рассмотренных выше позиций У. Чемблисса, в связи с чем данные подходы принято именовать инструментальным (Р. Куинни) и структуралистским (У. Чемблисс) неомарксизмом. Подобная позиция, кстати, приводит Куинни к выводу о том, что преступники из числа элиты остаются фактически безнаказанными.

Утверждая, что «преступление есть творение» «...уполномоченных агентов политической организации общества»¹⁶⁷, ученый предлагает типологию преступлений, согласно которой выделяются: «преступность приспособления», включающая корыстные и насильственные деяния рабочих, «пострадавших от капиталистической системы»; «преступность сопротивления» – «бессознательная протестная реакция рабочих на эксплуатацию»; «преступность доминирования и подавления» – деяния, совершаемые правящим классом и теми, «...кто его обслуживает (менеджеры и «белые воротнички»)»¹⁶⁸.

Для криминологических теорий марксистского и неомарксистского толка характерен широкий подход к рассмотрению преступности и личности преступника, предполагающий учет социально-политической обстановки, что, однако, повышает риск чрезмерной идеологизации, как это имеет место

¹⁶⁶ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 179.

¹⁶⁷ Гишинский Я.И. Указ. соч. 46.

¹⁶⁸ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 180.

в теории Р. Куинни. Кроме того, ее слабая эмпирическая обоснованность, а также упрощенное, по большому счету, объяснение девиаций и криминального поведения послужили поводом для многочисленных критических замечаний. Вместе с тем, теория Куинни явилась благодатной основой для возникновения модернизирующих ее положения подходов. В частности, одним из них следует назвать теорию возрастной зависимости Д. Гринберга, основной идеей которого выступил тезис о зависимости преступного поведения от возраста, объясняемой с учетом доступности способов удовлетворения потребностей. Иными словами, отмечая, что несовершеннолетние в капиталистическом обществе не имеют всех возможностей, позволяющих им выступать участником рынка труда, а взрослыми зачастую их потребности удовлетворяются не в полном объеме или не удовлетворяются вообще, Гринберг утверждает, что указанная возрастная категория лиц идет на совершение преступлений, чья цена в виде наказания с учетом возраста представляется им невысокой. Достоинством данной позиции является обращение внимания на психологические механизмы преступного поведения и личность преступника, однако, выводы Гринберга не были подтверждены последующими исследованиями: корреляция возраста и частоты (интенсивности) преступных деяний не подтвердилась. Отметим, что также не нашел эмпирического обоснования тезис ученого о снижении уровня преступности несовершеннолетних при социализме.

На значение возраста при объяснении детерминант преступного поведения и личности преступника также обратили свое внимание М. Колвин и Дж. Паули в рамках теории производства делинквентности. Здесь возраст выступает психофизиологической характеристикой личности, которая обуславливает, во-первых, продолжающуюся социализацию индивида, а во-вторых, осуществление социального контроля силами семьи в рамках этого процесса. Ученые выдвигают предположение о связи между особенностями социализации, статусом родителей и методами социального контроля,

осуществляемыми в их отношении на рабочих местах. В частности, «служащие из категории «белых воротничков» контролируются с использованием силы строгих внутриорганизационных норм и правил поведения, поэтому они воспитывают своих детей в позитивной форме, в духе уважения к морали и семейным традициям. «Синие воротнички» контролируются на работе через систему материальных стимулов, и поэтому они растят своих детей в утилитарном духе, используя поощрения и наказания. Родители с самым низким рангом в организации больше всего подвергаются принуждению и манипуляции со стороны работодателей и менеджеров, поэтому они воспитывают своих детей путем усиленного дисциплинарного контроля и давления»¹⁶⁹. Указанные взаимосвязи напрямую, по мысли Колвина и Паули, влияют на преступное или конформное поведение подростка, которое он демонстрирует в обществе.

Исследования, направленные на эмпирическую проверку обозначенных тезисов, позволили согласиться с выводом о наличии связи между семьей, статусом родителей, особенностями социализации и, в конечном итоге, преступностью. Однако не подтвержденной осталась предполагаемая связь между дисциплиной на рабочем месте родителей и методами ее поддержания, с одной стороны, и преступностью подростков, с другой. Кроме того, данная теория, как и иные, объясняющие преступное поведение на уровне общества (макроуровень), не учитывает индивидуальные особенности преступлений.

Рассмотренные неомарксистские теории получили название критических или радикальных в связи с их очевидной критикой устройства общества. Однако, помимо неомарксизма к критическим в криминологической литературе относят и ряд иных концепций, критикующих эпоху модерна в целом и порожденные ею формы социального устройства, включая законодательство и правосудие – о них речь пойдет ниже. Так, одной из подобных концепций стала теория левого реализма, по

¹⁶⁹ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 183.

сути, представлявшая собой ряд предположений о том каким должно быть общество, не обоснованных эмпирически. Высказавший их Д. Янг отходит от классового понимания преступности и обращает внимание на «квадрат преступности», углы которого образованы государством, обществом, преступником и жертвой, а взаимодействие между ними продуцирует преступление. Ученый обращает внимание на факт преобладания представителей низших слоев общества не только среди преступников, но и среди жертв, в связи с чем утверждает об опасности преступности, в первую очередь, для низших социальных слоев. Отсюда вытекает вывод о необходимости, в первую очередь, обеспечить превенцию преступного поведения, а во-вторых – снизить сроки тюремного заключения, причем указанные преобразования, по мысли Янга, следует предпринимать не революционным путем, а последовательно. Относя к разряду «социалистических преобразований» также снижение репрессивности действующего законодательства, системы правосудия и исполнения наказаний, внедрение мер государственной поддержки нуждающихся слоев общества, Янг отмечает актуальность проблемы преступности, однако, предлагает пути решения с позиции критики социального устройства, принципиально отличающейся от критики неомарксистов. В дальнейшем именно указанный ученый формулирует концепцию «исключенных» из общества с целью объяснения девиаций, а также выступает одним из основателей культуральной криминологии, направленной на объяснение криминального поведения представителей субкультурных социальных групп.

Идеи, получившие название миротворческой криминологии, были высказаны Г. Пепински и Р. Куинни (о его неомарксистских взглядах было сказано выше), а суть их сводилась к «уподоблению борьбы с преступностью репрессивными средствами военным действиям» и необходимости поиска «средства примирения преступника и его жертвы, полиции и общества»¹⁷⁰. По мысли ученых, в основе преступного насилия лежит насилие со стороны

¹⁷⁰ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 188.

государства, проявляемое в институтах наказания – прежде всего, в смертной казни, а также в условиях пенитенциарных учреждений¹⁷¹. Основным предметом критики, таким образом, является репрессивность правосудия и пенитенциарной системы, а ее основой – философские и религиозные идеи миролюбия и отказа от насилия.

Первые исследования расхождений между показателями преступности мужчин и женщин были проведены Ф. Адлер и Р. Саймон, а основой для критики традиционных криминологических теорий, как следует из содержания феминистских теорий, необходимо признать их направленность на изучение мужской преступности. Существующий социальный строй обладает патриархальными чертами, а женщина в нем дискриминирована по гендерному признаку, что проявляется в более жестком формальном и неформальном социальном контроле, а также в особенностях ее социализации, что должно быть учтено при объяснении преступного поведения. По мысли сторонников феминизма, девиации, демонстрируемые женщинами, чаще всего имеют место тогда, когда женщина усваивает мужские роли.

Несмотря на оригинальность подхода, связывавшего специфику преступного поведения с полом и гендером, в эмпирическом плане его подтверждений не найдено. Высказанные ранее предположения о детерминантах преступного поведения, которые теоретиками феминизма рассматриваются лишь в их связи с преступностью мужчин, являются справедливыми и для женской преступности, тогда как «гендерные различия лишь моделируют влияние»¹⁷².

Теории критической криминологии некоторыми учеными именуется постмодернистской криминологией, к которой также относят теории «культуральной, реалистической, топологической, анархической

¹⁷¹ Гишинский Я. И. Указ. соч. С. 48.

¹⁷² Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 191.

криминологии»¹⁷³. Именуемая оппозиционной относительно традиционной криминологии, основанной на методологии позитивизма, постмодернистская криминология отличается релятивистским подходом к анализу проблем преступности и преступника, рассматривает преступление как социальный конструкт, продуцированный «через взаимодействие с окружающими в процессе речевой коммуникации»¹⁷⁴. Характерная для постмодернистской науки эклектичность и плюрализм находят свое отражение и в постмодернистской криминологии – все чаще исследователи обращаются к возможностям междисциплинарного изучения социальных явлений, используя в своих объяснениях преступности и личности преступника выводы естественных наук. Отличающее позитивизм стремление обнаружить причинно-следственные связи между различного рода социальными явлениями уступает место волюнтаризму и обращению к иррациональным началам социальной действительности. Существенное значение для перехода к постмодернистскому этапу развития криминологической мысли «имеет книга трех английских авторов Я. Тэйлора, П. Уолтона и Дж. Янга «Новая криминология» (1973)»¹⁷⁵.

Вместе с тем, обладая очевидным научно-исследовательским потенциалом, постмодернистское направление в криминологии поддерживается далеко не всеми учеными в связи с констатируемой относительностью предлагаемых идей и зачастую невозможностью их эмпирической верификации. Кроме того, скептицизм вызывает деконструкционистская направленность криминологии постмодернизма, что проявляется в разрушении сложившихся подходов к изучению преступности и преступника.

Представляется, что возникновение данного направления вполне соответствует динамике социальной жизни и ее осмыслению с учетом

¹⁷³ Там же. С. 193.

¹⁷⁴ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 194.

¹⁷⁵ Гилинский Я. И. Указ. соч. С. 47.

научно-технического прогресса, предоставляющего возможность исследовать одно и то же социальное явление или процесс с различных ракурсов. Отсюда неудивительно само по себе появление так называемых интегративных криминологических теорий в русле постмодернизма, в частности, оперирующих понятиями множественной интегративной и диалектической причинности в отличие от традиционного подхода криминологии модерна, рассматривавшем преступность посредством линейной и множественной причинности. Отметим, что впервые идея о различении типов причинности была высказана Эйнстэдтером и Генри в 1995 году¹⁷⁶. Опыт формулирования интегративной постмодернистской теории в криминологии можно рассматривать как «...попытки создания обобщающих, интегративных теорий на основе наиболее плодотворных элементов уже существующих»¹⁷⁷.

Так, в частности, на сегодняшний день «... одним из наиболее влиятельных научных направлений последних десятилетий»¹⁷⁸ в зарубежной науке признается теория рационального выбора, по факту объединяющая ряд теорий, направленных на объяснение истоков преступного поведения и его предупреждения на уровне государства и общества. Имеются в виду такие теории, как «...собственно теория рационального выбора, теория стандартных действий, ситуационное предупреждение преступлений, теория превенции (или сдерживания) и некоторые другие»¹⁷⁹, именуемые обычно неоклассическими или постклассическими. Суть теории рационального выбора сводится к идее о том, что «...индивид, выбирающий преступное поведение, стремится извлечь максимальную выгоду из своих действий. Решения индивида зависят от той ситуации, в которой он находится, – от

¹⁷⁶ Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 197.

¹⁷⁷ Barak G. Integrating Criminologies. Allyn and Bacon, 1998. Цит. по: Гилинский Я.И. Указ. соч. С. 51.

¹⁷⁸ Гуринская А.Л. Теория рационального выбора в зарубежной криминологии и ее влияние на уголовную политику // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 120. С. 203-216.

¹⁷⁹ Там же. С. 203-216.

места, времени, наличия возможности совершить преступление и наличия информации»¹⁸⁰. Р. Кларк и Д. Корниш как основоположники данной теории выделяли три стадии принятия решения о совершении преступления (вовлечение, привычка, воздержание), а также факторы, оказывающие влияние на его принятие, среди которых – относящиеся к личности преступника (ее особенности, воспитание, образ жизни) и характеризующие ситуацию совершения преступления.

Еще одна из обозначенных постклассических теорий – теория стандартных действий, – при объяснении преступного поведения во главу угла ставит конкретную жизненную ситуацию: как обосновывают ее авторы Коэн и Фельсон, «преступление есть результат реализации появившейся возможности»¹⁸¹. При этом особенностям личности преступника также придается значение криминогенных факторов, однако, именно «благоприятная» ситуация рассматривается авторами как причина преступного поведения. Акцент на ситуацию как удобную возможность совершения преступлений ставится и в рамках еще одной неоклассической теории – теории устойчивых моделей преступления, авторы которой вводят три термина, необходимых для объяснения преступного поведения – узловые пункты, тропы и границы, выделение которых также позволяет вычислить места потенциальных преступлений с максимально благоприятными условиями для их совершения¹⁸².

Реализация превентивных мер с учетом высказанных авторами неоклассических теорий идей привела к выводу о том, что, в принципе, для достижения целей предупреждения преступности совершенно не обязательно углубляться в исследование личности преступника, а достаточно снизить возможности для совершения преступлений путем введения необходимых технических, градостроительных и иных мер контроля.

¹⁸⁰ Там же. С. 203-216.

¹⁸¹ Гуринская А.Л. Указ. соч. С. 203-216.

¹⁸² Там же. С. 203-216.

ГЛАВА 2. ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА И ТИПОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

2.1 Концепт личности в социальных науках

Понятие личности преступника, разрабатываемое в криминологии, востребовано постольку, поскольку «источники преступного поведения...фокусируются в личности преступника»¹⁸³, «объективные закономерности определяют поведение людей через их сознание»¹⁸⁴, «при исследовании механизма действия причин преступности самостоятельное значение приобретает криминологическое изучение личности преступника»¹⁸⁵.

Вместе с тем, преступление является лишь одним из проявлений личностных особенностей, которые самим по себе фактом преступного поведения не исчерпываются. Как отмечает А. Б. Сахаров, «именно совокупность социальных свойств и признаков личности, содержание и соотношение социально-положительных и социально-отрицательных ее качеств дают не только наиболее полное представление о тех, кто совершает преступления, но и в значительной мере помогают понять такое поведение, оценить поступок и лицо, его совершившее»¹⁸⁶. Это положение лежит в основе учета судами обстоятельств, характеризующих личность виновного, но при этом не находящихся в связи с совершенным преступлением, в рамках индивидуализации уголовной ответственности.

С учетом указанного вполне логично, что основу криминологического учения о личности преступника образуют выводы иных наук, предметом

¹⁸³ Ратинов А.Р. Личность преступника и проблема ценности // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1978. Вып. 29. С. 101.

¹⁸⁴ Номоконов В.А. О проблеме изучения причин преступности // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1986. Вып. 44. С. 5.

¹⁸⁵ Долгова А.И. Преступление и личность преступника в свете изучения причин преступности // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1979. Вып. 30. С. 8; Герцензон А.А. Уголовный закон и личность преступника: учеб. пособие. М., 1968. С. 45.

¹⁸⁶ Сахаров А.Б. Указ. соч. С. 4.

которых выступает изучение общества как социальной системы и места человека в ней. Как отмечается в науке, «формирование личности людей, совершающих преступления, исторически шло параллельно и в связи с возникновением личности члена общества как формально равного в правах и свободах с другими членами общества»¹⁸⁷.

Кроме того, обращение к достижениям иных наук тем более не вызывает удивления, что, являясь самостоятельным научным направлением, криминология ориентирована на исследования междисциплинарного характера: «для криминолога особенно нужны социология, демография, культурология, психология, экономика, педагогика, психиатрия, этнология, история, биология, политология, философия»¹⁸⁸, а «криминологические изыскания нужны не только для борьбы с преступностью: как социальная наука криминология способна предоставить информацию, интересную для других общественных наук»¹⁸⁹.

Если же мы говорим о личности преступника, то, очевидно, что первые попытки осмысления ее природы предпринимались в рамках философии. Как отмечают Е. С. Жигарев и В. И. Петухов, «и Декарт, и Спиноза, и Гегель, и Фейербах – т.е. все философы, независимо от их принадлежности к тому или иному лагерю в противоборстве материализма и идеализма» понимали личность через категорию «единичное», понимаемую в философии как «абсолютно неповторимое, существующее именно в данной точке пространства и времени и отличающееся от любого другого «единичного», а потому и столь же бесконечное внутри себя, как и сами пространство и время»¹⁹⁰.

Для отечественной философской науки конца XIX – первой половины XX веков характерна смена религиозного понимания личности как «микрокосма» (Н. Бердяев, В. Соловьев, Н. Лосский, С. Булгаков, Л. Шестов)

¹⁸⁷ Антонов-Романовский Г.В. Указ. соч. С. 43-48.

¹⁸⁸ Антонян Ю.М. Указ. соч. С. 67-75.

¹⁸⁹ Там же. С. 67-75.

¹⁹⁰ Жигарев Е.С., Петухов В.И. Философия криминологии. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. С. 77.

деятельностным подходом, основанным на марксистской философии диалектического материализма¹⁹¹. По большому счету, специфика отечественного понимания личности обусловлена особым, абсолютным значением марксизма как гносеологической основы любой отрасли знания. Уместно отметить, что указанное философское направление наряду с «единичным», характеризующим личность человека, признает наличие категории «всеобщего» как «некоего общего признака, которым обладает каждый порознь, считая «всеобщее» сущностью человека»¹⁹². Отсюда личность здесь рассматривается как «...категория общественно историческая», в чем, как считалось, и заключается «подлинная сущность личности человека, закономерность его бытия»¹⁹³. В соответствии с этим, «главным содержанием личности» признавалась «...общественная, социальная ее сущность»¹⁹⁴, «обусловленная системой общественных отношений и проявляющаяся в позициях, которые индивид занимает в бесчисленном множестве своих контактов и связей с другими людьми»¹⁹⁵. Отметим, к слову, что данная точка зрения разделялась далеко не всеми представителями того или иного философского учения. В частности, ей противостояла позиция экзистенциалистов, отвергавших понимание «всеобщего» как признака, «одинакового» для каждой отдельно взятой личности. Более того, утверждалась идея о бесплодности «любой попытки определить «сущность» человека путем отыскания «общего признака», которым обладает каждый порознь рассматриваемый человеческий индивид»¹⁹⁶.

Присущее марксизму рассмотрение личности исключительно в контексте ее социальных связей и исключение биологической

¹⁹¹ Хомутова Н.Н. Ценностное понимание личности в философии // Вестник ВолГУ. Серия 7. 2008. № 1 (7). С. 148-149.

¹⁹² Жигарев Е.С., Петухов В.И. Указ. соч. С. 78.

¹⁹³ Лейкина Н.С. Указ. соч. С. 3.

¹⁹⁴ Там же. С. 3.

¹⁹⁵ Сахаров А.Б. Указ. соч. С. 10.

¹⁹⁶ Жигарев Е.С., Петухов В.И. Указ. соч. С. 78.

составляющей природы человека имело довольно прозрачный подтекст: преступление как социальный феномен представало как явление временное, рудиментарное, имеющее место там, где еще не искоренены пресловутые «пережитки буржуазного строя». Кроме того, отрицание значения биологического начала как одного из свойств, обуславливающих совершение преступления лицом, соответствовало политике Советской власти по формированию личности «советского человека», и по отказу от научного наследия капиталистического мира и достижений российской науки дореволюционного периода. Уместно отметить, что вопреки утверждению о социальной сущности личности, «...криминологи Российской империи не ограничивались лишь рамками данной науки (имеется в виду криминология – Ю.К.), они применяли научные знания из психологии, физиологии, психиатрии, социологии и др.»¹⁹⁷.

Вместе с тем, было бы ошибочным сводить представления советских криминологов к выводу об абсолютном отсутствии значения природных особенностей человека для изучения личности преступника. В частности, А. Б. Сахаров отмечает, что «...социальные влияния адресуются и падают все же на определенную, порой весьма различную природную основу, которая воспринимает и «перерабатывает» эти влияния в соответствии с собственным содержанием и особенностями, что сказывается на общем формировании личности и на ее проявлениях»¹⁹⁸. Продолжая мысль, автор указывает, что «как ни важны воспитание, образование и прочие социальные влияния для развития разума, воли и чувств человека, их роль неизбежно корректируется исходными природными особенностями индивида»¹⁹⁹.

¹⁹⁷ Шиян В.И. Изучение личности преступника в Российской империи XIX – начала XX веков // Личность преступника и ее криминологическое изучение / под ред. проф. А.И. Долговой. М.: Российская ассоциация криминологов, 2018. С. 16-21.

¹⁹⁸ Сахаров А.Б. Указ. соч. С. 21.

¹⁹⁹ Там же. С. 22.

Таким образом, понимание личности преступника как социально обусловленного явления противопоставлялось выводам «реакционной буржуазной криминологии»²⁰⁰ о необходимости учета врожденного, биологического начала, наряду с социально значимыми факторами, обуславливающими преступное поведение. В свете указанного качественно отличается подход представителей западной философии, именуемый персонализмом, в рамках которого личность рассматривается в фокусе «...ментальных или духовных ее характеристик и носит ярко выраженный ценностный, прежде всего этический характер»²⁰¹. Несмотря на альтернативность сложившихся подходов к определению личности, на сегодняшний день авторами отмечается характерный для современного философского знания «своеобразный кризис традиционной проблемы «человек», который обусловлен признанием невозможности создания целостной модели человека, способной объединить основные философские и научные достижения»²⁰². Речь идет об отсутствии исчерпывающего философского объяснения того, что такое «человек» и «личность» – однако, представляется, что подобная ситуация характерна для любого научного направления, предметом изучения которого является человек – в том числе, и для криминологии. Отсюда вытекает вероятностный характер объяснения природы преступления, его детерминантов, механизма преступного поведения и личности преступника: имея социальную природу, каждое из обозначенных явлений несет на себе отпечаток той самой личностной неповторимости, которая ускользает от научного осмысления и не поддается отражению в терминах и категориях.

Тщательному изучению понятие личности подверглось в рамках отечественной социологии и, прежде всего, – советского периода. Среди ученых, посвятивших проблеме личности свои труды, можно назвать Б. Г.

²⁰⁰ Сахаров А.Б. Указ. соч. С. 15.

²⁰¹ Хомутова Н.Н. Указ. соч. С. 148-149.

²⁰² Жигарев Е.С., Петухов В.И. Указ. соч. С. 93.

Ананьева, И. С. Кона, А. Н. Леонтьева, К. К. Платонова, С. Л. Рубинштейна, В. А. Ядова и некоторых других. Научное наследие этих авторов имеет фундаментальное значение для исследований современных социологов, продолжающих дальнейшее изучение проблемы личности с учетом изменений социально-исторической ситуации, а также достижений иных наук, изучающих общество как систему и место человека, личности в ней.

Прежде всего, социология обращает внимание на необходимость разграничения смежных понятий, используемых для обозначения отдельного человека, – «человек», «индивид», «индивидуальность», «личность». В частности, указывается, что «появлясь на свет как индивид, человек постепенно обретает особое социальное качество, становится личностью»²⁰³. Б. Ф. Ломов указывает, что «...понятия «индивид», «индивидуальность» и «личность» не тождественны по содержанию. Каждое из них раскрывает специфический аспект индивидуального бытия человека...»²⁰⁴.

И. С. Кон отмечает, что «словом «индивид» обозначается человек просто как единичный представитель какого-то целого (биологического рода или социальной группы); специфические особенности реальной жизни и деятельности данного конкретного человека в содержание этого понятия не входят»²⁰⁵. Говоря об индивидуальности, автор связывает ее значение с «...тем особенным, специфическим, что отличает этого человека от всех других, включая как природные, так и социальные, как телесные (соматические), так и психические, как унаследованные, так и приобретенные, выработанные в процессе онтогенеза свойства»²⁰⁶.

Марксистский подход к определению личности через ее социальную сущность, по сути, не противоречит изначальному значению термина, которое связывалось с маской, используемой актером в греческом театре, а

²⁰³ Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Психология: учебник для студентов вузов. М., 1998. С. 337.

²⁰⁴ Ломов Б.Ф. Сознание как идеальное отражение // Психология сознания / сост. и ред. Л.В. Куликова. СПб., 2001. С. 126-127, 129, 132.

²⁰⁵ Кон И.С. Социология личности. М.: Политиздат, 1967. С. 6.

²⁰⁶ Там же. С. 7.

впоследствии – с самим актером и его ролью: «У римлян это слово употреблялось не иначе, как с указанием определенной социальной функции, роли – личность отца, царя, обвинителя и т. п.»²⁰⁷. Как видим, говорить о личности можно лишь в контексте ее общественно значимой деятельности.

С учетом указанного, в рамках социологической науки личность рассматривается как «социальное свойство индивида, совокупность интегрированных в нем социально значимых черт, образовавшихся в процессе прямого и косвенного взаимодействия лица с другими людьми»²⁰⁸, при этом «всякое человеческое действие, всякий его поступок сам является уже единством внутреннего и внешнего»²⁰⁹. Структура личности включает в себя три подсистемы: направленность личности («потребности, представления, ценностные ориентации, выступающие мотивами деятельности»), положение в системе общественных отношений («место в социальной структуре общества» – социальный статус) и «реальные формы жизнедеятельности людей – совокупность выполняемых социальных ролей»²¹⁰.

В иных исследованиях зарубежных специалистов основополагающим для изучения личности также было изначальное значение указанного термина, связанное с маской, ролью актера в театре. Исходя из акцентируемого этим определением внимания на социальной сущности личности, исследователи, тем не менее, в своих определениях термина подчеркивали и «внутренние» особенности, наличие которых позволяет говорить о личности в принципе. Так, активно дискутировался вопрос о соотношении биологического и социального начал в личности человека.

Обращаясь к историческому анализу социологии, можно отметить, что у идеи о наследовании личностных черт (конституционализм) довольно

²⁰⁷ Кон И.С. Указ. соч. С. 13.

²⁰⁸ Там же. С. 7.

²⁰⁹ Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1973. С. 153–154.

²¹⁰ Немировский В.Г. социология человека: от классических к постнеклассическим подходам. – 2-е изд. М.: Изд. ЛКИ, 2008. С. 109.

длительная история – подобного рода воззрения были высказаны уже Гиппократом и Галеном: «...темперамент индивидуума обусловлен уникальным соотношением (балансом) четырех соков организма»²¹¹. Этот подход имеет своих сторонников и среди современных ученых – в частности, Р. Кеттел и Г. Айзенк обосновывают «значимость генетической предрасположенности и физической конституции в развитии основных черт личности»²¹². Широко известная теория психоанализа, разработанная З. Фрейдом, также апеллирует к биологической составляющей личности. В одной из предыдущих структурных частей работы основные положения этой теории были довольно подробно рассмотрены.

Среди последователей Фрейда были ученые, со временем создавшие свои теории личности, в ряде принципиальных моментов расходящиеся с теорией психоанализа. В частности, А. Адлер сформулировал индивидуальную теорию психологии личности, базирующуюся на положениях о ее социальных детерминантах и о том, что «человек является единым и самосогласующимся организмом»²¹³. В противовес идее З. Фрейда о почти самостоятельном существовании бессознательного и сознательного начал в психике человека, ученый рассматривал человека в единстве его психической и физической организации, что позволило вывести понятия стиля жизни как проявления этого единства. Рассматривая личность как продукт действия наследственных и социальных факторов, А. Адлер выделял так называемую творческую силу, присущую любой личности и «обеспечивающую возможность распоряжаться своей жизнью»²¹⁴. Важным является обосновываемая ученым необходимость изучения личности лишь в социальном контексте, то есть как субъекта социальных взаимодействий и объекта воздействия факторов социального характера: «суть человеческой

²¹¹ Хьелл Л., Зиглер Д. Указ. соч. С. 29.

²¹² Там же. С. 29.

²¹³ Там же. С. 115.

²¹⁴ Там же. С. 116.

природы можно постичь только через понимание социальных отношений»²¹⁵. А. Адлер, рассматривая личность, отмечал присущее ей стремление к превосходству, в отдельных случаях доходящего до степени комплекса, что является результатом детских переживаний, связанных с физической неполноценностью ребенка, гиперопекой со стороны родителей или отвержением ими. В каждом из этих случаев в порядке гиперкомпенсации уже взрослая личность придерживается определенного паттерна поведения, направленного на утверждение собственного превосходства над окружающими. Отсюда вытекал важный вывод о том, что в основе любой человеческой деятельности, направленной на саморазвитие и личностный рост, лежит чувство неполноценности субъекта. Со временем идея о комплексе превосходства у Адлера трансформировалась в положение о фундаментальном характере стремления к превосходству как законе человеческой жизни: это «нечто, без чего жизнь человека невозможно представить»²¹⁶. По Адлеру, реализация этого стремления осуществляется посредством творческой силы, которой обладает каждая личность, в рамках формируемого ею самой стиля жизни в соответствии с жизненными (фиктивными) целями, определяемыми личностью для себя самостоятельно. Таким образом, выйдя из круга последователей фрейдистской теории психоанализа, А. Адлер сформулировал свой собственный взгляд на природу личности, не связывая ее становление и формирование ни с наследственными, ни с социальными факторами в абсолютной мере, а придавая им значение вносящих вклад, тогда как решающее значение в этом процессе отдавалось самой личности, а точнее – ее творческому «Я».

Еще одной теорией, созданной как следствие совместной работы автора с З. Фрейдом, является аналитическая теория личности Карла Густава Юнга. Личность (в авторском наименовании – душа), по мысли ученого, образована тремя отдельными, но взаимодействующими структурами: эго

²¹⁵ Хьелл Л., Зиглер Д. Указ. соч. С. 116.

²¹⁶ Там же. С. 118.

как центр сферы сознания, личное бессознательное как конфликты, воспоминания и впечатления, которые «...когда-то осознавались, но теперь подавлены или забыты», и коллективное бессознательное²¹⁷. Несмотря на кажущуюся аналогичность юнговского концепта психической организации личности представлениям З. Фрейда, существенные отличия заключаются, во-первых, в том, что в личное бессознательное ученый включил также комплексы – «скопления эмоционально заряженных мыслей, чувств и воспоминаний, вынесенных индивидуумом из его прошлого личного опыта или из родового, наследственного опыта»²¹⁸, которые оказывают существенное влияние на поведение личности. А во-вторых, в коллективном бессознательном, по мысли ученого, «...содержится все духовное наследие человеческой эволюции, возродившееся в структуре мозга каждого индивидуума»²¹⁹. Ученый вводит понятие архетипа для объяснения поведенческих и эмоциональных реакций, общих для человечества, и понимает под ним «...врожденные идеи или воспоминания, которые предрасполагают людей воспринимать, переживать и реагировать на события определенным образом»²²⁰.

Значение социокультурных факторов для развития личности пыталась обосновать К. Хорни в рамках социокультурной теории личности. Так, не соглашаясь с выведенными З. Фрейдом стадиями сексуального развития личности, ученый решающее значение придает взаимоотношениям ребенка и родителей как фактору, предопределяющему дальнейшее развитие личности. Проявлением их нарушения являются неврозы.

Завершая обзор постфрейдистских теорий личности отметим, что каждая из них так или иначе основывалась на положениях, выведенных З. Фрейдом, и только принципиальные расхождения по некоторым вопросам позволяют придавать этим теориям характер самостоятельных.

²¹⁷ Хьелл Л., Зиглер Д. Указ. соч. С. 138.

²¹⁸ Там же. С. 139.

²¹⁹ Цит. по: Хьелл Л., Зиглер Д. Указ. соч. С. 139.

²²⁰ Хьелл Л., Зиглер Д. Указ. соч. С. 139.

Помимо постфрейдизма, на Западе возникает направление, получившее название диспозиционального, основными представителями которого принято считать Г. Олпорта, Р. Кеттела и Г. Айзенка. Суть данного направления представляется возможным сформулировать следующим образом: во-первых, утверждается, что личность обладает предрасположенностями, набор которых и обуславливает ее поведенческие реакции в той или иной ситуации. Указанные предрасположенности принято именовать чертами личности, и они образуют ту ее часть, которая остается неизменной в течение жизни. Во-вторых, наряду с постоянством личности в рамках теории предполагается ее уникальность.

Так, Г. Олпорт, формулируя основные положения диспозициональной теории личности, автором которой считается, определил личность как «динамичную организацию тех психофизических систем внутри индивидуума, которые определяют характерное для него поведение и мышление»²²¹. Исходя из этого определения, следует, что Олпорт, во-первых, рассматривает личность как нечто меняющееся; во-вторых, говоря о психофизических системах, автор указывает на совокупность рационального и эмоционального, духовного и физического, образующую личность и, в-третьих, Олпорт считает поведение человека истинными личностными проявлениями. Различая характер и темперамент личности, автор тем самым признает наличие природных (наследственных) задатков у каждой личности, образующих основу ее дальнейшего развития.

Определенный интерес для исследователя природы личности представляют выводы сторонников инвайроментализма – подхода, по сути, противоположного идее о доминировании в личности генетических качеств. Положения этого подхода обосновывают превалирующее влияние факторов социального характера на становление и формирование личности.

Логично появление третьего направления, получившего наименование интеракционистского подхода к изучению личности человека, которое, как

²²¹ Хьелл Л., Зиглер Д. Указ. соч. С. 189.

отмечается, «возобладало»²²² над указанными выше подходами. Основной идеей здесь выступает рассмотрение поведения человека как «...итога взаимодействия конституции и окружающей среды. Это значит, что данный конституциональный фактор проявляется по-разному в разных условиях среды, а влияние среды будет давать различный эффект в зависимости от конституции данного человека»²²³.

Было бы неправильным ограничить обзор теорий личности лишь социологической и философской наукой, хотя в рамках указанных отраслей научного знания сформирован своеобразный теоретико-понятийный фундамент для соответствующих исследований, в том числе – криминологического характера. К примеру, в рамках социальной психологии существует самостоятельный раздел – психология личности, определяемый как «научная дисциплина, [которая] трансформирует умозрительные рассуждения о природе человека в концепции, которые могут быть подтверждены экспериментально»²²⁴, а специалисты, занимающиеся исследованием проблем человеческой личности, получили самостоятельное наименование – персонологи²²⁵.

С учетом обзора криминологических теорий личности преступника и природы преступного поведения, представленного в предыдущей части работы, можно с уверенностью заключить, что в основе сформулированных криминологами выводов лежат положения иных наук о человеке, получивших интерпретацию с учетом специфики предмета криминологического исследования.

²²² Хьелл Л., Зиглер Д. Указ. соч. С. 30.

²²³ Там же. С. 30.

²²⁴ Там же. С. 14.

²²⁵ Там же. С. 14.

2.2 Понятие и значение личности преступника в криминологии и уголовном праве России

Несмотря на традиционное включение личности преступника в предмет криминологической науки, и на сегодняшний день можно обнаружить высказываемые в науке позиции об отсутствии объективных оснований для выделения указанного понятия. С тревогой профессор В. А. Номоконов отмечает: «всё громче слышны голоса тех, кто полагает, что не существует разницы между теми, кто совершает преступления и законопослушными гражданами. Уже становятся даже общим местом утверждения о том, что в самой природе человека заложена склонность к преступлениям, о том, что совершит или не совершит преступление конкретный человек, зависит, прежде всего, от случайного стечения обстоятельств и т. п. В этой связи вновь актуализировалась проблема возвращения личности в центр криминологической и уголовно-правовой проблематики»²²⁶. Автор подчеркивает не только возвращение проблеме личности преступника статуса дискуссионной, но и отмечает сложившиеся в судебной и следственной практике противодействия преступности предпосылки к ее пересмотру: «всё более отчётливо обнаруживается явное обезличивание, выражающееся в слабом учёте либо вообще игнорировании особенностей личности преступника. Более того, всё чаще фиксируются факты обратной зависимости жёсткости применённых мер уголовно-правового воздействия от степени общественной опасности личности преступника»²²⁷.

Обзор криминологических теорий, объясняющих природу преступного поведения и личности преступника, показывает, что подавляющая часть концепций не связывает совершение преступлений с личностной спецификой

²²⁶ Номоконов В.А. Возвращение личностного подхода необходимо // Личность преступника и ее криминологическое изучение / Под ред. проф. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2018. С. 21-29.

²²⁷ Там же. С. 21-29.

виновного лица. Ему присваивается роль объекта воздействия разнообразных условий социальной среды, и от эффективности этого воздействия зависит преступное или законопослушное поведение индивида. Иными словами, в поисках детерминант преступности ученые отмечают значимость субъективных психологических механизмов, опосредующих социальное воздействие и усвоение навязываемых социальных норм и ценностей личностью, однако, данные механизмы оказываются свойственными любому члену общества, а не только виновным в совершении преступлений.

В этой связи сама постановка вопроса о существовании личности преступника представляется вполне логичной и требующей осмысления. В зависимости от ответа на данный вопрос криминологическое сообщество можно разделить на две части – сторонников и противников существования данного феномена и, соответственно, понятия. В частности, последние утверждают, что невозможно выделить объективно существующие черты, отличающие личность преступника от личности не преступника. Подобного рода мнения имели место и в советской криминологии, когда условность выделения личности преступника объяснялась тем, что «преступной личности не существует, так же, как не существует каких-либо специфически преступных свойств и качеств»²²⁸. К примеру, И. И. Карпец, придерживаясь понимания личности преступника как лица, совершившего преступление и подлежащего в связи с этим привлечению к уголовной ответственности, указывал на достаточность термина «субъект преступления»²²⁹.

Я. И. Гилинский, разделяя указанную точку зрения, приводит следующие аргументы в ее обоснование:

- «Уголовный закон изменчив в пространстве и во времени, нет преступлений *sui generis*, *per se*. Что происходит с «личностью спекулянта» или с «личностью тунеядца» при декриминализации этих деяний? А откуда

²²⁸ Цит. по: Лейкина Н.С. Указ. соч. С. 9.

²²⁹ Карпец И.И. Проблема преступности. М.: Юрид. лит., 1969. С. 102.

взяться личностям лжепредпринимателя или «фиктивного банкрота», когда до 1997 г. не было таких составов преступления?

- Следуя букве уголовного закона, как уже отмечалось выше, все (или почти все) люди в течение жизни совершают уголовные преступления. Значит, все – «личности преступника»? Но тогда – в чем их качественное отличие от «непреступников» (не существующих в реальности)?

- Никто никогда не назвал ни одного личностного свойства, признака, качества, присущего только «преступнику» (или же только «не преступнику»). Злость, агрессивность, ревность, злопамятство, грубость, вспыльчивость, алчность и т. д., и т. п. могут быть присущи в той или иной степени каждому человеку, в том числе, никогда не привлекавшемуся к уголовной ответственности»²³⁰.

Представляет интерес обоснование данной позиции, предложенное А. М. Яковлевым. Используя выводы философии и эпистемологии для разграничения методологии криминологической науки и науки уголовного права, ученый указывает: «смещение нормативных и познавательных категорий, приписывание первым качества вторых ведут к натурализации этой сферы социальной реальности, к приписыванию деяниям, объявленным в законе преступными, особых «объективно преступных» качеств, а лицам, совершающим такие деяния, – особых специфических преступных свойств независимо от их оценки в качестве таковых обществом и государством»²³¹.

Иными словами, положения уголовного закона по своей сути являются оценочными суждениями (прескриптивными, т.е., нормативными), поскольку в основе их появления лежит политическая и общественная оценка того или иного факта, явления, лица преступным. Криминология же как наука, направленная на описание, объяснение, предсказание и контроль явлений,

²³⁰ Гишинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Авторский курс. – 4-е изд., перераб. И доп. СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2018. С. 183.

²³¹ Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Наука, 1985. С. 11.

обозначенных законом преступными, исследует их в качестве познаваемых фактов, наделяя при этом указанные факты характеристиками, свойственными фактам научного познания – объективностью и реальностью.

Подобная ситуация смешения оценочной и познавательной деятельности обуславливает формирование такого отношения к очерчиваемой (конструируемой) уголовным законом реальности, когда, в частности, преступление предстает не просто в качестве акта человеческого поведения, а *особого* акта человеческого поведения. Следуя указанной логике, преступник ассоциируется с наличием неких свойств и особенностей, отличающих его от личности законопослушных граждан.

Приведенный выше тезис автор раскрывает посредством последовательного рассмотрения пяти моделей преступников, сменявших друг друга вслед за меняющимися историческими и социокультурными условиями жизни общества. Речь идет о моделях религиозного преступника (преступник-грешник), преступника как человека нерационального, прирожденного преступника, преступника как человека безнравственного, преступника как человека с отклонениями физического и (или) психического характера. Подробно анализируя социокультурный и исторический контекст формирования каждой из этих моделей, автор отмечает, что период Средних веков дал человечеству сформулированный идеологами инквизиции и актуальный сегодня «...принцип, согласно которому отрицать реальность особых побочных свойств преступника как индивида – значит одновременно отрицать и реальность особых добродетельных свойств порядочных людей, т.е. самому становиться врагом этих людей, пособником или во всяком случае укрывателем, покровителем, защитником преступников»²³². Далее автор продолжает: «Идея качественного, существенного отличия преступника от остальных людей, персонификация зла, меняя свое обличье,

²³² Яковлев А.М. Указ. соч. С. 25.

остаётся одной из самых устойчивых социально-психологических категорий»²³³.

Таким образом, по мысли автора, понятие личности преступника оказывается оценочной категорией, не подкреплённой объективно существующими чертами и свойствами, однозначно отличающими её от личности не преступника. Указанной позиции противостоит мнение сторонников необходимости выделения и исследования личности преступника как объективно существующего явления и концепта, получившего активное развитие с 70-х годов прошлого века в работах отечественных авторов. В частности, Н. С. Лейкина пишет: «...у преступника имеются социально обусловленные свойства, создающие возможность антиобщественного поведения, которая превращается в действительность при соответствующих условиях. Поэтому преступник как личность отличается от других людей тем, что он совершил преступление вследствие присущих ему антиобщественных взглядов, отрицательного отношения к общественным интересам»²³⁴.

Анализируя приведенный тезис, выделим следующие важные для рассматриваемой дискуссии, моменты: во-первых, в качестве особенностей, отличающих личность преступника от личности законопослушных граждан, автор называет антиобщественные взгляды и отрицательное отношение к общественным интересам; во-вторых, вследствие их наличия индивид совершает преступление; в-третьих, эти особенности являются социально обусловленными. Далее автор поясняет, что «те негативные качества, которые обуславливают преступное поведение, вызваны особенностями индивидуального бытия и влиянием отрицательных взглядов и отношений, ещё сохранившихся в общественном сознании»²³⁵. Важно, что в исследованиях, вышедших в свет позднее рассмотренной работы Н. С.

²³³ Яковлев А.М. Указ. соч. С. 27.

²³⁴ Лейкина Н.С. Указ. соч. С. 9.

²³⁵ Там же. С. 10.

Лейкиной (1968), авторы, как правило, придерживаются приведенного определения, наделяя личность преступника выделенными выше характеристиками и придавая им значение тех специфических черт, которые отличают личность преступника от личности не преступника.

В частности, А. Б. Сахаров под личностью преступника предлагает понимать «...совокупность социальных и социально-значимых свойств, признаков, связей и отношений, характеризующих лицо, виновно нарушающее уголовный закон, и в сочетании с иными (неличностными) условиями и обстоятельствами, влияющими на его антиобщественное поведение»²³⁶.

В одном из современных учебников по юридической психологии личность преступника рассматривается как «временный социальный тип», о котором можно говорить «только в связи с преступностью, представляющей собой преходящее социальное явление»²³⁷. При этом, несмотря на временный характер, авторы указывают на наличие у него «устойчивых черт и свойств, позволяющих выделить его в качестве самостоятельного»²³⁸.

Несмотря на достаточно существенное разнообразие определений понятия личности преступника, предложенных в рамках как советской, так и современной криминологической науки, суть их сводится к тому, что именно в преступном поведении проявляются присущие такой личности антиобщественные характеристики, позволяющие сделать вывод о ее общественной опасности, проявляющейся, прежде всего, в совершенном преступном деянии. Отсюда возникновение и существование личности преступника связывается именно с фактом совершения преступления, характеристики которого позволяют сделать вывод о содержании антиобщественных взглядов, их глубине, направленности и, в конечном итоге, об общественной опасности личности. Однако, очевидно, что данные

²³⁶ Сахаров А.Б. Указ. соч. С. 4.

²³⁷ Аминов И.И. Юридическая психология: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. С. 109-112.

²³⁸ Там же. С. 109-112.

антиобщественные характеристики лишь проявляются в момент совершения преступления, будучи сформированными в период, предшествовавший указанному моменту. Тогда можно ли говорить о существовании личности преступника в этот предкриминальный период? Кроме того, имеются ли основания связывать прекращение существования такой личности с фактом отбывания наказания и (или) погашения (снятия) судимости? Если да, то в таком случае при наличии рецидива возникает ли необходимость вновь говорить о возникновении личности преступника применительно к виновному?

В криминологии общественная опасность рассматривается не только как объективно существующая характеристика совершенного деяния, но и как качественное свойство личности преступника. При этом если, с одной стороны, общественная опасность лица, совершившего преступление, «заключается в возможности совершения им нового преступления»²³⁹, то, с другой стороны, вывод о ее наличии и степени делается на основе уже проявившейся в совершенном преступлении совокупности личностных свойств виновного, а также с учетом допреступного и постпреступного поведения.

Подобное понимание общественной опасности личности преступника, позволяет, с одной стороны, объяснить природу уголовно-правовых институтов судимости, рецидива, административной преюдиции, а с другой – отграничить личность преступника от преступной личности как личности, обреченной на совершение преступления в силу врожденных преступных черт. Действительно, о наличии оснований для вывода о наличии личности преступника свидетельствует факт совершения преступного деяния, на этом же основывается прогнозирование дальнейшей криминальной деятельности лица и ее предупреждение. В отсутствие этого факта рассуждения о личности

²³⁹ Волженкин Б.В. Общественная опасность преступника и основание уголовной ответственности // Правоведение. 1963. № 3. С. 90–98. Прим.: эта же точка зрения высказана В. А. Номоконовым (Номоконов В.А. Преступное поведение: детерминизм и ответственность. Владивосток, 1989. С. 21-29).

преступника обоснованными не являются. Как отмечает А. Б. Сахаров, «с уголовно-правовых позиций о личности преступника можно говорить лишь в отношении лица, совершившего преступление (точнее, признанного судом виновным в этом), и до момента, с которым закон связывает констатацию его исправления, отбытия наказания и погашения судимости»²⁴⁰.

Важно отметить, что как свойство личности преступника, его общественная опасность не является статичной величиной и различается для разных категорий преступников. Очевидно, к примеру, что общественная опасность личности неосторожного преступника ниже, чем общественная опасность личности преступника, совершившего умышленное преступление. Однако, если для преступлений законодатель конкретизирует понятие общественной опасности посредством введения таких ее показателей, как степень и характер, то для личности преступника уточнений не предлагается. Учитывая, что свойство общественной опасности личности определяется ее «антисоциальной направленностью»²⁴¹, можно предположить, что именно глубина, интенсивность такой направленности, то есть, взглядов, убеждений, установок личности, способны дать представление о большей либо меньшей общественной опасности личности того или иного преступника. Однако, где шкала и каковы способы измерения в таком случае? Очевидно, что, как минимум, создание подобной шкалы довольно проблематично, если не невозможно в принципе. Отсюда криминологи предлагают общественную опасность личности преступника определять «...в первую очередь, опасностью совершенного им преступления»²⁴² при условии учета как допреступного, так и постпреступного поведения: «...в теоретико-социологическом плане подобная антисоциальная личность складывается до преступления и в ряде случаев сохраняется как таковая и после отбытия наказания»²⁴³.

²⁴⁰ Сахаров А.Б. Указ. соч. С. 5.

²⁴¹ Там же. С. 18.

²⁴² Там же. С. 18.

²⁴³ Там же. С. 5.

Необходимо уточнить, что «объектом внимания криминологов являются все лица, фактически нарушившие уголовный запрет и являющиеся по закону субъектами преступления»²⁴⁴. Иными словами, вне зависимости от выявления совершенного деяния и последующего реагирования на него правоохранными органами, обществом и государством, в целом, сам по себе факт его совершения является достаточным основанием для появления личности преступника.

Обозначенные вопросы иллюстрируют дискуссию о моментах возникновения и прекращения личности преступника, однако, они дают и представление о пределах ее криминологического изучения. Как следует из содержания предыдущих структурных частей настоящей работы, личность – понятие многоаспектное, поскольку характеризует индивида как члена общества со всей совокупностью имеющихся у него формальных и неформальных межличностных связей и взаимодействий с различными социальными институтами и группами. Подобная содержательность вызывает необходимость изучения личности в рамках самостоятельных научных направлений, и криминология является только одним из них – в фокусе ее внимания оказывается личность в связи с ее преступным поведением, необходимостью установления детерминантов этого поведения, его превенции и прогнозирования вероятности продолжения. Совершенно справедливо в этом контексте утверждение А. И. Долговой о том, что «в рамках собственно криминологического изучения недостижимо исчерпывающее изучение личности»²⁴⁵. Определяя пределы криминологического изучения личности преступника, автор продолжает: «криминологическое исследование ведется только на социологическом и

²⁴⁴ Долгова А.И. Личность преступника как криминологическая проблема // Личность преступника и ее криминологическое изучение / Под ред. проф. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2018. С. 3-16.

²⁴⁵ Там же. С. 3-16.

социально-психологическом уровнях с одновременным этико-правовым изучением личности»²⁴⁶.

Исходя из указанного, криминолога интересуют особенности социального становления личности преступника (социализация), его актуальное социальное положение, имеющиеся у него характеристики ценностно-нормативной сферы, формирование которых обусловлено социализацией и социальным положением, а также оценка его поведения со стороны общества и государства, основанная на нормах закона. Более детальное рассмотрение указанных аспектов, в криминологии относимых к структуре личности преступника, представлено в следующем параграфе работы.

Определение пределов криминологического изучения личности позволяет перейти к вопросу о его значении. В первую очередь, необходимо отметить связь личности преступника с проблемой детерминации преступления. Значение личности преступника для познания причин и условий, породивших преступное поведение, обусловлено тем, что, как отмечает А. Б. Сахаров, «указанные условия и обстоятельства лежат вне личности человека, совершающего преступление, являются внешними по отношению к ней, но свое криминогенное значение они обретают, воздействуя на личность», что позволяет автору обозначить положение личности преступника как «связующего элемента» между определенными социальными условиями жизни и преступностью, производной от этих условий»²⁴⁷. Обозначенную позицию разделяет А. И. Долгова, подчеркивая, что «причины преступлений и преступности, как показывают исследования, кроются во взаимодействии характеристик социальной среды и личности, причем в конкретных условиях социального контроля»²⁴⁸.

²⁴⁶ Долгова А.И. Указ. соч. С. 3-16.

²⁴⁷ Сахаров А.Б. Указ. соч. С. 3.

²⁴⁸ Долгова А.И. Указ. соч. С. 3-16.

Рассмотрение личности преступника в указанном контексте предполагает обращение к механизму совершения преступления, включая механизм индивидуального преступного поведения, что позволяет на микроуровне выявить детерминирующие факторы и оценить их криминогенное значение. В частности, в механизме совершения преступления личностные особенности преступника дополняются воздействием внешней среды, что требует выяснения степени обусловленности преступного деяния спецификой непосредственной социальной ситуации. Уместно в этой связи привести мысль Ю. М. Антоняна и В. Е. Эминова о том, что преступление «есть следствие, реализация криминогенных особенностей личности, которая взаимодействует с ситуативными факторами»²⁴⁹. Важно, что последние в некоторых случаях приобретают самостоятельное уголовно-правовое значение – это особенно ярко проявляется в случаях так называемых провокационно-подстрекательских действий сотрудников полиции по «созданию обстановки, в которой склонное к получению взяток должностное лицо могло бы выступить инициатором коррупционных отношений»²⁵⁰.

Подчеркивая значение личности преступника для решения практических задач, возникающих в связи с совершением конкретным лицом какого-либо преступления, А. Б. Сахаров выделяет «...уголовно-правовой, процессуальный, исправительно-трудовой и криминологический аспекты проблемы личности преступника и использования данных о личности»²⁵¹. Так, к примеру, «правильное понимание, взвешенная законодательная и правоприменительная оценка характера и степени общественной опасности

²⁴⁹ Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника: криминолого-психологическое исследование. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2014. С. 13.

²⁵⁰ Борков В. Квалификация провокационно-подстрекательских действий сотрудников правоохранительных органов // Уголовное право. 2015. № 1. С.16–21.

²⁵¹ Сахаров А.Б. Указ. соч. С. 39.

личности, ее роли в совершенном преступлении чрезвычайно важны для эффективной уголовной политики»²⁵².

Представляется, что вопрос об уголовно-правовом значении личности преступника требует отдельного рассмотрения, поскольку предполагает обращения к смежному понятию субъекта преступления. Однако, позволим себе сделать предварительное замечание: тот факт, что личность преступника обладает определенным уголовно-правовым значением, общепризнан в науке. Строго говоря, в уголовном законе термин «личность преступника» отсутствует, а используется понятие «личность виновного», что порождает ситуацию, когда в научной литературе высказываются позиции о принципиальной разнице этих понятий. В частности, А. Б. Сахаров, отмечая их кажущуюся равнозначность с учетом того, что речь идет об одном и том же человеке, совершившем преступление, обращает внимание на отсутствие между ними тождества, «...ибо сама эта фигура рассматривается под разным углом зрения – криминологическим и уголовно-правовым»²⁵³. Как отмечает автор, «термин «личность виновного» употребляется в законе в тех случаях, когда речь идет об индивидуализации ответственности, требующей определения, и учета характера и степени общественной опасности не только деяния, но и лица, его совершившего»²⁵⁴, тогда как при исследовании личности преступника во внимание принимаются в большей степени сведения биографического характера, позволяющие выявить особенности ее становления, формирования и т. д.

Вместе с тем, анализ исследований, посвященных рассматриваемому вопросу, позволяет утверждать, что авторами понятия личности виновного и личности преступника рассматриваются в качестве тождественных, поскольку вне совершенного виновно преступного деяния личность преступника не существует. Однако, это не единственный момент,

²⁵² Номоконов В.А. Указ. соч. С. 21-29.

²⁵³ Сахаров А.Б. Указ. соч. С. 8.

²⁵⁴ Там же. С. 9.

требующий внимания: уголовный закон оперирует понятием «субъект преступления», очевидно применяемым в отношении лица, совершившего преступление. Отсюда необходимо выяснить вопрос о соотношении его с личностью преступника.

Согласно учению о составе преступления, одним из четырех элементов состава, подлежащих установлению в целях квалификации деяния в качестве преступного и его конкретного вида, является субъект преступления. Положения ч. 1 ст. 19 УК РФ содержат признаки, наличие которых позволяет сделать вывод о соответствии лица, совершившего виновное общественно опасное деяние, уголовно-значимым характеристикам субъекта преступления. К таким признакам относят физиологичность, достижение виновным возраста уголовной ответственности и вменяемость лица в момент совершения деяния.

По большому счету, когда речь идет о личности преступника, также имеется в виду лицо, совершившее виновное общественно опасное деяние, однако, и его содержание, и его значение настолько отличны, что отождествление личности преступника с субъектом преступления является ошибочным. Как отмечает А. Б. Сахаров, «субъект преступления – понятие правовое», его «содержание и целевое назначение...ограничены все же тем, что они выступают как необходимое условие уголовной ответственности»²⁵⁵. Н. Ф. Кузнецова указывает, что «для признания деяния преступным не имеют значения социально-психологические признаки личности лица, совершившего преступление, они весьма существенны при определении наказания (т.е. в процессе пенализации и депенализации)»²⁵⁶.

Иными словами, в целях квалификации подлежат установлению признаки субъекта преступления, а не личности виновного. Вместе с тем, в ряде составов преступлений обязательным признаком субъекта выступают так называемые специальные признаки – это характеристики, обладание

²⁵⁵ Сахаров А.Б. Указ. соч. С. 9.

²⁵⁶ Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С. 66.

которыми позволяет совершить лицу конкретное преступление. К примеру, совершение деяния в виде получения взятки (ст. 290 УК РФ) возможно лишь при занятии виновным должностного положения, а значит, в процессе квалификации наличие соответствующего признака должно быть установлено в обязательном порядке. В подобных случаях субъекта преступления принято именовать специальным и, несмотря на то, что зачастую специальный признак такого субъекта представлен той или иной социально-демографической характеристикой (возраст, семейное положение, профессия, должностное или служебное положение и др.), речь идет именно о субъекте преступления как элементе состава.

Учитывая нетождественность рассматриваемых понятий, необходимо также понимать и их тесную взаимосвязь: без субъекта преступления нет и личности преступника. Иными словами, не являясь элементом состава преступления, личность преступника не существует вне этого состава, т.е., при его неустановлении. Лишь применительно к лицу, совершившему общественно опасное деяние, в отношении которого установлены все требуемые законом признаки субъекта, можно говорить о личности преступника. Разграничивая цели уголовно-правового и криминологического подходов к изучению личности преступника, В. А. Номоконов отмечает, что «уголовно-правовые и криминологические исследования изучают разные стороны единого процесса взаимодействия личности преступника с социальной средой. Но и в этом случае необходимо более общее единое представление о генезисе преступного поведения без абсолютизации как внешних, так и внутренних детерминантов поведения личности»²⁵⁷.

Важно, что личность преступника, как было сказано выше, имеет значение для отдельных институтов уголовного права²⁵⁸. В частности, процессы признания того или иного деяния преступным или не преступным

²⁵⁷ Номоконов В.А. Указ. соч. С. 21-29.

²⁵⁸ См., напр.: Тенчов Э.С. Общественная опасность личности преступника и основание специальных видов освобождения от уголовной ответственности // Личность преступника и уголовная ответственность: межвуз. науч. сб. Саратов, 1981. С. 98-106.

посредством включения соответствующей нормы в Особенную часть уголовного закона или исключения из нее соответственно, именуемые криминализацией и декриминализацией, требуют обращения к характеристике личности виновного. Как отмечает Л. М. Прокументов, «общественная опасность личности имеет значение для криминализации лишь постольку, поскольку она причинно связана с общественно опасным деянием и его последствиями, и эта личность требует применения к ней мер государственного или общественного воздействия в целях общей и специальной превенции»²⁵⁹. Аналогичная мысль ранее была высказана В. А. Номоконовым: «уголовное право интересуется, насколько личность преступника связана с совершенным преступлением, насколько последнее определяется личностью. Это связано с тем, что уголовное право регулирует общественные отношения с помощью карательно-воспитательного метода, воздействуя на личность. Криминологию в большей мере интересуется, как формируется личность преступника, т.е. более дальние причинные связи, предшествующие преступлению»²⁶⁰.

Личность преступника подлежит учету не только в рамках криминализации и декриминализации преступлений, но и в целях привлечения к уголовной ответственности в связи с совершенным преступным деянием. На этот момент, кстати говоря, указано в приведенных выше цитатах – учеными совершенно небезосновательно подчеркивается воздействие уголовного права на личность, что требует учета ее характеристик – в частности, для решения вопросов индивидуализации уголовной ответственности и наказания²⁶¹.

Несмотря на отсутствие законодательного определения термина «уголовная ответственность», его фундаментальное значение очевидно: по большому счету, смысл уголовного законодательства и реализуемой, в том

²⁵⁹ Прокументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний. Томск, 2012. С. 28.

²⁶⁰ Номоконов В.А. Указ. соч. С. 21-29.

²⁶¹ См., напр.: Герцензон А.А. Указ. соч. С. 18; Лейкина Н.С. Указ. соч.

числе, посредством его норм уголовной политики, сводится к необходимости привлечения к мерам уголовной ответственности лица, виновного в совершении преступного деяния. В. Якушин и О. Тюшнякова отмечают, что «...в теории уголовного права цели уголовной ответственности, как правило, отождествляются с целями наказания», однако, подчеркивая при этом, что «цели уголовной ответственности нельзя сводить к целям наказания»²⁶². С учетом ч. 2 ст. 43 УК РФ авторы к одной из указанных целей относят не только исправление осужденных, но и их перевоспитание, имея в виду возможность «изменения установок, ценностных ориентаций личности виновного»²⁶³. Таким образом, несмотря на отсутствие упоминания личности преступника в данной норме, цель исправления должна пониматься именно как воздействие на личность виновного меры ответственности, в основе избрания которой лежит учет судом ее особенностей.

Важно, что уже в классическом труде Ч. Беккариа «О преступлении и наказании» подчеркивается необходимость учета личности преступника при определении меры наказания, что было воспринято уголовным законодательством XVIII века в ряде зарубежных государств. Справедливости ради необходимо отметить, что и отечественная практика привлечения к уголовной ответственности и назначения наказания требовала обращения к личности преступника в целях учета ее особенностей. Анализируя наследие криминологов Российской Империи, В. И. Шиян заключает, что «специфика личности несовершеннолетнего преступника учитывалась при назначении наказания»²⁶⁴. Об этом, в частности, свидетельствуют выводы А. Емельянова, изложенные в исследовании, изданном в 1912 году: «наказания, применяемые к данной категории лиц, отличались многообразием в зависимости от рода правонарушения, от условий и места их совершения, от возраста подсудимого и его семейной

²⁶² Якушин В., Тюшнякова О. Цели уголовной ответственности // Уголовное право. 2003. № 2. С. 88-89.

²⁶³ Там же. С. 88-89.

²⁶⁴ Шиян В.И. Указ. соч. С. 16-21.

обстановки, от индивидуальной оценки деяния и взглядов мирового судьи. В числе самых распространенных наказаний для несовершеннолетних: тюремное заключение (50,4%) и арест (46,0%)»²⁶⁵.

Сегодня при определении уголовно-правового значения личности преступника, отмечается, что «...данные о личности преступника необходимы для решения вопросов о виновности лица в совершенном преступлении, индивидуализации ответственности и наказания»²⁶⁶. Анализируя нормы Общей части уголовного закона, А. Ф. Мицкевич отмечает «совершенно отчетливую тенденцию [закрывающуюся] в учете особенностей личности виновного в процессе дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности и наказания»²⁶⁷. Как пишет В. Д. Филимонов, «личность преступника как криминологическое основание норм уголовного права выступает на первый план в тех случаях, когда определяется содержание норм, регулирующих индивидуализацию уголовной ответственности и наказания, а также при решении вопросов освобождения от уголовной ответственности и наказания»²⁶⁸.

С учетом указанного, в уголовно-правовом разрезе понятие личности преступника предполагает «изучение различных социально значимых свойств, характеризующих типичный портрет ...лица, склонного к совершению преступлений определенных категорий, а также с точки зрения уголовного права имеющих значение для индивидуализации наказания»²⁶⁹. Как отмечает Ю. М. Антонян, «в пределах уголовного права остаются социальные, нравственные, психологические и психиатрические особенности

²⁶⁵ Емельянов А. Преступность несовершеннолетних по мировым участкам г. Москвы // Сборник статей под ред. М.Н. Гернета. М.: Книгоиздательство «В.И. Знаменский и Ко», 1912. С. 126-127, 134, 191-192, 204, 220. Цит. по: Шиян В.И. Указ. соч. С. 16-21.

²⁶⁶ Сахаров А.Б. Указ. соч. С. 39.

²⁶⁷ Мицкевич А.Ф. Уголовное наказание: понятие, цели и механизмы действия. СПб.: Юрид. центр ПРЕСС, 2005. С. 138.

²⁶⁸ Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск, 1981. С. 24.

²⁶⁹ Варданян А.В. Субъект преступления и личность преступника как междисциплинарные категории уголовно-правовых наук: вопросы соотношения и интеграции // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. № 2. С. 244–251.

преступников, выраженные в их личности и поведении, закон дает им правовую оценку, а наука уголовного права исследует те признаки, которые имеют юридическое значение»²⁷⁰.

О необходимости учета личности виновного при назначении наказания говорится в ч. 3 ст. 60 УК РФ. В целях разъяснения этого положения, Пленум Верховного суда Российской Федерации указывает, что к «характеризующим виновного сведениям, которыми располагает суд при вынесении приговора», относятся «данные о семейном и имущественном положении совершившего преступление лица, состоянии его здоровья, поведении в быту, наличии у него на иждивении несовершеннолетних детей, иных нетрудоспособных лиц (супруги, родителей, других близких родственников)»²⁷¹. Учет перечисленных и иных характеристик личности виновного лица, по мысли законодателя, является залогом реализации принципов справедливости и гуманности при привлечении его к уголовной ответственности.

Таким образом, будучи разработанным в криминологии, учение о личности преступника не ограничивается лишь целями криминологического исследования преступности и связанных с ней категорий. Оно приобретает значение для уголовного права ввиду необходимости избрания справедливой и гуманной меры ответственности в отношении лица, совершившего преступление и в связи с ним. В указанных целях уголовный закон устанавливает требование учета личности виновного судом.

2.3 Структура личности преступника

Являясь понятием содержательным, личность преступника охватывает собой те социально значимые ее свойства и характеристики, которые тем или иным образом оказали влияние на становление указанной личности, ее

²⁷⁰ Антонян Ю.М. Указ. соч. С. 67-75.

²⁷¹ О назначении судами Российской Федерации уголовного наказания: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58, п. 1 // Российская газета. № 295. 29.12.2015.

формирование и проявились в совершенном преступном деянии. Совокупность указанных признаков принято именовать криминологической характеристикой личности преступника²⁷². Очевидно, что речь идет о достаточно обширном перечне свойств и качеств, что требует применения системно-структурного подхода в целях их исследования. «Признавая личность единой целостной системой, в которой все элементы переплетены, взаимосвязаны и взаимозависимы, – отмечает Е. Б. Кургузкина. – мы не можем не использовать условное выделение определенных групп характеристик личности преступника с целью их углубленного анализа и объяснения»²⁷³. Далее автор, указывая на наличие среди данных характеристик как криминогенных, так и антикриминогенных, подчеркивает, что интерес в обозначенном контексте представляют лишь те, «которые имеют то или иное криминогенное значение»²⁷⁴. В отношении указанных характеристик учеными используется понятие структуры личности преступника.

Анализ основных подходов к определению структуры личности преступника показывает, что, в целом авторы единодушны в выделении подструктур, образованных совокупностью внешних и внутренних черт – имеются в виду социально значимые и нравственно-психологические подструктуры соответственно. При этом обращает на себя внимание тот факт, что в рамках внутренней подструктуры придается самостоятельное значение группе биологических, наследственных или природных качеств личности. Как было сказано в одной из предыдущих частей работы, вопрос о соотношении социального и биологического в личности человека, а значит, в его поведении, включая криминальные формы, является дискуссионным. Тот факт, что существенная часть исследователей все же выделяет данную группу личностных характеристик наряду с социально значимыми, указывает

²⁷² См. напр.: Сахаров А.Б. Указ. соч. С. 26.

²⁷³ Кургузкина Е.Б. Теория личности преступника и проблемы индивидуальной профилактики преступления: дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2003. С. 151.

²⁷⁴ Там же. С. 151.

на признание положения об их совокупном влиянии. Вместе с тем, как отмечает А. И. Долгова, «во всяком случае, данный предмет в криминологии (имеется в виду личность преступника – Ю.К.) не может включать, например, отдельно выделяемую биофизиологическую подструктуру»²⁷⁵.

Так, А. Б. Сахаров предлагает выделять следующие группы признаков: социально-демографические, уголовно-правовые, социальные роли и социальные статусы, нравственные свойства и психологические особенности²⁷⁶. Отмечая наличие различных разработанных схем структуры личности преступника, приведенную модель Е. Б. Кургузкина называет «наиболее характерной»²⁷⁷, а А. И. Долгова относит ее к «одному из наиболее распространенных подходов в криминологии»²⁷⁸, однако, в дополнение к перечисленным свойствам указывает на физические (биологические) характеристики, образующие самостоятельную группу. Среди авторов, придерживающихся подобного подхода, можно назвать Ю. М. Антоняна, П. С. Дагеля, Н. С. Лейкину, А. Б. Сахарова, Б. С. Волкова, В. В. Лунеева и некоторых других ученых.

Вместе с тем, несмотря на распространенность обозначенного подхода, отмечается, что он «преимущественно «работает» при анализе статистических данных о контингентах преступников. Однако он не отвечает задаче подхода к личности как определенного рода целостности и определения разных личностных типов преступников»²⁷⁹. Иными словами, механическое распределение личностных характеристик в отдельные группы не способно отразить взаимосвязи между ними и, следовательно, несколько упрощает восприятие личности до суммы или набора свойств. При этом исследователь рискует получить искаженное представление о личности как о величине статичной, неизменной, в то время, как методологически

²⁷⁵ Долгова А.И. Указ. соч. С. 3-16.

²⁷⁶ Сахаров А.Б. Указ. соч. С. 27.

²⁷⁷ Кургузкина Е.Б. Указ. соч. С. 159.

²⁷⁸ Долгова А.И. Указ. соч. С. 3-16.

²⁷⁹ Там же. С. 3-16.

правильным является рассмотрение ее в динамике. С. А. Тарарухин в этой связи отмечает: «отправным положением в изучении любой личности является ее понимание как целостного образования, как единства всех свойств и качеств, отражающих взаимосвязь и взаимозависимость личности и социальной среды, в которой живет и воспитывается человек и в которой он себя проявляет. Ни одно из качеств личности, взятое изолированно, не определяет и не может определить содержания поведения, его социальную или антиобщественную направленность»²⁸⁰.

В этой связи интерес представляет модель структуры личности преступника, предложенная Ю. М. Антоняном, подход которого, в первую очередь, можно назвать дробным, однако, ученый специально подчеркивает, что выделенные подструктуры личности являются взаимодействующими. Кроме того, как и в предыдущих моделях, в основу предложенной Ю. М. Антоняном структуры личности преступника «положен биологический фундамент»²⁸¹. Так, ученый выделяет:

А) Психологические особенности (особенности характера, темперамента, мышления, памяти, восприятия и т. д.)

Б) Нравственные особенности и ориентации, нравственные позиции.

В) Навыки, знания, умения.

Г) Представления о себе, отношение к себе.

Д) Представления об окружающем мире, отношение к нему.

Е) Социальные и психологические аспекты пола, возраста, состояния здоровья.

Ж) Социальные и психологические аспекты жизненного опыта²⁸².

Критикуя приведенную модель, В. Н. Бурлаков отмечает применимость ее на уровне индивидуального изучения личности преступника, что

²⁸⁰ Тарарухин С.А. Преступное поведение: социальные и психологические черты. М.: Юрид. лит., 1974. С. 7.

²⁸¹ Кургузкина Е.Б. Указ. соч. С. 161.

²⁸² Антонян Ю.М., Саблина Л.С. Краткий курс криминологии. М.: МГЭИ, 1997. С. 57. Цит. по: Кургузкина Е.Б. Указ. соч. С. 161-162.

допускает рассмотрение как рядоположенных социальных, психологических, физиологических и биологических свойств. Однако, для иных уровней исследования личности преступника подобный подход, по мнению ученого, оказывается недопустимым²⁸³. В основу собственной структурной модели личности преступника ученый кладет ее социальную направленность, с учетом чего выделяет следующие элементы:

- социальный статус, состоящий из совокупности признаков, отражающих место человека в системе общественных отношений (семейное положение, уровень образования, социальное положение и т. п.);
- социальные функции, отражающие ролевые проявления личности в основных сферах деятельности (материальной, общественной, бытовой);
- нравственно-психологические установки, отражающие отношение человека к его проявлениям²⁸⁴.

Анализируя ряд моделей структуры личности преступника, в том числе, приведенные выше, Е. Б. Кургузкина совершенно справедливо отмечает, что «ничего криминогенного именно в структуре личности преступника нет, то есть в личности преступника нет таких подструктур, которые есть только у законопослушных граждан. Все дело в наполнении подструктур, особенно нравственных»²⁸⁵. Вместе с тем, формулируя собственную позицию на структуру личности преступника, данный автор подходит к вопросу довольно широко, включая блоки физиологических и биологических (наследственных) свойств. Указанная концепция, по сути, представляющая собой попытку максимального учета личностных свойств, как нам кажется, представляет исследовательский интерес – в том числе, и в

²⁸³ Бурлаков В.Н. Криминогенная личность и индивидуальное предупреждение преступлений: дисс. ... докт. юрид. наук. СПб., 1998. С. 26. Цит. по: Кургузкина Е.Б. Указ. соч. С. 162.

²⁸⁴ Бурлаков В.Н. Криминогенная личность и индивидуальное предупреждение преступлений: дисс. ... докт. юрид. наук. СПб., 1998. С. 26. Цит. по: Кургузкина Е.Б. Указ. соч. С. 162.

²⁸⁵ Кургузкина Е.Б. Указ. соч. С. 163.

силу своей отличности от рассмотренных выше позиций. Итак, ученый выделяет:

I. Уровень низшего порядка – социально-демографические признаки – «эти структурные свойства являются базой, на которой находятся уровни более высокого порядка».

II. Конституционные свойства личности преступника, которые можно разделить на: 1) общую и 2) частную конституции лица. В данном случае речь идет о физиологических особенностях человеческого организма – в первом случае они характеризуют «организм в целом», а в основе этой характеристики криминогенной личности лежит генотип, тогда как во втором случае имеются в виду «отдельные индивидуальные особенности организма» (морфологическая конституция – хромосомная и телесная; и функциональные черты – биохимическая и физиологическая).

III. Нейродинамические свойства личности преступника – «совокупность свойств нервных процессов возбуждения и торможения и их различных сочетаний» (сила (слабость) нервной системы, уравновешенность, подвижность, динамичность, лабильность).

IV. Психодинамический уровень личности преступника – «устойчивое единство его психодинамических свойств» (темперамент, сенситивность, общие способности).

V. Психологическая характеристика личности преступника (потребности, мотивы, способности и характер личности).

VI. Самосознание личности преступника – «совокупность ее представлений о себе, выражающихся в «Я-концепции», и оценка личностью преступника этих представлений»²⁸⁶.

На наш взгляд, автор приведенной структурной модели личности преступника недооценивает значение социальных отношений и связей, в которые оказывается вовлеченной личность в течение своей жизни, что проявляется в отсутствии соответствующих групп признаков, а также в факте

²⁸⁶ Кургузкина Е.Б. Указ. соч. С. 164-166.

включения социально-демографических характеристик в признаки первого уровня, базового для физиологических, психологических и других признаков. Не является ли соотношение между указанными характеристиками обратным, когда врожденные качества личности предстают своеобразным полем, культивируемым в процессе социализации личности, формального и неформального социального контроля и, наконец, самоконтроля личности? Кроме того, начиная разговор о понятии личности преступника, мы предварили его экскурсом в философскую науку в части исследования человека, индивида и личности, а резюмировали замечанием А. И. Долговой о том, что «в рамках собственно криминологического изучения недостижимо исчерпывающее изучение личности»²⁸⁷. Отсюда, на наш взгляд, характеристика структуры личности преступника должна ориентироваться на выявление тех компонентов, которые позволяют, в первую очередь, пролить свет на детерминанты преступного поведения, избрать меру ответственности, а также предупредить новые преступления, что, по большому счету, сводится к задаче выявления соотношения личности и социальной ситуации (обстоятельств) в механизме преступного поведения.

Предложенная Е. Б. Кургузкиной модель структуры личности преступника обращает внимание на вопрос о соотношении биологического и социального в личности преступника, который со времен советской криминологии сохраняет свою дискуссионность до сегодняшнего дня. Его неизменная актуальность вытекает из биосоциальной природы человека, «обуславливающей ...различную основу свойств личности: социальную, психологическую, биологическую»²⁸⁸. Кроме того, интерес к данному вопросу вытекает из результатов многолетних исследований, согласно которым среди преступников высока доля лиц с психическими отклонениями. Необходимо учитывать также факт развития генетики, что «позволяет в определенной мере прогнозировать поведение конкретной

²⁸⁷ Долгова А.И. Указ. соч. С. 3-16.

²⁸⁸ Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология: учебное пособие. Томск, 2017. С. 119.

личности, имеющей конкретный генотип»²⁸⁹. Среди других факторов, опосредующих исследовательский интерес к проблеме соотношения биологического и социального в личности преступника, Л. М. Прокументов и А. В. Шеслер называют обострение социальных последствий взаимодействия человека и техники в результате научно-технической революции, а также рост воздействия социальных факторов, оказывающих психотравмирующее воздействие на человека в современном обществе²⁹⁰.

На сегодняшний день большинство криминологов, признав ненаучный характер противоположных подходов, появившихся на определенном этапе развития отечественной науки и абсолютизовавших значение биологических или социальных факторов, придерживаются позиции, согласно которой социальные факторы являются причиной преступного поведения, тогда как биологические – его условиями. Как подчеркивают Л. М. Прокументов и А. В. Шеслер, «в настоящее время в криминологической науке не подвергается сомнению положение, в соответствии с которым признаются социальная природа преступности и ее причин, определяющее значение в механизме индивидуального преступного поведения социальной среды и социальных качеств человека»²⁹¹.

Отсюда, вновь обращаясь к вопросу о структуре личности преступника, считаем, что ее компоненты должны способствовать поиску ответа на вопрос о причинах совершенного преступления, в первую очередь, а не претендовать на исчерпывающее знание о личности, что в принципе невозможно. Ввиду указанного целесообразным представляется обращение к иным подходам к определению структуры личности преступника. Так, Л. М. Прокументов и А. В. Шеслер в содержание «наиболее устоявшейся позиции, чаще всего применяемой при характеристике личности лица, совершившего

²⁸⁹ Там же. С. 120.

²⁹⁰ Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Указ. соч. С. 120-121.

²⁹¹ Там же. С. 122.

преступление» включают следующие блоки, «которые показывают структуру личности и одновременно характеризуют ее»:

- социально-типологическая характеристика личности преступника – «совокупность ее социальных позиций, определяющих принадлежность личности к определенной социальной группе» (пол, возраст, образование, семейное положение, род занятий, место жительства);

- социально-ролевая характеристика личности – «позволяет увидеть личность преступника в реальной деятельности, которая вытекает из занятия этой личностью определенных социальных позиций»;

- нравственно-психологическая характеристика личности – «выражает отношение преступника к обществу в целом, принятым в нем ценностям и нормативно одобряемым социальным ролям» (мотивационная сфера)²⁹².

Отсутствие среди обозначенных блоков уголовно-правовых характеристик личности преступника ученые обосновывают тем, что «такая характеристика личности преступника вполне правомерна в науке уголовного права», но «в криминологии выделение уголовно-правовой характеристики личности преступника является излишним, поскольку эта характеристика в основном совпадает с таким показателем преступности, как число лиц, совершивших преступления»²⁹³.

Ценность приведенного подхода к определению структуры личности преступника обусловлена, в том числе, и тем фактом, что авторы отражают включенность личности преступника в многообразные социальные связи и взаимодействия: «отношения (связи) между людьми часто важнее, чем сам человек, продукт этих отношений. Сказанное означает, что познание личности лица, совершившего преступление, возможно только с учетом анализа общественных отношений, в которые личность реально включена, поскольку именно отношения во многом формируют и определяют

²⁹² Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Указ. соч. С. 105-112.

²⁹³ Там же. С. 106.

отдельные элементы структуры личности и связи между этими элементами»²⁹⁴.

Анализ множественных альтернативных подходов к структуре личности преступника, предложенных авторами, показывает, что одним из компонентов, как правило, выделяемых в каждой из моделей, является ценностно-нормативная подструктура личности. Поскольку, если, к примеру, с социально-демографической подструктурой проблем в определении ее содержания не возникает, то о ценностно-нормативной подструктуре это сказать нельзя. Между тем, значение ее переоценить сложно, поскольку именно в ее содержание входит криминальная мотивация личности преступника, выступающая, по мнению некоторых ученых, субъективной причиной преступного поведения. Более того, значение ценностно-нормативной сферы для выявления качественных личностных особенностей преступника неоднократно подчеркивалось в криминологической литературе. Так, И. И. Карпец и А. Р. Ратинов указывали, что «преступников отличает не только и не столько степень искажения их социального сознания, сколько качественное содержание имеющихся искажений»²⁹⁵. К аналогичному выводу приходят современные ученые Ю. М. Антонян и В. Е. Эминов: «...преступники от неправоверных в целом отличаются нравственно-психологической спецификой»²⁹⁶. В этой связи представляется необходимым обратиться к рассмотрению указанной подструктуры.

Ценностно-нормативная сфера личности образует отдельную подсистему в структуре личности и охватывает потребности и интересы, формирующие конкретные мотивы деятельности лица. При этом мотивационная структура личности преступника отличается наличием в ней

²⁹⁴ Там же. С. 105.

²⁹⁵ Карпец И.И., Ратинов А.Р. Правосознание и причины преступности // Советское государство и право. 1968. № 12. С. 49.

²⁹⁶ См., напр.: Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Указ. соч. С. 49.

квазипотребностей, т.е. потребностей-наслоений²⁹⁷. Для обозначения последних Э. Фромм использовал категорию «желаемое», противопоставляя ей понятие «желательное»: «...люди хотят иметь не только то, что нужно им для выживания, и не только то, что составляет материальную основу достойной человека жизни. Большинство людей нашего культурного ареала (и проживающие в сходных исторических условиях) отличаются алчностью: накопительство, неумеренность в пище и питье, необузданность в сексе, жажда власти и славы и т. д.»²⁹⁸.

В совокупности с личностными установками – взглядами, убеждениями – квазипотребности характеризуют мотивировку личности, на основе которой делается вывод о направленности личности в целом²⁹⁹. Отметим, что некоторыми авторами предложено выделять в рамках указанной подструктуры личности преступника две группы качеств: первая – это «установившиеся отношения к различным социальным моральным ценностям и различным сторонам действительности», а вторая – уровень, характер и социальная значимость испытываемых лицом потребностей и притязаний (социально-полезные, оправданные) или социально-вредные, неоправданные) и избираемые способы их удовлетворения (легальные, неправомерные, общественно опасные)³⁰⁰.

Таким образом, именно в особенностях ценностно-нормативной сферы личности или, как ее еще называют, социально-психологической или мотивационной сферы³⁰¹, кроются те относительно устойчивые признаки,

²⁹⁷ См., напр.: Еникеев М.И. Общая и юридическая психология: учебник: в 2 ч. Ч. II: Юридическая психология. М., 1996. С. 143; Миньковский Г.М. Методологические и методические аспекты изучения личности в криминологии // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1977. Вып. 27. С. 18-35.

²⁹⁸ Фромм Э. Указ. соч. С. 133.

²⁹⁹ Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974. С. 77-111.

³⁰⁰ Сахаров А.Б. Указ. соч. С. 31.

³⁰¹ Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: учебник: в 2 т. Т. I: Общая часть. М., 2011. С. 634–642.

которые определяют факт совершения преступного деяния и выступают критериями прогноза продолжения преступной деятельности.

Так, потребности, ценности, установки и идеалы, образующие ценностно-нормативную сферу личности, имеют значение постольку, поскольку объективируются в социально значимой деятельности индивида, в данном случае преступной. Как отмечается исследователями, образующая индивида «система качеств, с одной стороны, проявляется в его деятельности, а с другой – в этой деятельности формируется»³⁰². Вместе с тем содержание индивидуальной деятельности определяется еще одной подсистемой личности – социально-демографическими характеристиками «пола, возраста, образования, социального и семейного положения, рода занятий, места жительства, материального положения, жилищно-бытовых условий, должностного положения, места работы, судимости...»³⁰³. Важно, что социальный статус и роль личности, кроме этого, оказывают воздействие и на ее мотивационную сферу, причем речь идет о статусе и роли, имеющих ключевое значение в «ролевом наборе» личности³⁰⁴.

Именно на подобный эффект рассчитано закрепление в соответствующих кодексах профессиональной этики той совокупности нравственных качеств, наличие которых презюмирует факт обладания индивидом конкретным социальным статусом и ролью, например, статусом государственного или муниципального служащего, аудитора, прокурорского работника, сотрудника внутренних дел, работника школы, адвоката, судьи, нотариуса и др.³⁰⁵.

³⁰² Каган М.С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). М., 1974. С. 255.

³⁰³ Лунеев В.В. Указ. соч. С. 623. Социальный статус и роль в качестве самостоятельной подсистемы личности преступника выделены в монографиях: Бурлаков В.Н. Личность преступника и назначение наказания. Л., 1986. С. 45; Сахаров А.Б. Указ. соч. С. 27; Российская криминологическая энциклопедия / под ред. А.И. Долговой. М., 2000. С. 298; Криминология: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М., 1998. С. 117.

³⁰⁴ См., напр.: Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ; Хранитель, 2006. С. 540; Немировский В.Г. Указ. соч. С.118; Шибутани Т. Социальная психология / пер. с англ. В.Б. Ольшанского. Ростов н/Д.: Феникс, 1999. С. 59.

³⁰⁵ См., напр.: Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (одобрен решением Президиума

Таким образом, познание личности преступника предполагает обращение к ее структуре, что, в свою очередь, способствует выявлению причин и условий преступного поведения, а также факторов, необходимых в целях предупредительной деятельности. Несмотря на обилие разработанных в криминологии структурных моделей личности преступника, полагаем, что задачей исследователя является построение такой модели, которая отражает социальную природу преступности, ее причин и личности преступника как «меры социальной патологии в человеке»³⁰⁶.

2.4 Типология личности преступника

Каждый из преступников является личностью, личность каждого преступника уникальна, что, однако, не препятствует возможности выявить некие признаки, общие для лиц, совершающих преступления. Подобный подход позволяет не только упорядочить совокупность личностных характеристик преступников, но и сформулировать на этой основе общие рекомендации по предупреждению преступной деятельности отдельных групп лиц. С учетом указанного в криминологии производятся классификации личности преступника по какому-либо признаку, а также предлагаются типологии личности преступника.

Классификация как способ упорядочения множества составляющих является наиболее простым и удобным способом, с которым связана возможность изучения явления с различных точек зрения, поскольку в

Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г.) (протокол N 21) // Официальные документы в образовании, декабрь 2011 г. № 36; Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации: приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 17.03.2010 № 114. URL: <http://genproc.gov.ru/documents/orders/document-14294/> (дата обращения: 26.09.2021); Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации (утв. Минюстом России 19.01.2016). URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 26.09.2021).

³⁰⁶ Клейменов М.П. Криминология: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. С. 86.

основании классификации могут лежать разнообразные признаки, присущие каждому из упорядочиваемых элементов. Вместе с тем, по своей гносеологической ценности способ классификации уступает типологии, поскольку, очевидно, что исследование явления с какой-либо одной позиции предполагает абстрагирование от иных, значимых его характеристик. Кроме того, «классификация, помогая установить связь отдельных свойств личности с преступным поведением, не дает объяснения последнему»³⁰⁷.

Несмотря на это, классификация как способ изучения личности преступника имеет прикладное значение и широко используется не только в криминологии, но и в иных науках криминального цикла, поскольку позволяет «выявить среди лиц, совершивших преступления, распределенных по определенным группам, наиболее распространенные признаки, имеющие криминологическое значение»³⁰⁸. Более того, как отмечает Ю. М. Антонян, «в советской юридической науке эти вопросы (имеются в виду вопросы классификации и типологии личности преступника – Ю. К.) вначале решались с позиций уголовного и исправительно-трудового права»³⁰⁹. Примером простейшей классификации является различение преступников в зависимости от вида совершенного ими преступления: мошенники, насильники, взяточники и т. д. Практическое значение имеет классификация преступников в зависимости от их возраста, пола, поскольку действующее уголовное и уголовно-исправительное законодательство предусматривает различные условия отбывания наказания для указанных категорий лиц.

Применительно к возможностям криминологической классификации преступников А. Б. Сахаров ее особенностью называет группировку классификационных критериев по иерархическому принципу, когда «каждый из классификационных признаков определяет социально значимое свойство или группу их, однако не исчерпывает всей взаимосвязи свойств,

³⁰⁷ Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Указ. соч. С. 113.

³⁰⁸ Там же. С. 113.

³⁰⁹ Антонян Ю.М. Криминология. Избранные лекции. М.: Логос, 2004. С. 90-94.

характеризующих личность преступника»³¹⁰. Ю. М. Антонян указывает, что «классификации, предлагаемые криминологами, обычно исходят из нравственных и психологических признаков личности преступника, степени общественной опасности правонарушителей, ее глубины, стойкости, содержания»³¹¹.

В противовес методу классификации типология личности преступника предполагает такое различие, которое, как правило, основано на ряде криминологически значимых признаков. Как отмечают Л. М. Прокументов и А. В. Шеслер, «поскольку типология основана на распределении преступников по признакам, закономерно связанным с преступлением, ее основное назначение состоит в причинном объяснении преступного поведения и его прогнозировании»³¹².

Вместе с тем, не исключены ситуации смешения классификации и типологии преступников – в учебнике по криминологии под авторством коллектива преподавателей МГУ (1994) указывается, что «это больше спор о терминах: «типология», «классификация», «группировка»³¹³, при том, что соответствующий параграф данного учебника, поименованный «Классификация преступников», рассказывает о типах личности преступника, выделяемых по характеру и степени общественной опасности.

Анализ криминологической литературы показывает, что вопросы типологии преступников активно обсуждались в научной среде, начиная с дореволюционного периода развития отечественной криминологии. В частности, занимаясь исследованием проблемы преступности несовершеннолетних, профессор А. И. Зак обработал более трех тысяч анкет, на основании чего ему удалось предложить одну из первых типологий личности несовершеннолетнего преступника. «прирожденный преступник» – характеризуется дурной наследственностью, явными дефектами

³¹⁰ Сахаров А.Б. Указ. соч. С. 35.

³¹¹ Антонян Ю.М. Указ. соч. С. 90-94.

³¹² Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Указ. соч. С. 113.

³¹³ Криминология: учебник. М.: изд-во МГУ, 1994. С. 110.

психофизической организации, крайними проявлениями ранней развращенности; привычный преступник – подобные типы личности вполне здоровы и физически и нравственно, но уже втянуты в стихию преступления; случайный преступник, который ввиду возраста незнаком с основными институтами права и «нарушает их с легким сердцем, не понимая, что совершает преступление. Если ему даже и известно, что можно делать и чего нельзя, он легче, чем взрослый человек, поддается искушению, соблазну, случайному впечатлению»³¹⁴.

Значение типологии А. И. Зака сложно переоценить: прежде всего, для российской криминологии это был первый опыт конструирования типов личности преступника на основании установленных эмпирическим путем типовых характеристик. Кроме этого, как следует из обзора работ, посвященных типологии личности преступника и увидевших свет позднее, можно с уверенностью говорить о восприятии авторами исследований А. И. Зака в качестве основы выделения и характеристики отдельных типов личности.

В рамках советской науки учение о личности преступника получило свое первоначальное теоретическое оформление и апробацию в рамках прикладных исследований. Так, признаваемая традиционной типология личности преступников с учетом глубины, устойчивости и интенсивности антиобщественной направленности, была сформулирована именно советскими криминологами и не утратила своей актуальности до сегодняшнего дня. Учитывая сказанное, исследователями выделяются следующие типы преступников:

- «случайные» преступники – лица, впервые совершившие преступления, противоречащие их общей социально-положительной

³¹⁴ Зак А.И. Характеристика детской преступности // Сборник статей под ред. М.Н. Гернета. М.: Книгоиздательство «В.И. Знаменский и Ко», 1912. С. 101-102. Цит. по: Шиян В.И. Указ. соч. С. 16-21.

направленности, характеризуемой всем предшествующим нравственно-положительным поведением;

- «ситуационные» преступники – лица, впервые совершившие тяжкие преступления под воздействием неблагоприятного стечения внешних обстоятельств и характеризуемых на производстве, в быту и во всех иных социальных проявлениях положительно;

- «неустойчивые» преступники – лица, совершившие преступление впервые, но допускавшие и раньше правонарушения и аморальные проявления;

- «злостные» преступники – лица, неоднократно совершавшие преступления, в том числе и ранее судимые;

- «особо опасные» преступники – лица, подпадающие под категорию особо опасных рецидивистов³¹⁵.

Справедливости ради следует указать, что в науке отмечается некоторое упрощение проблемы, присущее данной типологии³¹⁶.

Альтернативная представленной типология, так же в качестве основы для разграничения типов личности преступника использующая понятие антиобщественной направленности, обращает внимание на ее характер, дополняя характером ценностных ориентаций. Подобный подход позволил выделить следующие типы личности преступников:

- негативно-пренебрежительный по отношению к другой личности и ее важнейшим благам: жизни, здоровью, телесной неприкосновенности, чести, достоинству, спокойствию и др.;

- корыстно-частнособственнический связан с игнорированием права человека на все виды собственности;

- индивидуалистический – эгоистическое отношение к различным социальным установлениям и предписаниям, своим общегражданским, служебным, семейным и прочим обязанностям;

³¹⁵ Сахаров А.Б. Указ. соч. С. 39.

³¹⁶ Антонян Ю.М. Указ. соч. С. 90-94.

- легкомысленно-безответственный – безответственное отношение к установленным социальным ценностям, своим обязанностям по отношению к ним, проявляющееся в совершении различных неосторожных преступлений³¹⁷.

Перспективной с исследовательских позиций является типология, проводимая с учетом мотивации преступного поведения, причем ее гносеологическое значение предопределяется ролью мотива в характеристике и личности, и ее поведения: «...мотив наиболее ярко характеризует человека, и личность такова, каковы ее мотивы»³¹⁸. С учетом мотивации преступного поведения выделяются следующие типы преступников:

- корыстолюбивый – совершает преступления из корысти, алчности, жадности;

- престижный – стремится занять более высокое социальное положение, завоевать авторитет, быть на виду;

- игровой – увлекается процессом совершения преступления как игрой, испытывает азарт;

- защищающийся – стремится с помощью преступления защитить себя от действительных или мнимых опасностей;

- садистский – испытывает удовлетворение от причинения боли, страданий жертвы; совершает насилие ради насилия;

- сексуальный – совершает преступления ради удовлетворения сексуальной потребности, подтверждая свой биологический и физиологический статус;

- алкогольный / наркозависимый – стремится добыть средства для приобретения алкоголя или наркотиков;

- конформный – совершает преступления в группе силу готовности подчиняться групповой динамике и неспособности к самоопределению;

³¹⁷ Аминов И.И. Указ. соч. С. 109-112.

³¹⁸ Антонян Ю.М. Указ. соч. С. 90-94.

- идейный / фанатичный – воплощает субъективно ценную идею или идеалы политического, религиозного, национального характера или канонов криминальной общности;

- компенсаторный – совершает преступление ради компенсации или разрядки психотравматических переживаний собственной ущербности, униженности, стигматизированности³¹⁹.

Ю. М. Антонян в рамках типологии личности преступника по мотивации преступного поведения также выделяет семейный, дезадаптивный (асоциальный) типы; отвергаемый тип, особо выделяемый среди насильников³²⁰.

Следует сказать, что варианты выделяемых типов личности преступника в зависимости от характера и содержания мотивационной сферы довольно разнообразны и многочисленны. К примеру, помимо обозначенных типов преступников, в науке по указанному основанию также выделяются преступники:

- 1) с политической мотивацией;
- 2) с корыстной мотивацией;
- 3) с насильственно-эгоистической (агрессивной) мотивацией;
- 4) с анархическо-индивидуалистической мотивацией;
- 5) с легкомысленно-безответственной мотивацией³²¹.

Ю. М. Антоняном предложено в качестве критерия типологии преступников рассматривать степень общественной опасности личности преступника:

- абсолютно опасные – преступники, виновные в совершении тяжких и особо тяжких преступлений против личности, в том числе, совершавшие их неоднократно.

³¹⁹ Пастушеня А.Н., Урбанович А.А. Юридическая психология: учеб. пособие. Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2015. С. 62–66.

³²⁰ Антонян Ю.М. Указ. соч. С. 90-94.

³²¹ Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. М., 1991. С. 186–187. Цит. по: Прозуменгов Л.М., Шеслер А.В. Указ. соч. С. 114.

- особо опасные – лица, совершающие убийства в конфликтной ситуации; корыстные преступления с причинением большого материального ущерба; корыстно-насильственные преступления. Сюда же следует отнести руководителей преступных организаций.

- опасные – лица, совершающие иные преступления против личности, нарушающие общественный порядок и т. д., но не посягающие на жизнь.

- незначительно опасные – остальные преступники, в первую очередь совершившие преступления по неосторожности или в силу неблагоприятного стечения личных обстоятельств, но не против жизни человека³²².

Как видим, достаточно распространенным подходом к типологии личности преступника является обращение к субъективным ее характеристикам, содержание, интенсивность и направленность которых позволяют выделять отдельные типы. Однако, в криминологической науке есть примеры типологии, в основе которых лежит учет внешних по отношению к личности факторов и особенности их личностного субъективного восприятия. В частности, А. И. Долгова выявляет «...тип криминогенной личности с тремя подтипами, а также тип случайного преступника», в качестве критерия их разграничения признавая «характер ведущей стороны взаимодействия социальной ситуации и личности: приоритет относительно устойчивых личностных характеристик либо проблемной, конфликтной ситуаций, к которым человек не был подготовлен». При этом «социальный тип криминогенной личности», характеризуясь «определенной целостностью личностных характеристик», включает «три подтипа: последовательно-криминогенный, ситуативно-криминогенный, ситуативный»³²³. Далее автор отмечает, что «72% представителей последовательно-криминогенного подтипа через 10 и 20 лет оказывались в категории рецидивистов. Среди них не было активно-

³²² Антонян Ю.М. Указ. соч. С. 90-94.

³²³ Долгова А.И. Указ. соч. С. 3-16.

исправившихся лиц, характеризовавшихся автономным правомерным поведением»³²⁴.

Ценность приведенной типологии личности преступника, помимо прочего, обусловлена еще и тем, что характеристика отдельных типов сквозь призму особенностей субъективно-объективного взаимодействия личности и ситуации позволила автору сделать предположения о детерминантах появления такой личности. В продолжение мысли о последовательно-криминогенном типе личности, А. И. Долгова связывает ее особенности с «высокой устойчивостью личностных характеристик, формируемых с детства и отчетливо сформированных уже к 16-18 годам», а также с «просчетами коррекционной работы с ними и их социальной средой»³²⁵.

Близкой к типологии А. И. Долговой следует признать типологию личности преступника, предложенную Л. М. Прозументовым и А. В. Шеслером, поскольку в основу ее авторы положили «...такой объективно выраженный критерий, как поведенческая активность личности под влиянием конкретной криминогенной жизненной ситуации»³²⁶, что, по их мнению, обуславливает практическое значение типологии: «определение интенсивности профилактического воздействия на личность с целью предупреждения совершения ею повторного преступления»³²⁷. Ученые выделяют такие типы преступников, как:

а) последовательно-криминальный – «этот тип встречается обычно среди лиц, неоднократно судимых за тяжкие преступления»;

б) ситуативно-криминогенный – «по данным большинства исследователей, наиболее часто встречается среди несовершеннолетних преступников»;

в) ситуативный – его типичными признаками являются «формирование и деятельность, как правило, в законопослушной социальной среде;

³²⁴ Там же. С. 3-16.

³²⁵ Долгова А.И. Указ. соч. С. 3-16.

³²⁶ Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Указ. соч. С. 119.

³²⁷ Там же. С. 119.

ответственность выполнения своих социальных ролей на производстве и в быту; совершение преступления под сильным (резко неожиданным или чрезвычайно затяжным) влиянием конкретной криминогенной жизненной ситуации»³²⁸.

Оригинальным является подход к типологии личности преступника, к которому обращается М. П. Клейменов. В основу подхода ученый закладывает сферу социальной активности, что позволяет выделить «социальные типы людей, специфика статуса которых определяет характер преступной деятельности»³²⁹. С учетом указанного критерия выделяются следующие типы личности преступников: «политический, должностной, экономический, уголовный, религиозный, бытовой», причем каждый из обозначенных типов может быть дифференцирован далее по различным признакам, «существенным для данного типа»³³⁰.

В завершение обзора основных позиций, сложившихся в криминологической науке по вопросу о типологии личности преступника, позволим себе привести типологию, разработанную автором настоящей работы в рамках диссертационного исследования на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Обращение к ней тем более логично, что в основе выделяемых типов личности преступника также лежит специфика его «социального облика». Так, с учетом социально-демографических характеристик личности автору удалось выделить тип личности специального преступника с последующей его дифференциацией на два полярных подтипа «социализированного» и «несоциализированного» преступников. При этом «сущность личности специального субъекта преступления заключается в том, что уголовно значимые статусно-ролевые признаки субъекта в криминологическом смысле выступают характеристикой форм взаимодействия личности и социальной среды, в

³²⁸ Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Указ. соч. С. 119.

³²⁹ Клейменов М.П. Указ. соч. С. 101.

³³⁰ Там же. С. 101.

которых искажения ценностно-нормативной сферы, дефективность правосознания, характерные для личности преступника вообще, получают специфическое внешнее выражение»³³¹.

³³¹ Караваева Ю.С. Специальный субъект преступления: криминологическо-правовой подход. Пермь, 2018. С. 148.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Рос. газета. 1996. 18 июня; 19 июня; 20 июня; 25 июня; 2013. 26 июля.
2. Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации: приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 17.03.2010 № 114. URL: <http://genproc.gov.ru/documents/orders/document-14294/> (дата обращения: 26.09.2021).
3. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (одобрен решением Президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г.) (протокол N 21) // Официальные документы в образовании, декабрь 2011 г. № 36.
4. Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации (утв. Минюстом России 19.01.2016). URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 26.09.2021).
5. О назначении судами Российской Федерации уголовного наказания: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 // Российская газета. № 295. 29.12.2015.

Научная и учебная литература

6. Аминов И.И. Юридическая психология: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 415 с.
7. Антонян Ю. М. Криминология. Избранные лекции. М.: Логос, 2004. – 447 с.

8. Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника: криминологическое психологическое исследование. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2014. – 366 с.
9. Бурлаков В.Н. Личность преступника и назначение наказания. Л., 1986. – 87 с.
10. Герцензон А.А. Уголовный закон и личность преступника: учеб. пособие. М., 1968. – 79 с.
11. Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. – 520 с.
12. Гишинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Авторский курс. – 4-е изд., перераб. и доп. СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2018. – 517 с.
13. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / пер. с франц. М.: Мысль, 1994. – 399 с.
14. Еникеев М.И. Общая и юридическая психология: учебник: в 2 ч. Ч. II: Юридическая психология. М., 1996. – 558 с.
15. Жигарев Е.С., Петухов В.И. Философия криминологии. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. – 380 с.
16. Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974. – 167 с.
17. Иншаков С.М. Зарубежная криминология. М.: Изд. группа ИНФРА-М-НОРМА, 1997. – 374 с.
18. Караваева Ю.С. Специальный субъект преступления: криминологический правовой подход. Пермь, 2018. – 192 с.
19. Карпец И.И. Проблема преступности. М.: Юрид. лит., 1969. – 167 с.
20. Клейменов М.П. Криминология: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. – 431 с.
21. Каган М.С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). М., 1974. – 328 с.

22. Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения: уч. пособие. – 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. дом АЛЕФ-ПРЕСС, 2014. – 222 с.
23. Кон И.С. Социология личности. М.: Политиздат, 1967. – 383 с.
24. Криминология: учебник. М.: изд-во МГУ, 1994. – 413 с.
25. Криминология: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М., 1998. – 566 с.
26. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969. – 232 с.
27. Лейкина Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – 129 с.
28. Ломброзо Ч. Преступный человек. М.: Эксмо, Миргард, 2005. – 876 с.
29. Ломов Б.Ф. Сознание как идеальное отражение // Психология сознания / сост. и ред. Л.В. Куликова. СПб., 2001. – 480 с.
30. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: учебник: в 2 т. Т. I: Общая часть. М., 2011. – 1002 с.
31. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ; Хранитель, 2006. – 873 с.
32. Мицкевич А.Ф. Уголовное наказание: понятие, цели и механизмы действия. СПб.: Юрид. центр ПРЕСС, 2005. – 327 с.
33. Немировский В.Г. социология человека: от классических к постнеклассическим подходам. – 2-е изд. М.: Изд. ЛКИ, 2008. – 302 с.
34. Номоконов В.А. Преступное поведение: детерминизм и ответственность. Владивосток, 1989. – 157 с.
35. Пастушеня А.Н., Урбанович А.А. Юридическая психология: учеб. пособие. Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2015. – 203 с.
36. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Психология: учебник для студентов вузов. М., 1998. – 512 с.
37. Прокументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний. Томск, 2012. – 142 с.
38. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология: учебное пособие. Томск, 2017. – 283 с.
39. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1973. – 423 с.

40. Сахаров А.Б. Учение о личности преступника и его значение в профилактической деятельности органов внутренних дел. Лекция. М.: МВШМ МВД СССР, 1984. – 43 с.
41. Тарарухин С.А. Преступное поведение: социальные и психологические черты. М.: Юрид. лит., 1974. – 220 с.
42. Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск, 1981. – 213 с.
43. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. – 640 с.
44. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности: основные положения, исследования и применение. Учеб. пособие / Пер. с англ. СПб.: Питер-Пресс, 1997. – 606 с.
45. Шибутани Т. Социальная психология / пер. с англ. В.Б. Ольшанского. Ростов н/Д.: Феникс, 1999. – 538 с.
46. Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Наука, 1985. – 247 с.

Научные статьи и публикации

47. Антонов-Романовский Г.В. Личностный аспект отклоняющегося поведения (философский подход) // Личность преступника и ее криминологическое изучение / под ред. проф. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2018. С. 43-48.
48. Антонян Ю.М. Криминология будущего: междисциплинарные научные связи // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4 (30). С. 67-75.
49. Афанасьев В. Эволюция концепции аномии в социологии девиантного поведения // Рубеж: Альманах социальных исследований. 1992. № 2. С. 69-81.
50. Борков В. Квалификация провокационно-подстрекательских действий сотрудников правоохранительных органов // Уголовное право. 2015. № 1. С.16–21.

51. Варданын А.В. Субъект преступления и личность преступника как междисциплинарные категории уголовно-правовых наук: вопросы соотношения и интеграции // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. № 2. С. 244–251.
52. Волженкин Б.В. Общественная опасность преступника и основание уголовной ответственности // Правоведение. 1963. № 3. С. 90-98.
53. Грошева И.А. Концептуальные основы институционализации социального контроля // Академический вестник. 2011. № 3 (17). С. 51-58.
54. Гуринская А.Л. Теория рационального выбора в зарубежной криминологии и ее влияние на уголовную политику // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 120. С. 203-216.
55. Долгова А.И. Преступление и личность преступника в свете изучения причин преступности // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1979. Вып. 30. С. 8.
56. Долгова А.И. Личность преступника как криминологическая проблема // Личность преступника и ее криминологическое изучение / Под ред. проф. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2018. С. 3-16.
57. Карпец И.И., Ратинов А.Р. Правосознание и причины преступности // Советское государство и право. 1968. № 12. С. 49.
58. Кривошеев В.В. Особенности аномии в современном российском обществе // Социологические исследования. 2004. № 3 (239). С. 93-96.
59. Кузнецова Е.М. Эволюция представлений о социальном управлении и контроле // Омские социально-гуманитарные чтения – 2008: Материалы I регион. научн.-практ. конф. (Омск, 28-29 апреля 2008 года). Омск: изд. ОмГТУ, 2008. С. 24-29.
60. Миньковский Г.М. Методологические и методические аспекты изучения личности в криминологии // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1977. Вып. 27. С. 18-35.

61. Мухамбетова А.Ж., Ахтаева Н.С. Теоретические подходы к проблемам девиантного поведения // Человеческий фактор: социальный психолог. 2013. № 2 (26). С. 41-50.
62. Номоконов В.А. О проблеме изучения причин преступности // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1986. Вып. 44. С. 5.
63. Номоконов В.А. Возвращение личностного подхода необходимо // Личность преступника и ее криминологическое изучение / Под ред. проф. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2018. С. 21-29.
64. Прокументов Л.М. О происхождении антропологического направления в уголовном праве и криминологии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10. № 1. С. 20-27.
65. Романовский Г.Б. Правовые основы современной биокриминологии (к 95-летию со дня рождения И.С. Ноя) // Наука. Общество. Государство. 2018. Т. 6. № 4 (24). С. 82-87.
66. Ратинов А.Р. Личность преступника и проблема ценности // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1978. Вып. 29. С. 101.
67. Романюк Т.В. Анализ основных концептуальных подходов к изучению девиантного поведения детей и подростков // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2016. № 29. С. 51-60.
68. Тенчов Э.С. Общественная опасность личности преступника и основание специальных видов освобождения от уголовной ответственности // Личность преступника и уголовная ответственность: межвуз. науч. сб. Саратов, 1981. С. 98-106.
69. Титова Т.С., Сафуанов Ф.С. Изучение личности преступника и преступности (исторический экскурс) // Российский психиатрический журнал. 2017. № 1. С. 53-60.
70. Феофанов К.А. Социальная аномия: обзор подходов в американской социологии // Социологические исследования. 1992. № 5. С.89-91.

71. Хомутова Н.Н. Ценностное понимание личности в философии // Вестник ВолГУ. Серия 7. 2008. № 1 (7). С. 148-149.
72. Чемякина А.В. Проблема личности в русле некоторых психологических теорий // Вестник Ярославского государственного университета им. Г.П. Демидова. Серия «Гуманитарные науки». 2013. № 2 (24). С. 86-91.
73. Шеслер А.В. Концептуальные подходы к изучению личности преступника в отечественной криминологии // Вестник Владимирского юридического института. 2016. № 3 (40). С. 133-135.
74. Шеслер А.В. Личность преступника в криминологических теориях советского периода // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 2. С. 193-205.
75. Шиян В.И. Изучение личности преступника в Российской империи XIX – начала XX веков // Личность преступника и ее криминологическое изучение / под ред. проф. А.И. Долговой. М.: Российская ассоциация криминологов, 2018. С. 16-21.
76. Якушин В., Тюшнякова О. Цели уголовной ответственности // Уголовное право. 2003. № 2. С. 88-89.

Диссертации и авторефераты диссертаций

77. Кургузкина Е.Б. Теория личности преступника и проблемы индивидуальной профилактики преступления: дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2003. – 423 с.

Справочная литература

78. Российская криминологическая энциклопедия / под ред. А.И. Долговой. М., 2000. – 802 с.